

СКАЗКИ

О ПРИНЦЕССАХ

СКАЗКИ о принцессах

Художник Ю. Щетинкина

Москва
• РОСМЭН •
2008

Шарль Перро
ЗОЛУШКА,
или **ХРУСТАЛЬНАЯ**
ТУФЕЛЬКА

Жил-был один почтенный и знатный человек. Первая жена его умерла, и он женился во второй раз, да на такой сварливой и высокомерной женщине, какой никто никогда не видывал.

У неё были две дочери, очень похожие на свою матушку и лицом, и умом, и характером.

У мужа тоже была дочка, добрая, приветливая, милая — вся в покойную мать. А мать её была самая красивая и добрая женщина на свете.

И вот новая хозяйка вошла в дом. Тут-то и показала она свой нрав. Всё было ей не по вкусу, но больше всего невзлюбила она свою падчерицу. Девушка была так хороша, что мачехины дочери рядом с нею казались ещё хуже, чем всегда.

Бедную падчерицу заставляли делать всю самую грязную и тяжёлую работу в доме: она чистила котлы и кастрюли, мыла лестницы, убирала комнаты мачехи и обеих барышень — своих сестриц.

Спала она на чердаке, под самой крышей, на колючей соломенной подстилке. А у обеих сестриц были комнаты с паркетными полами цветного дерева, с кроватями, разубранными по последней моде, и с большими зеркалами, в которых можно было увидеть себя с головы до ног.

Бедная девушка молча сносила все обиды и не решалась пожаловаться даже отцу. Мачеха так прибрала его к рукам, что он теперь на всё смотрел её глазами и, наверно, только побранил бы дочку за неблагодарность и непослушание.

Вечером, окончив работу, она забиралась в уголок возле камина и сидела там на ящике с золой. Поэтому сёстры, а за ними и все в доме прозвали её Золушкой.

А всё-таки Золушка в своём стареньком платьице, перепачканном золою, была во сто раз милее, чем её сестрицы, разодетые в бархат и шёлк.

И вот как-то раз сын короля той страны устроил большой бал и созвал на него всех знатных людей с жёнами и дочерьми.

Золушкины сёстры тоже получили приглашение на бал. Они очень обрадовались и сейчас же принялись выбирать наряды и придумывать, как бы причесаться, чтобы удивить всех гостей и понравиться принцу.

У бедной Золушки работы и заботы стало ещё больше, чем всегда. Ей пришлось гладить сёстрам платья, крахмалить их юбки, плоить воротники и оборки. В доме только и разговору было что о нарядах.

— Я, — говорила старшая, — надену красное бархатное платье и драгоценный убор, который мне привезли из-за моря.

— А я, — говорила младшая, — надену самое скромное платье, но зато у меня будет накидка, расшитая золотыми цветами, и бриллиантовый пояс, какого нет ни у одной знатной дамы.

Послали за искуснейшей модисткой, чтобы она соорудила им чепчики с двойной оборкой, а мушки купила у самой лучшей мастерицы в городе.

Сёстры то и дело подзывали Золушку и спрашивали у неё, какой выбрать гребень, ленту или пряжку. Они знали, что Золушка лучше понимает, что красиво и что некрасиво.

Никто не умел так искусно, как она, приколоть кружева или завить локоны.

— А что, Золушка, хотелось бы тебе поехать на королевский бал? — спрашивали сёстры, пока она причёсывала их перед зеркалом.

— Ах, что вы, сестрицы! Вы смеётесь надо мной! Разве меня пустят во дворец в этом платье и в этих башмаках!

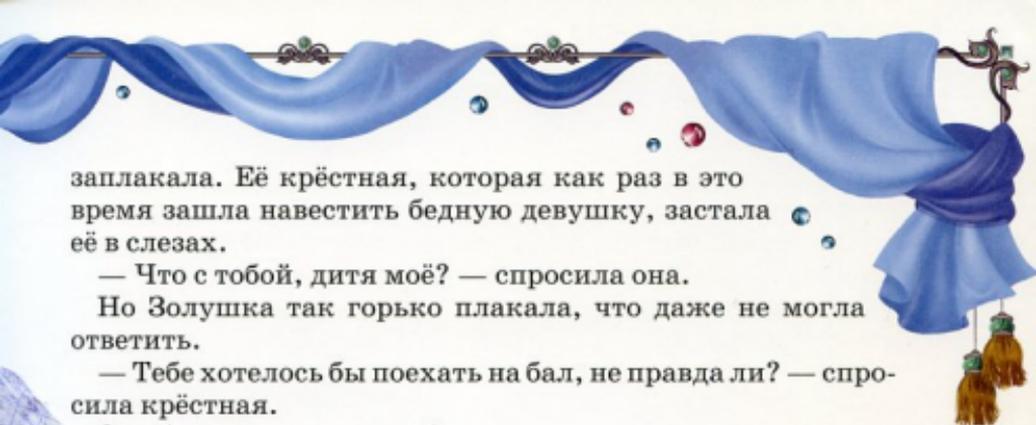
— Что правда, то правда. Вот была бы умора, если бы такая замарашка явилась на бал!

Другая на месте Золушки причесала бы сестриц как можно хуже. Но Золушка была добра: она причесала их как можно лучше.

За два дня до бала сестрицы от волнения перестали обедать и ужинать. Они ни на минуту не отходили от зеркала и разорвали больше дюжины шнурков, пытаясь потуже затянуть свои талии и сделаться потоньше и постройнее.

И вот наконец долгожданный день настал. Мачеха и сёстры уехали.

Золушка долго смотрела им вслед, а когда их карета исчезла за поворотом, она закрыла лицо руками и горько

заплакала. Её крёстная, которая как раз в это время зашла навестить бедную девушку, застала её в слезах.

— Что с тобой, дитя моё? — спросила она.

Но Золушка так горько плакала, что даже не могла ответить.

— Тебе хотелось бы поехать на бал, не правда ли? — спросила крёстная.

Она была фея — волшебница — и слышала не только то, что говорят, но и то, что думают.

— Правда, — сказала Золушка, всхлипывая.

— Что ж, только будь умницей, — сказала фея, — а уж я позабочусь о том, чтобы ты могла побывать сегодня во дворце. Сбегай-ка на огород да принеси мне оттуда большую тыкву!

Золушка побежала на огород, выбрала самую большую тыкву и принесла крёстной. Ей очень хотелось спросить, каким образом простая тыква поможет ей попасть на королевский бал, но она не решилась.

А фея, не говоря ни слова, разрешила тыкву и вынула из неё всю мякоть. Потом она прикоснулась к её жёлтой толстой корке своей волшебной палочкой, и пустая тыква сразу превратилась в прекрасную резную карету, позолоченную от крыши до колёс.

Затем фея послала Золушку в кладовую за мышеловкой. В мышеловке оказалось полдюжины живых мышей.

Фея велела Золушке приоткрыть дверцу и выпустить на волю всех мышей по очереди, одну за другой. Едва только мышь выбегала из своей темницы, фея прикасалась к ней палочкой, и от этого прикосновения обыкновенная серая мышка сейчас же превращалась в серого, мышастого коня.

Не прошло и минуты, как перед Золушкой уже стояла великолепная упряжка из шести статных коней в серебряной сбруе.

Не хватало только кучера. Заметив, что фея призадумалась, Золушка робко спросила:

— Что, если посмотреть, не попалась ли в крысоловку крыса? Может быть, она годится в кучера?

— Твоя правда, — сказала волшебница. — Поди посмотри.

Золушка принесла крысоловку, из которой выглядывали три большие крысы.

Фея выбрала одну из них, самую крупную и усатую, дотронулась до неё своей палочкой, и крыса сейчас же превратилась в толстого кучера с пышными усами — таким усам позавидовал бы даже главный королевский кучер.

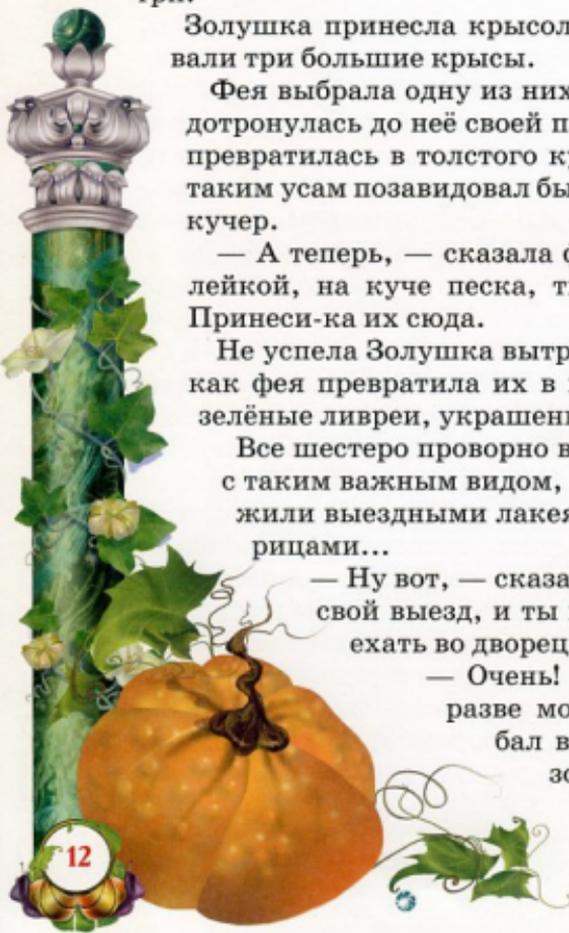
— А теперь, — сказала фея, — ступай в сад. Там за лейкой, на куче песка, ты найдёшь шесть ящериц. Принеси-ка их сюда.

Не успела Золушка вытряхнуть ящериц из фартука, как фея превратила их в выездных лакеев, одетых в зелёные ливреи, украшенные золотым галуном.

Все шестеро проворно вскочили на запятки кареты с таким важным видом, словно всю свою жизнь служили выездными лакеями и никогда не были ящерицами...

— Ну вот, — сказала фея, — теперь у тебя есть свой выезд, и ты можешь, не теряя времени, ехать во дворец. Что, довольна ты?

— Очень! — сказала Золушка. — Но разве можно ехать на королевский бал в этом старом, испачканном золой платье?

Фея ничего не ответила. Она только слегка прикоснулась к Золушкиному платью своей волшебной палочкой, и старое платье превратилось в чудесный наряд из серебряной и золотой парчи, весь усыпанный драгоценными камнями.

Последним подарком феи были туфельки из чистейшего хрусталя, какие и не снились ни одной девушке.

Когда Золушка была уже совсем готова, фея усадила её в карету и строго-настрого приказала возвратиться домой до полуночи.

— Если ты опоздаешь хоть на одну минуту, — сказала она, — твоя карета снова сделается тыквой, лошади — мышами, лакеи — ящерицами, а твой пышный наряд опять превратится в старенькое, заплатанное платьице.

— Не беспокойтесь, я не опоздаю! — ответила Золушка и, не помня себя от радости, отправилась во дворец.

Принц, которому доложили, что на бал приехала прекрасная, но никому не известная принцесса, сам выбежал встречать её. Он подал ей руку, помог выйти из кареты и повёл в зал, где уже находились король с королевой и придворные.

Всё сразу стихло. Скрипки замолкли. И музыканты и гости невольно загляделись на незнакомую красавицу, которая приехала на бал позже всех.

«Ах, как она хороша!» — говорили шёпотом кавалер кавалеру и дама даме.

Даже король, который был очень стар и больше дремал, чем смотрел по сторонам, и тот открыл глаза, поглядел на Золушку и сказал королеве вполголоса, что давно уже не видел такой обворожительной особы.

Придворные дамы были заняты только тем, что рассматривали её платье и головной убор, чтобы завтра же заказать себе что-нибудь похожее, если только им удастся найти таких же искусных мастеров и такую же прекрасную ткань.

Принц усадил свою гостью на самое почётное место, а чуть только заиграла музыка, подошёл к ней и пригласил на танец.

Она танцевала так легко и грациозно, что все залюбовались ею ещё больше, чем прежде.

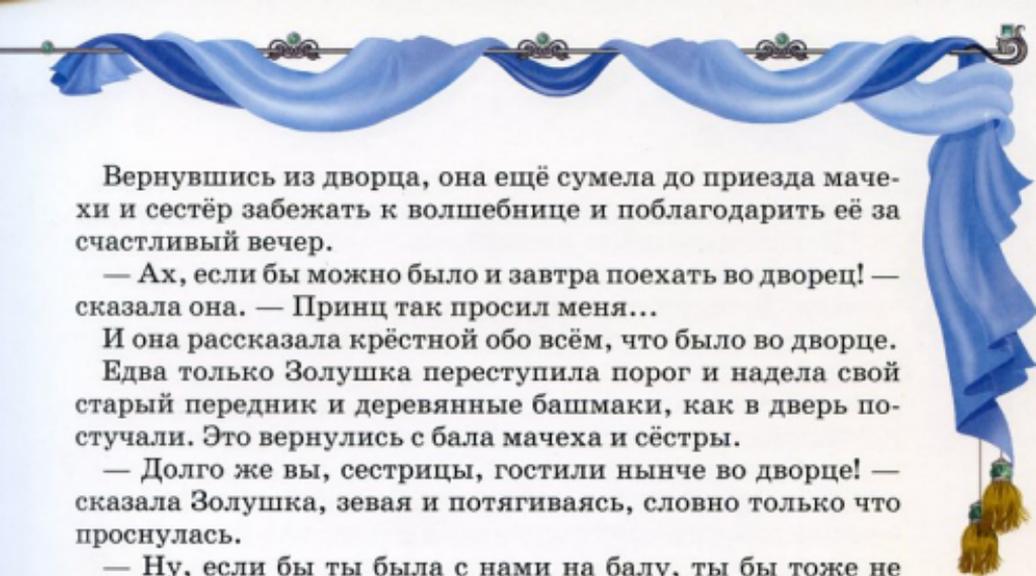
После танцев разносили угощение. Но принц ничего не мог есть — он не сводил глаз со своей дамы. А Золушка в это время разыскала своих сестёр, подседа к ним и, сказав каждой несколько приятных слов, угостила их апельсинами и лимонами, которые поднёс ей сам принц.

Это им очень польстило. Они и не ожидали такого внимания со стороны незнакомой принцессы.

Но вот, беседуя с ними, Золушка вдруг услышала, что дворцовые часы бьют одиннадцать часов и три четверти. Она встала, поклонилась всем и пошла к выходу так быстро, что никто не успел догнать её.

Вернувшись из дворца, она ещё сумела до приезда мачехи и сестёр забежать к волшебнице и поблагодарить её за счастливый вечер.

— Ах, если бы можно было и завтра поехать во дворец! — сказала она. — Принц так просил меня...

И она рассказала крёстной обо всём, что было во дворце.

Едва только Золушка переступила порог и надела свой старый передник и деревянные башмаки, как в дверь постучали. Это вернулись с бала мачеха и сестры.

— Долго же вы, сестрицы, гостили нынче во дворце! — сказала Золушка, зевая и потягиваясь, словно только что проснулась.

— Ну, если бы ты была с нами на балу, ты бы тоже не стала торопиться домой, — сказала одна из сестёр. — Там была одна принцесса, такая красавица, такая красавица, что и во сне лучше не увидишь! Мы ей, должно быть, очень понравились. Она под села к нам и даже угостила апельсинами и лимонами.

— А как её зовут? — спросила Золушка.

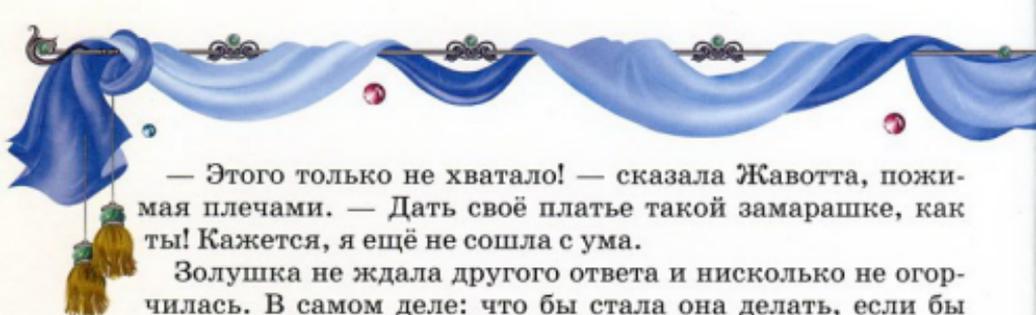
— Ну, этого никто не знает... — сказала старшая сестрица.

А младшая прибавила:

— Принц, кажется, готов отдать полжизни, чтобы только узнать, кто она такая.

Золушка улыбнулась.

— Неужели эта принцесса и вправду так хороша? — спросила она. — Какие вы счастливые!.. Нельзя ли и мне хоть одним глазком посмотреть на неё? Ах, сестрица Жавотта, дайте мне на один вечер ваше жёлтое платье, которое вы носите дома каждый день!

— Этого только не хватало! — сказала Жавотта, пожимая плечами. — Дать своё платье такой замарашке, как ты! Кажется, я ещё не сошла с ума.

Золушка не ждала другого ответа и несколько не огорчилась. В самом деле: что бы стала она делать, если бы Жавотта вдруг расщедрилась и вздумала одолжить ей своё платье!

На другой вечер сёстры опять отправились во дворец — и Золушка тоже... На этот раз она была ещё прекраснее и наряднее, чем накануне.

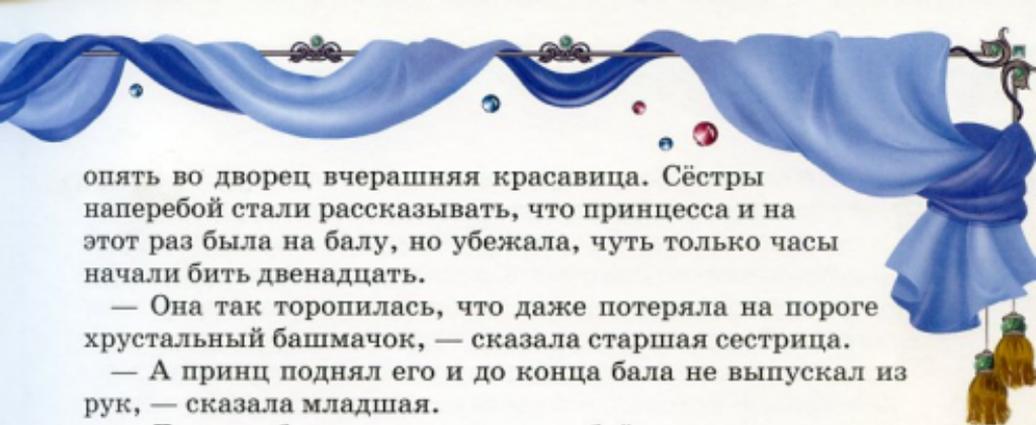
Принц не отходил от неё ни на минуту. Он был так приветлив, говорил такие приятные вещи, что Золушка забыла обо всём на свете, даже о том, что ей надо уехать вовремя, и спохватилась только тогда, когда часы стали бить полночь.

Она поднялась с места и убежала быстрее лани.

Принц бросился за ней, но её и след простыл. Только на ступеньке лестницы лежала маленькая хрустальная туфелька. Принц бережно поднял её и приказал расспросить привратников, не видел ли кто-нибудь из них, куда уехала прекрасная принцесса. Но никто никакой принцессы не видал. Правда, привратники заметили, что мимо них пробежала какая-то бедно одетая девочка, но она скорее была похожа на нищенку, чем на принцессу.

Тем временем Золушка, задыхаясь от усталости, прибежала домой. У неё не было больше ни кареты, ни лакеев. Её бальный наряд снова превратился в старенькое, поношенное платье, и от всего её великолепия только и осталось, что маленькая хрустальная туфелька, точно такая же, как та, которую она потеряла на дворцовой лестнице.

Когда обе сестрицы вернулись домой, Золушка спросила у них, весело ли им было нынче на балу и приезжала ли

опять во дворец вчерашняя красавица. Сёстры наперебой стали рассказывать, что принцесса и на этот раз была на балу, но убежала, чуть только часы начали бить двенадцать.

— Она так торопилась, что даже потеряла на пороге хрустальный башмачок, — сказала старшая сестрица.

— А принц поднял его и до конца бала не выпускал из рук, — сказала младшая.

— Должно быть, он по уши влюблён в эту красавицу, которая теряет на балах башмаки, — добавила мачеха.

И это была правда. Через несколько дней принц приказал объявить во всеуслышание, под звуки труб и фанфар, что девушка, которой придётся впору хрустальная туфелька, станет его женой.

Разумеется, сначала туфельку стали мерить принцессам, потом герцогиням, потом придворным дамам, но всё было напрасно: она была тесна и герцогиням, и принцессам, и придворным дамам.

Наконец очередь дошла и до сестёр Золушки.

Ах, как старались обе сестрицы натянуть маленькую туфельку на свои большие ноги! Но она не лезла им даже на кончики пальцев. Золушка, которая с первого взгляда узнала свою туфельку, улыбаясь, смотрела на эти напрасные попытки.

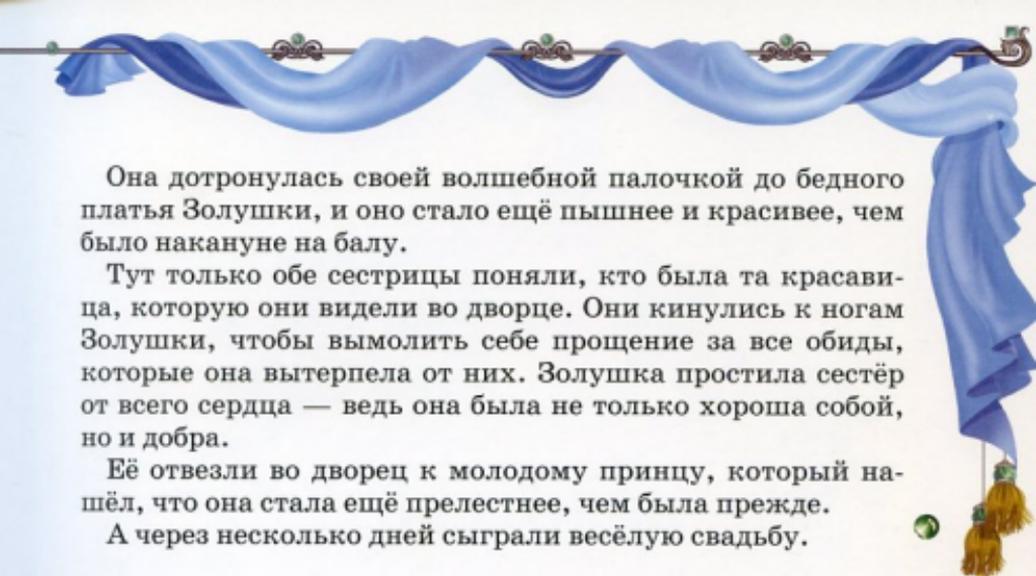
— А ведь она, кажется, будет впору мне, — сказала Золушка.

Сестрицы так и залились злым смехом. Но придворный кавалер, который примерял туфельку, внимательно посмотрел на Золушку и, заметив, что она очень красива, сказал:

— Я получил приказание от принца примерить туфельку всем девушкам в городе. Позвольте вашу ножку, сударыня!

Он усадил Золушку в кресло и, надев хрустальную туфельку на её маленькую ножку, сразу увидел, что больше примерять ему не придётся: башмачок был точь-в-точь по ножке, а ножка — по башмачку. Сёстры замерли от удивления. Но ещё больше удивились они, когда Золушка достала из кармана вторую хрустальную туфельку — совсем такую же, как первая, только на другую ногу, — и надела, не говоря ни слова. В эту самую минуту дверь отворилась, и в комнату вошла фея — Золушкина крёстная.

Она дотронулась своей волшебной палочкой до бедного платья Золушки, и оно стало ещё пышнее и красивее, чем было накануне на балу.

Тут только обе сестрицы поняли, кто была та красавица, которую они видели во дворце. Они кинулись к ногам Золушки, чтобы вымолить себе прощение за все обиды, которые она вытерпела от них. Золушка простила сестёр от всего сердца — ведь она была не только хороша собой, но и добра.

Её отвезли во дворец к молодому принцу, который нашёл, что она стала ещё прелестнее, чем была прежде.

А через несколько дней сыграли весёлую свадьбу.

Шарль Перро

**СПЯЩАЯ
КРАСАВИЦА**

Жили на свете король с королевой. У них не было детей, и это их так огорчало, что и сказать нельзя. Уж каких только обетов они не давали, ездили и на богомолье, и на целебные воды — всё было напрасно.

И вот наконец, когда король с королевой потеряли всякую надежду, у них вдруг родилась дочка.

Можете себе представить, что за праздник устроили в честь её рождения! В гости к маленькой принцессе позвали всех фей, каких удалось найти в стране. Дело в том, что у фей в те времена был прекрасный обычай: наделять своих крестниц различными чудесными дарами. А так как фея оказалось семь, то принцесса должна была получить от них в приданое не меньше семи достоинств или добродетелей.

Феи и другие приглашённые съехались в королевский дворец, где для почётных гостей был накрыт праздничный стол.

Перед феями поставили великолепные обеденные приборы и по ящичку из литого золота. В каждом ящичке лежали ложка, вилка и ножик — тоже из чистого золота самой тонкой работы, усыпанные алмазами и рубинами.

И вот, когда гости уселись за стол, дверь вдруг отворилась и вошла старая фея — восьмая по счёту, — которую забыли позвать на крестины.

А забыли её позвать потому, что больше пятидесяти лет она не выходила из своей башни и все думали, что она давно умерла.

Король приказал, чтобы ей тоже подали прибор. Слуги исполнили это в одно мгновение, но золотого ящичка с ложкой, вилкой и ножиком на её долю не хватило. Этих ящичков было приготовлено всего семь — по одному для каждой из семи фей.

Старая фея, разумеется, очень обиделась. Она подумала, что король с королевой невежливые люди и встречают её без должного уважения. Отодвинув от себя тарелку и кубок, она пробормотала сквозь зубы какую-то угрозу.

К счастью, юная фея, которая сидела рядом с ней, услышала её бормотание, и, опасаясь, как бы старуха не вздумала наделить маленькую принцессу каким-нибудь очень неприятным подарком, она, чуть только гости встали из-за стола, пробралась в детскую и спряталась там за пологом кровати. Она знала, что в споре обычно побеждает тот, за кем остаётся последнее слово, и хотела, чтоб её пожелание было последним.

Когда кончился обед, наступила самая торжественная минута праздника: феи пошли в детскую и одна за другой стали преподносить крестнице свои дары.

Младшая из фей пожелала, чтобы принцесса была прекраснее всех на свете. Другая фея наградила её нежным и добрым сердцем. Третья сказала, что каждое её движение будет вызывать восторг. Четвёртая обещала, что принцесса будет превосходно танцевать, пятая — что она будет петь, как соловей, а шестая — что она будет играть на всех музыкальных инструментах с одинаковым искусством.

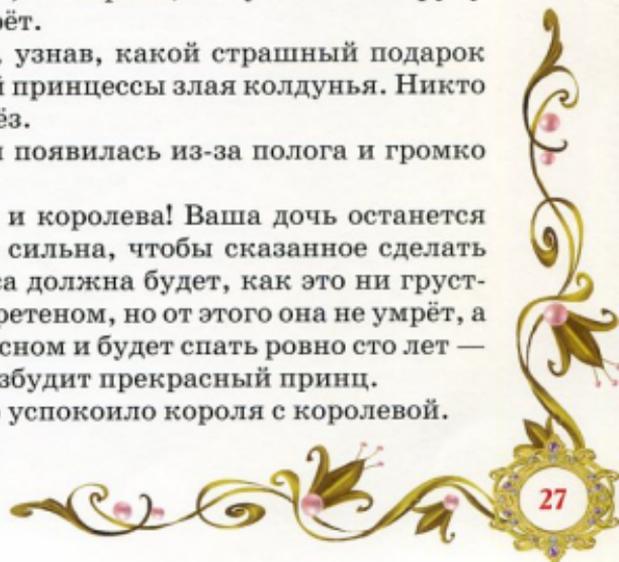
Наконец очередь дошла до старой феи. Старуха наклонилась над кроваткой и, тряся головой больше от досады, чем от старости, сказала, что принцесса уколёт себе руку веретеном и от этого умрёт.

Все так и вздрогнули, узнав, какой страшный подарок припасла для маленькой принцессы злая колдунья. Никто не мог удержаться от слёз.

И вот тут-то юная фея появилась из-за полога и громко сказала:

— Утешьтесь, король и королева! Ваша дочь останется жива. Правда, я не так сильна, чтобы сказанное сделать несказанным. Принцесса должна будет, как это ни грустно, уколоть себе руку веретеном, но от этого она не умрёт, а только заснёт глубоким сном и будет спать ровно сто лет — до тех пор, пока её не разбудит прекрасный принц.

Это обещание немного успокоило короля с королевой.

Однако король решил всё же попытаться уберечь принцессу от несчастья, которое предсказала ей старая злая фея. Для этого особым указом он запретил всем своим подданным под страхом смертной казни пряхть пряжу и хранить у себя в доме веретёна и прялки.

Прошло пятнадцать или шестнадцать лет. Как-то раз король с королевой и дочерью отправились в один из своих загородных дворцов.

Принцессе захотелось осмотреть древний замок, и, бегая из комнаты и комнату, она наконец добралась до самого верха дворцовой башни.

Там в тесной каморке под крышей сидела за прялкой какая-то старушка и преспокойно пряла пряжу. Как это ни странно, она ни от кого ни слова не слышала о королевском запрете.

— Что это вы делаете, тётушка? — спросила принцесса, которая в жизни не видывала прялки.

— Пряду пряжу, дитя моё, — ответила старушка, вовсе не догадываясь о том, что говорит с принцессой.

— Ах, это очень красиво! — сказала принцесса. — Дайте я попробую, выйдет ли у меня так же хорошо, как у вас.

Принцесса быстро схватила веретено и не успела прикоснуться к нему, как предсказание феи исполнилось: она укулола палец и упала замертво.

Перепуганная старушка принялась звать на помощь. Люди сбежались со всех сторон.

Чего только они ни делали: брызгали принцессе в лицо водой, хлопали ладонями по её ладоням, тёрли виски душистым уксусом королевы венгерской — ничего не помогало.

Побежали за королём. Он поднялся в башню, поглядел на принцессу и сразу понял, что печальное событие, которого они с королевой так опасались, свершилось.

С грустью приказал он перенести принцессу в самую красивую залу дворца и уложить там на постель, украшенную серебряным и золотым шитьём.

Трудно описать словами, как хороша была спящая принцесса. Она нисколько не побледнела. Щёки у неё были розовые, а губы красные, точно кораллы. И, хоть глаза у неё были плотно закрыты, слышно было, что она тихонько дышит.

Стало быть, это и в самом деле был сон, а не смерть.

Король приказал не тревожить принцессу до тех пор, пока не наступит час её пробуждения.

А добрая фея, которая спасла свою крестницу от смерти, пожелав ей столетнего сна, была в то время очень далеко от королевского замка.

Но она сразу же узнала об этом несчастье от маленького карлика-скорохода, у которого были семимильные сапоги (это такие чудесные сапоги, что стóит их надеть — и вы за один шаг будете проходить по семи миль).

Фея сейчас же пустилась в путь. Не прошло и часу, как её огненная колесница, запряжённая драконами, уже появилась возле королевского дворца. Король подал ей руку и помог сойти с колесницы.

Фея, как могла, постаралась утешить короля и королеву. А затем, так как это была очень предусмотрительная фея, она сразу же подумала, как грустно будет принцессе, когда через сто лет бедняжка проснётся в этом старом замке и не увидит возле себя ни одного знакомого лица.

Чтобы этого не случилось, фея сделала вот что. Своей волшебной палочкой она прикоснулась ко всем, кто был во дворце (кроме короля и королевы). А там были придворные, фрейлины, гувернантки, горничные, дворецкие, повара, повара, скороходы, солдаты дворцовой стражи, привратники, пажи и лакеи.

Дотронулась она своей палочкой и до лошадей на королевской конюшне, и до конюхов, которые расчёсывали

лошадям хвосты. Дотронулась до больших дворцовых псов и до маленькой кудрявой собачки по прозвищу Пуфф, которая лежала у ног спящей принцессы.

И сейчас же все, кого коснулась волшебная палочка феи, заснули. Заснули ровно на сто лет, чтобы проснуться вместе со своей хозяйкой и служить ей, как служили прежде. Заснули даже куропатки и фазаны, которые поджаривались на огне. Заснул вертел, на котором они вертелись. Заснул огонь, который их поджаривал.

И всё это случилось в одно-единственное мгновение. Феи знают своё дело: взмах палочки — и готово!

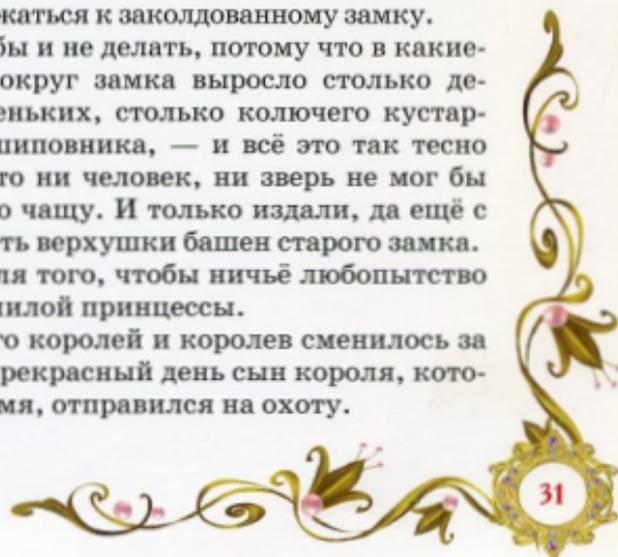
После этого король с королевой поцеловали свою спящую дочку, простились с ней и тихо вышли из зала.

Возвратившись к себе в столицу, они издали указ о том, чтобы никто не смел приближаться к заколдованному замку.

Но этого можно было бы и не делать, потому что в какие-нибудь четверть часа вокруг замка выросло столько деревьев, больших и маленьких, столько колючего кустарника — терновника и шиповника, — и всё это так тесно переплелось ветвями, что ни человек, ни зверь не мог бы пробраться сквозь такую чащу. И только издали, да ещё с горы, можно было увидеть верхушки башен старого замка.

Всё это фея сделала для того, чтобы ничьё любопытство не потревожило покоя милой принцессы.

Прошло сто лет. Много королей и королев сменилось за эти годы. И вот в один прекрасный день сын короля, который царствовал в то время, отправился на охоту.

Вдалеке, над густым дремучим лесом, он увидел башни какого-то замка.

— Чей это замок? — спросил он. — Кто там живёт?

Каждый отвечал ему то, что сам слышал от других. Одни говорили, что это старые развалины, в которых живут привидения, другие уверяли, что все ведьмы в округе справляют в заброшенном замке свой шабаш. Но большинство сходилось на том, что старый замок принадлежит людоеду. Этот людоед будто бы ловит заблудившихся детей и уносит к себе в башню, чтобы съесть без помехи, так как никто не может проникнуть вслед за ним в его логовище — ведь только он один на свете знает дорогу сквозь заколдованный лес.

Принц не знал, кому и верить, но тут к нему подошёл старый крестьянин и сказал, кланяясь:

— Добрый принц, полвека тому назад, когда я был так же молод, как вы, я слышал от моего отца, что в этом замке спит непробудным сном самая прекрасная принцесса на свете и что спать она будет ещё полвека, до тех пор, пока её суженый, сын какого-то короля, не придёт и не разбудит её.

Можете себе представить, что почувствовал принц, когда услышал эти слова!

Сердце у него в груди так и загорелось. Он сразу решил, что ему-то и выпало на долю счастье пробудить от сна прекрасную принцессу!

Недолго думая принц дёрнул поводья и поскакал в ту сторону, где виднелись башни старого замка, куда влекли его любовь и слава.

И вот перед ним заколдованный лес. Принц соскочил с коня, и сейчас же высокие, толстые деревья, колючий кустарник, заросли шиповника — всё расступилось, чтобы дать ему дорогу.словно по длинной прямой аллее пошёл он к замку, который виднелся вдали.

Принц шёл один. Никому из его свиты не удалось последовать за ним — деревья, пропустив принца, сразу же сомкнулись за его спиной, а кусты опять переплелись ветвями.

Такое чудо могло испугать кого угодно, но принц был молод и влюблён, а этого довольно для того, чтобы быть храбрым.

Ещё сотня шагов — и он очутился на просторном дворе перед замком. Принц посмотрел направо, налево, и кровь похолодела у него в жилах. Вокруг него лежали, сидели, стояли, прислонившись к стене, какие-то люди в старинной одежде. Все они были неподвижны, как мёртвые.

Но, взглядевшись в красные, лоснящиеся лица привратников, он понял, что они вовсе не умерли, а просто спят. В руках у них были кубки, а в кубках ещё не высохло вино, и это ясно показывало, что внезапный сон застиг их в ту минуту, когда они собирались осушить чаши до дна.

Принц миновал большой двор, вымощенный мраморными плитами, поднялся по лестнице, вошёл в залу дворцовой стражи. Латники спали стоя, выстроившись в ряд, с карабинами на плечах, и храпели вовсю.

Он прошёл множество покоев, полных разодетыми придворными дамами и нарядными кавалерами. Все они тоже крепко спали, кто стоя, кто сидя.

И вот наконец он вошёл в комнату с золочёными стенами и золочёными потолками. Вошёл и остановился.

На постели, полог которой был откинут, покоилась прекрасная юная принцесса лет пятнадцати-шестнадцати (если не считать того столетия, которое она проспала).

Принц невольно закрыл глаза: красота её так сияла, что даже золото вокруг неё казалось тусклым и бледным. Дрожа от восторга, он приблизился и опустил перед ней на колени.

В это самое мгновение час, назначенный доброй феей, пробил.

Принцесса проснулась, открыла глаза и взглянула на своего избавителя.

— Ах, это вы, принц? — сказала она. — Наконец-то! Долго же вы заставили себя ждать!..

Не успела она договорить эти слова, как всё кругом пробудилось.

Первая подала голос маленькая собачка по прозвищу Пуфф, которая лежала у ног принцессы. Она звонко залаяла, увидев незнакомого человека, и со двора ей ответили грубыми голосами сторожевые псы.

Заржали в конюшне лошади, заворковали голуби под крышей. Огонь в печи загудел что было мочи,

и фазаны, которых повара не успели дожарить сто лет тому назад, зарумянились в одну минуту.

Слуги под присмотром дворецкого уже накрывали на стол в зеркальной столовой. А придворные дамы в ожидании завтрака поправляли растрепавшиеся за сто лет локоны и улыбались своим заспаным кавалерам.

В зале дворцовой стражи латники снова занялись своим обычным делом — затопали ботфортами и загремели оружием. А привратники, сидевшие у входа во дворец, наконец осушили кубки и опять наполнили их добрым вином, которое за сто лет стало, конечно, старше и лучше.

Весь замок — от флага на башне до винного погреба — ожил и зашумел.

А принц и принцесса ничего не слышали. Они глядели друг на друга и не могли наглядеться. Принцесса позабыла, что ничего не ела уже целый век, да и принц не вспомнил о том, что у него с утра не было во рту маковой росинки. Они разговаривали целых четыре часа и не успели сказать даже половины того, что хотели.

Но все остальные не были влюблены и поэтому умирали от голода. Наконец старшая фрейлина, которой хотелось есть так же сильно, как и всем другим, не вытерпела и доложила принцессе, что завтрак подан.

Принц подал руку своей невесте и повёл её в столовую.

Принцесса была великолепно одета и с удовольствием поглядывала на себя в зеркала, а влюблённый принц,

разумеется, ни слова не сказал ей о том, что фасон её платья вышел из моды по крайней мере лет сто назад и что такие рукава и воротники не носят со времён его прапрабабушки. Впрочем, и в старомодном платье она была лучше всех на свете.

Жених с невестой уселись за стол. Самые знатные кавалеры подавали им различные кушанья старинной кухни. А скрипки и гобой играли для них прелестные, давно забытые песни прошлого века.

Придворный поэт тут же сочинил новую, хотя немного старомодную песенку о прекрасной принцессе, которая сто лет проспала в заколдованном лесу. Песня очень понравилась тем, кто её слышал, и с тех пор её стали петь все от мала до велика, от поварят до королей.

А кто не умел петь песни, тот рассказывал сказку. Сказка эта переходила из уст в уста и дошла наконец до нас с вами.

Шарль Перро

**ОСЛИНАЯ
ШКУРА**

Жил-был однажды король. Был он богатый, могущественный и любимый своими подданными. И жена у него была очень красивая.

Король с королевой жили в полном согласии. Своих детей у них не было, они воспитывали приёмную дочь.

Но к счастью всегда примешивается беда. Королева вдруг заболела тяжкою болезнью, и даже самые искусные доктора не могли вылечить её.

Чувствуя приближение последнего часа, королева сказала своему супругу, который заливался слезами:

— Позвольте перед смертью попросить вас об одном: если вы надумаете жениться...

При этих словах король схватил руки жены, облил их слезами и стал заверять, что и говорить не желает о втором браке.

— Нет, нет, — сказал он в заключение, — любезная королева, скорей я умру!

— Но молю вас жениться лишь в том случае, если вы прищете принцессу стройнее меня и милее. Дайте клятву, и тогда я умру спокойно.

Королева, у которой не было недостатка в самолюбии, требовала такую клятву, думая, наверно, что во всём свете нет равной ей особы, и рассчитывая, что таким образом королю не придётся вступать во второй брак.

Наконец она скончалась. Король плакал, рыдал, жаловался на свою судьбу.

Большое горе продолжается недолго. Первые люди королевства вскоре явились к королю просить, чтобы он сочетался вторым браком. Это предложение показалось ему жестоким и вызвало у него новые слёзы. Он сослался на клятву и, думая отделаться, попросил своих министров найти ему принцессу, которая была бы стройнее и милее прежней жены. Каждый день ему приносили портреты очень красивых женщин, но ни одна из них не могла сравниться с покойницей королевой.

Однажды король решил, что его приёмная дочь так же умна и красива, как его умершая жена, и объявил, что намерен на ней жениться.

Молодая принцесса чуть не упала в обморок от такого предложения. Она бросилась к ногам короля и всячески заклинала его не делать этого.

Девушка в глубокой печали вспомнила о волшебнице Сирени, своей крёстной. В ту же ночь она отправилась к ней в красивой коляске, запряжённой большим бараном, который знал все дороги.

Волшебница, любившая принцессу, сказала, что ей уже всё известно, но нет надобности беспокоиться, ибо ничего не случится дурного, если только принцесса в точности исполнит то, что она прикажет.

— Прежде всего попроси у короля платье небесного цвета. Он тебе такого платья никогда не достанет.

Принцесса поблагодарила крёстную и на другое же утро сказала королю то, что ей волшебница посоветовала, прибавив, что до тех пор не даст своего согласия, пока не получит платья, голубого, как небосклон.

Король, ободрённый надеждою, созвал самых лучших мастеров и заказал им такое платье, с условием, что если они не сумеют угодить, то он всех их прикажет повесить. Однако до такой крайности не дошло. На другой же день они принесли требуемый наряд, и в сравнении с ним сам голубой небесный свод, опоясанный золотистыми облаками, показался менее прекрасен.

Принцесса совсем затосковала, не зная, как выпутаться из беды. Король торопил со свадьбою. Пришлось опять прибегнуть к волшебнице, которая, очень удивившись, что замысел её не удался, приказала попросить платье такого цвета, как месяц.

Король опять послал за самыми искусными мастерами и с таким грозным видом заказал им платье такого цвета, как месяц, что между заказом и исполнением не прошло и суток. Принцессу снова охватила печаль.

Сирень-волшебница была всезнайка. Она явилась на помощь горюющей принцессе и сказала: — Или я очень ошибаюсь, или, потребовав платье, блестящее, как солнце, нам удастся привести короля в затруднение. Такого платья ему не достать. Так или иначе, но мы выиграем время.

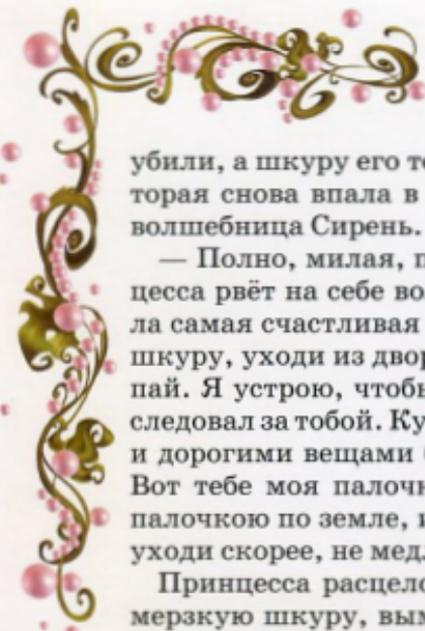
Принцесса согласилась с этим и потребовала от короля такое платье. Король, не колеблясь, отдал все свои бриллианты и рубины и наказал ничего не жалеть, лишь бы платье блестело, как солнце. Когда принесли платье да развернули, все вынуждены были зажмурить глаза, так оно их ослепило.

Что должна была чувствовать принцесса в этот момент! Никогда ещё она не видела ничего подобного. Принцесса растерялась и, сославшись на то, что от сильного блеска у неё разболелись глаза, ушла в свою комнату, где её ожидала волшебница, раздосадованная донельзя.

— Ну уж теперь, девочка моя, — сказала она принцессе, — мы придумаем такое испытание, которого королю не выдержать. Попроси у него шкуру его любимого осла, который вместо навоза дарит ему золотые монеты.

Принцесса обрадовалась, что для короля нашлось ещё одно испытание. Она была уверена, что король ни за что не решится пожертвовать своим ослом. Она пошла к королю и попросила ослиную шкуру. Хотя король удивился такому капризу, но не колебался его исполнить. Бедного осла

убили, а шкуру его торжественно принесли принцессе, которая снова впала в отчаяние, но тут в комнату вбежала волшебница Сирень.

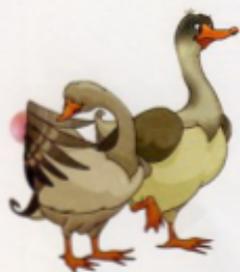
— Полно, милая, полно! — сказала она, видя, что принцесса рвёт на себе волосы и бьёт себя по щекам. — Настала самая счастливая минута твоей жизни. Завернись в эту шкуру, уходи из дворца и иди, пока тебя несёт земля. Ступай. Я устрою, чтобы сундук с твоими платьями повсюду следовал за тобой. Куда бы ты ни пошла, сундук с платьями и дорогими вещами будет следовать под землёй за тобою. Вот тебе моя палочка: когда понадобится сундук, ударь палочкою по земле, и он явится перед твоими глазами. Но уходи скорее, не медли.

Принцесса расцеловала волшебницу, напялила на себя мерзкую шкуру, вымазалась сажей из трубы и, не узнавая никем, покинула роскошный дворец.

Отсутствие принцессы вызвало большую тревогу. Король, уже сделавший приготовления к пиру, пришёл в отчаяние и был неутешен. Он разослал во все стороны за дочерью около тысячи всадников, но помогавшая принцессе волшебница сделала её невидимой для самых зорких глаз. Пришлось отказаться от напрасной погони.

А принцесса между тем шла путём-дорогою. Зашла она далеко-далеко и везде просилась в служанки. Однако никто не хотел принимать её к себе в дом, потому что выглядела она в ослиной шкуре просто безобразной.

Наконец попала она в большой город. Хозяйка одного из домов нуждалась в девочке, которая мыла бы тряпки, смотрела бы за индюшками и чистила свиные корыта. Увидав такую грязную прохожую, эта женщина пред-

ложила ей пойти к ней в работницы, и принцесса с большим удовольствием согласилась.

Принцессу поместили на кухне. С первого же дня прислуга стала над ней грубо насмеяться, так как в ослиной шкуре она казалась отвратительно грязной. Однако понемногу к ней попривыкли; а поскольку она была усердна и работяща, то хозяйка взяла её под свою защиту.

Принцесса пасла овец, смотрела в поле за индюшками так хорошо, как будто всю жизнь ничем другим и не занималась; в её руках спорилась всякая работа.

Однажды сидела она на берегу чистого ручья, где часто плакалась на свою горькую долю, и вздумалось ей посмотреть в воду. Противная ослиная шкура, которая служила ей платьем, привела её в ужас. Скинув ослиную шкуру, принцесса умылась в ручье. Сейчас лицо её и руки стали белее слоновой кости, на щёчках заиграл румянец. Радясь своей красоте, она решила выкупаться, что и исполнила тут же. Но когда она возвращалась домой, ей пришлось опять надеть проклятую ослиную шкуру.

К счастью, на другой день был праздник; принцесса ударила по земле волшебной палочкой, и сундук с её нарядами явился перед ней. Она выбрала голубое платье. Каморка её была такая маленькая, что негде было повернуться.

Прекрасная принцесса посмотрелась в зеркало, полюбовалась собой и до того сама себе понравилась, что решила наряжаться от скуки по праздникам и воскресеньям во все свои платья.

Но кроме овец да индюшек, которые любили её и в ослиной шкуре, никто не видел наряженную в богатые платья принцессу. Из-за этой мерзкой ослиной шкуры её так и прозвали — Ослиная Шкура.

В один праздничный день, когда Ослиная Шкура нарядилась в своё блестящее, как солнце, платье, королевский сын заехал отдохнуть после охоты в тот самый дом, где Ослиная Шкура жила в работах.

Принц был молод, красив и хорошо сложен, был любим отцом и матерью и обожаем народом. Ему поднесли деревенское угощение. Принц откусал, потом принялся осматривать дом и дворы.

Случайно он зашёл в темный коридор, в конце которого заметил закрытую дверь. Из любопытства принц приложил глаз к замочной скважине. И был немало удивлён, когда увидел такую прекрасную и разодетую принцессу! От полноты чувств он готов был вышибить дверь, если бы не удержало его почтение к такой восхитительной особе.

Он поспешил к хозяйке дома разузнать, кто живёт в этой каморке. Ему отвечали, что живёт там девчонка, Ослиная Шкура, прозванная так из-за шкуры, которую она носит,

и до того грязная, до того засаленная, что никто не хочет ни смотреть на неё, ни говорить с нею и что взяли эту девчонку из милости для присмотра за индюшками да за баранами.

Королевич понял, что больше он ничего об этой прекрасной девушке не узнает, и возвратился в королевский дворец. Но забыть красавицу королевич не мог и жалел, что не постучался в дверь и не зашёл в каморку. Он дал себе слово в другой раз непременно это сделать.

Королевич так сильно тосковал по незнакомой красавице, что в конце концов тяжело заболел. Королева, у которой не было других детей, приходила в отчаяние, видя, что никакие лекарства не помогают. Напрасно она сулила докторам большие награды: они очень старались, но легче королевичу не становилось.

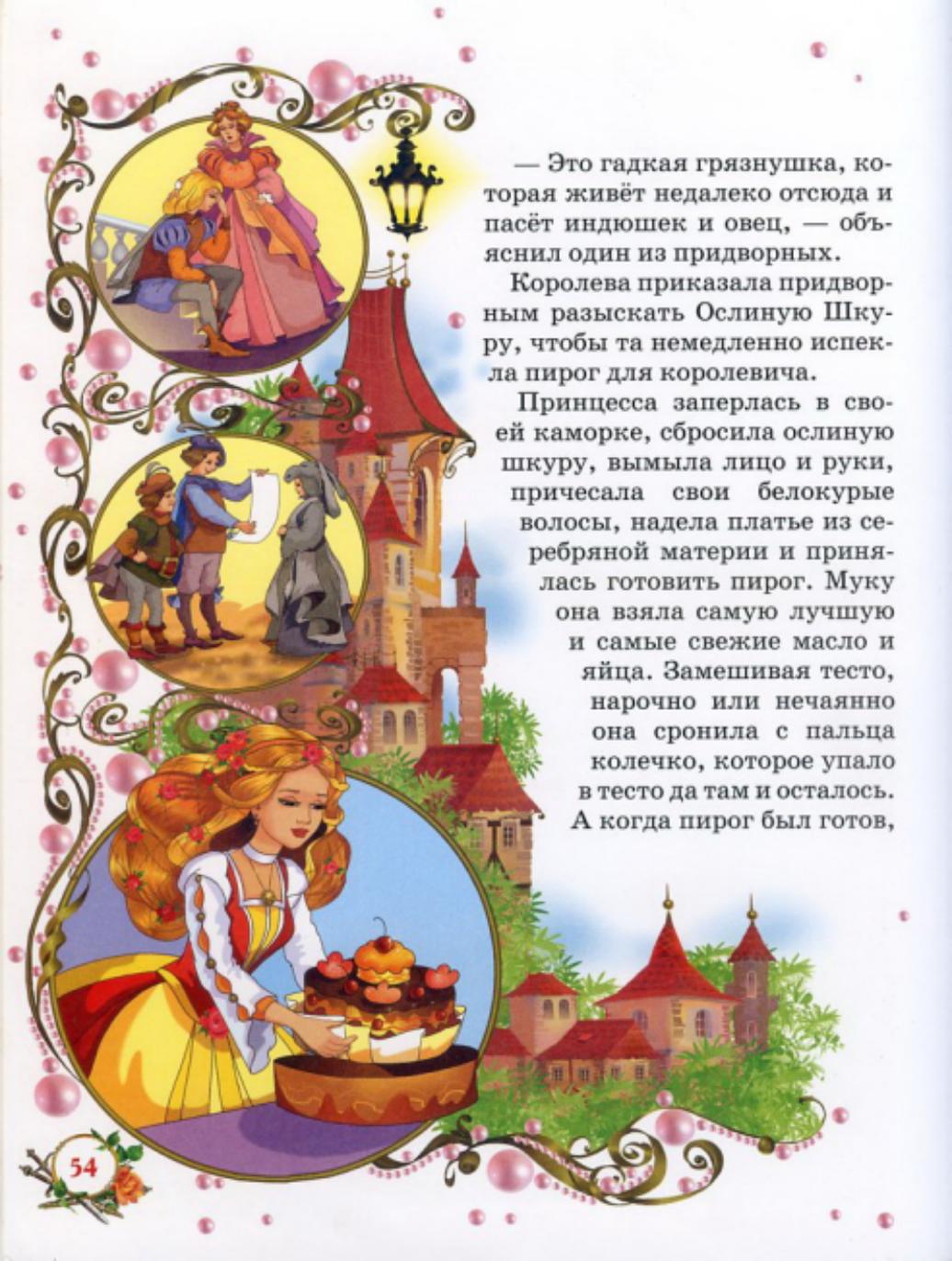
Наконец они догадались, что болезнь эта вызвана каким-то большим горем.

— Сын мой, — сказала королева, — мы готовы на любые жертвы, лишь бы спасти твою жизнь. Объяви, чего ты желаешь, и верь, что желание твоё будет исполнено.

— Я желаю, — отвечал королевич, — чтобы Ослиная Шкура испекла мне пирог и, когда он будет готов, чтобы она мне его принесла.

Королеву удивило это странное желание, и она спросила, кто такая эта Ослиная Шкура.

— Это гадкая грязнушка, которая живёт недалеко отсюда и пасёт индюшек и овец, — объяснил один из придворных.

Королева приказала придворным разыскать Ослиную Шкуру, чтобы та немедленно испекла пирог для королевича.

Принцесса заперлась в своей каморке, сбросила ослиную шкуру, вымыла лицо и руки, причесала свои белокурые волосы, надела платье из серебряной материи и принялась готовить пирог. Муку она взяла самую лучшую и самые свежие масло и яйца. Замешивая тесто, нарочно или нечаянно она сронила с пальца колечко, которое упало в тесто да там и осталось. А когда пирог был готов,

принцесса напялила на себя противную шкуру, подала пирог придворному и спросила его о здоровье королевича. Но придворный не удостоил её ответом и побежал с пирогом к королевичу.

Королевич выхватил пирог из рук придворного и стал есть его так поспешно, что присутствующие при этом доктора подумали, что такая поспешность не предвещает ничего хорошего. И точно, принц чуть не подавился кольцом, которое попало ему в одном из кусков пирога. Но королевич быстро вынул кольцо изо рта и после того стал кушать пирог уже с меньшей горячностью. Он долго рассматривал колечко, такое маленькое, что оно могло пристыть в пору только самому хорошему пальчику на свете.

Королевич поцеловал колечко, сунул его под подушку и то и дело вынимал оттуда, когда думал, что никто его не видит. Он придумывал, как бы увидеть ту, которой колечко придётся в пору, но не смел просить, чтобы позвали Ослиную Шкуру, которая испекла пирог.

Он боялся, что не получит на это согласия; не смел он также рассказывать и о том, что подглядывал в замочную скважину, чтобы не стали над ним смеяться и не приняли его за фантазёра... Все эти мысли не давали ему покоя, поэтому болезнь его усиливалась, и доктора, не зная, уж что и придумать, объявили королеве: принц болен от любви. Королева прибежала к сыну вместе с королём, который тоже был расстроен.

— Сын мой, сын мой любимый! — вскричал опечаленный король. — Укажи нам девушку, которую ты любишь, и мы клянёмся, что женим тебя на ней, будь она даже самая презренная служанка.

Королева, обнимая сына, подтвердила клятву короля. Королевич, растроганный слезами и добротой родителей своих, сказал им, вынимая из-под подушки колечко:

— Батюшка и матушка, я женюсь на той, которой подойдёт это колечко.

Король с королевой взяли колечко, оглядели его с любопытством и решили, что такое колечко может прийтись в пору только самой прекрасной девушке. Король обнял сына и, умоляя его выздороветь поскорее, вышел из комнаты и приказал ударить в барабаны и объявить по всему королевству, чтобы собирались девушки во дворец примеривать колечко и что та, которой колечко придётся в пору, за королевича замуж выйдет.

Сначала во дворец пришли принцессы, потом герцогини, затем придворные дамы, но, как они ни старались, ни одна кольца не надела. Пришлось позвать кухарок, судомоек и свинопасок. Их привели, но их толстые, красные, короткие пальцы не лезли в колечко дальше ногтя.

— А приводили эту Ослиную Шкуру, что на днях пекла мне пирог? — спросил королевич.

Все захохотали и ответили, что нет, потому что она слишком грязная.

— Сию минуту послать за нею! — приказал король.

Придворные с насмешками побежали за девчонкой.

Принцесса, которая слышала бой барабанов, догадалась, что вся эта суматоха поднялась из-за её колечка. Она очень обрадовалась, когда пришли за нею. Она причесалась лучше и надела платье, украшенное серебряными кружевами. Как только принцесса услышала, что стучатся в дверь и зовут её к королевичу, она сейчас же накинула поверх платья ослиную шкуру, потом отворила. Придворные с насмешками объявили, что король желает выдать её замуж за своего сына; потом с хохотом повели её к королевичу, который не мог поверить, что это именно та красавица, которую он увидел сквозь дверную щёлку.

— Это вы живёте в конце тёмного коридора, в том большом доме, где я недавно побывал? — спросил королевич.

— Я! — отвечала она.

— Покажите вашу руку, — продолжал королевич, дрожа всем телом.

Каково же было изумление короля и королевы и всех придворных, когда из-под чёрной, запачканной шкуры показалась маленькая нежная ручка, беленькая, с розовыми

ноготками и когда кольцо без труда скользнуло на самый хорошенький пальчик на свете. Лёгким движением принцесса сбросила с себя шкуру.

Королевич, поражённый такой восхитительной красотой, несмотря на свою слабость, бросился к ногам принцессы. Король с королевой также бросились обнимать её, спрашивая, желает ли она выйти замуж за их сына.

Принцесса, смущённая происходящим, только было собиралась выразить свою благодарность, как вдруг потолок раскрылся и в зал на колеснице из сиреневых цветов и веток (от которых она и получила своё имя) спустилась волшебница Сирень и рассказала историю принцессы. Король с королевой пришли в восторг, узнав, что Ослиная Шкура оказалась знатной принцессой.

Принцесса объявила, что не может выйти замуж без согласия короля, своего батюшки; к нему к первому и послали приглашение на свадьбу, не открывая имени невесты. Так посоветовала волшебница Сирень (которая, понятно, всем распоряжалась); она имела на то свои причины.

На торжество съехались короли
изо всех стран; одни ехали в каретах,
другие верхом, а самые дальние на
слонах, на тиграх, на орлах. Свадьбу
сыграли с роскошью, какую только
можно себе представить. Молодые
мало обращали внимания на всё это
великолепие; они только и знали,
что смотрели друг на дружку и толь-
ко друг друга и видели.

Шарль Перро
**РИКЕ
С ХОХОЛКОМ**

Жила когда-то королева, у которой родился сын, такой безобразный, что долгое время сомневались — человек ли он. Волшебница, присутствовавшая при его рождении, уверяла, что всё обернётся к лучшему, так как он будет весьма умён; она даже прибавила, что благодаря особому дару, полученному им от неё, он сможет наделить всем своим умом ту особу, которую полюбит более всего на свете.

Это несколько утешило бедную королеву, которая была весьма огорчена тем, что родила на свет такого гадкого малыша. Правда, как только этот ребёнок научился лепетать, он сразу же стал говорить премилые вещи, а во всех его поступках было столько ума, что нельзя было не восхищаться. Я забыл сказать, что родился он с маленьким хохолком на голове, а потому его и прозвали: Рике с хохолком. Рике было имя всего его рода.

Лет через семь или восемь у королевы одной из соседних стран родились две дочери. Та из них, что первой явилась на свет, была прекрасна, как день; королеве это было столь приятно, что окружающие опасались, как бы ей от слишком сильной радости не стало худо. Та самая волшебница, которая присутствовала при рождении Рике с хохолком, находилась и при ней и, дабы ослабить её радость, объявила, что у маленькой принцессы вовсе не будет ума и что насколько она красива, настолько она будет глупа. Это очень огорчило королеву, но несколько минут спустя она испытала огорчение ещё большее: она родила вторую дочь, и та оказалась чрезвычайно некрасивой.

— Не убивайтесь так, сударыня, — сказала ей волшебница, — ваша дочь будет вознаграждена иными качествами, и будет у неё столько ума, что люди не заметят в ней недостатка красоты.

— Дай бог, — ответила королева, — но нельзя ли сделать так, чтобы старшая, такая красивая, стала немного поумнее?

— Что до ума, сударыня, я ничего не могу для неё сделать, — сказала волшебница, — но я всё могу, когда дело идёт о красоте, а так как нет такой вещи, которой я бы не сделала для вас, то она получит от меня дар — наделять красотой того, кто ей понравится.

По мере того как обе принцессы подрастали, умножались и их совершенства, и повсюду только и было речи, что о красоте старшей и об уме младшей. Правда и то, что с годами весьма усиливались и их недостатки. Младшая дурнела прямо на глазах, а старшая с каждым днём становилась всё глупее. Она или ничего не отвечала, когда её о чём-либо спрашивали, или говорила глупости. К тому же она была такая неловкая, что если переставляла на камине какие-нибудь фарфоровые вещицы, то одну из них непременно разбивала, а когда пила воду, то половину стакана всегда выливала себе на платье.

Хотя красота — великое достоинство в молодой особе, всё же младшая дочь всегда имела больший успех, чем старшая. Сперва все устремлялись к красавице, чтоб поглядеть на неё, полюбоваться ею, но вскоре уже все шли к той, которая была умна, потому что её приятно было слушать; можно было только удивляться, что уже через четверть часа, даже раньше, никого не оставалось подле старшей, а все гости окружали младшую. Старшая, хоть и была весьма глупа, замечала это и не пожалела бы отдать всю свою красоту, лишь бы наполовину быть такой умной, как её сестра. Королева, как ни была разумна, всё же порой не могла удержаться, чтоб не попрекнуть дочь её глупостью, и бедная принцесса чуть не умирала от этого с горя.

Как-то раз в лесу, куда она пошла плакать о своей беде, к ней подошёл человек очень уродливой и неприятной наружности, одетый, впрочем, весьма пышно. Это был молодой принц Рике с хохолком: влюбившись в неё по портретам, которые распространены были во всём мире, он оставил королевство своего отца ради удовольствия повидать её и поговорить с нею. В восторге от того, что встретил её здесь совсем одну, он подошёл к ней и представился как

только мог почтительнее и учтивее. Он приветствовал её как подобает и тут, заметив, что принцесса очень печальна, сказал ей:

— Не понимаю, сударыня, отчего это особа столь прекрасная, как вы, может быть столь печальна? Хотя я и могу похвастаться, что видел множество прекрасных особ, всё же, надо сказать, не видел ни одной, чья красота напоминала бы вашу.

— Вы очень любезны, сударь, — ответила ему принцесса и больше ничего не могла придумать.

— Красота, — продолжал Рике с хохолком, — столь великое благо, что она всё остальное может нам заменить, а когда обладаешь ею, то, мне кажется, ничто уже не может особенно печалить нас.

— Я бы предпочла, — сказала принцесса, — быть столь же уродливой, как вы, но быть умной, вместо того чтобы быть такой красивой, но такой глупой.

— Ничего, сударыня, не служит столь верным признаком ума, как мысль о его отсутствии, и такова уж его природа, что чем больше его имеешь, тем больше его достаёт.

— Не знаю, — сказала принцесса, — знаю только, что я очень глупа, оттого-то и убивает меня печаль.

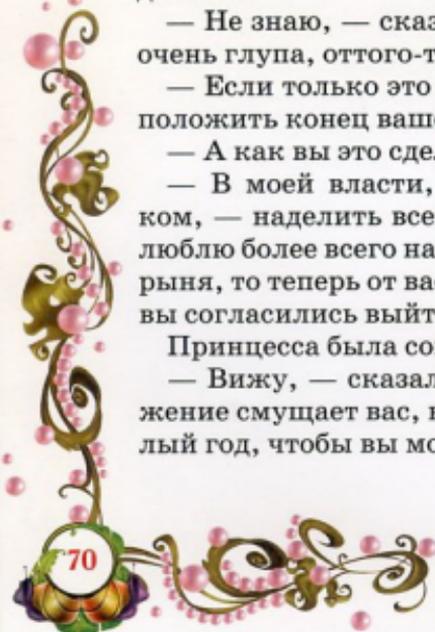
— Если только это огорчает вас, сударыня, я легко могу положить конец вашей печали.

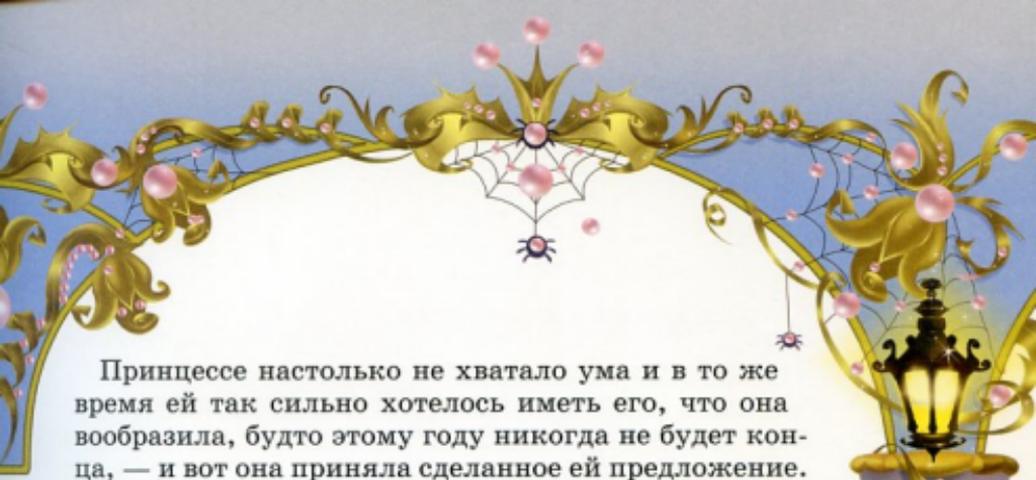
— А как вы это сделаете? — спросила принцесса.

— В моей власти, сударыня, — сказал Рике с хохолком, — наделить всем моим умом ту особу, которую я люблю более всего на свете. А так как эта особа — вы, сударыня, то теперь от вас одной зависит стать умной, лишь бы вы согласились выйти замуж за меня.

Принцесса была совсем озадачена и ничего не ответила.

— Вижу, — сказал Рике с хохолком, — что это предложение смущает вас, но я не удивляюсь и даю вам срок целый год, чтобы вы могли принять решение.

Принцессе настолько не хватало ума и в то же время ей так сильно хотелось иметь его, что она вообразила, будто этому году никогда не будет конца, — и вот она приняла сделанное ей предложение. Не успела она пообещать Рике, что выйдет за него замуж ровно через год, как почувствовала себя совсем иной, нежели раньше. Теперь она с поразительной легкостью могла говорить всё, что хотела, и говорить умно, непринуждённо и естественно. В ту же минуту она начала с принцем Рике любезный и лёгкий разговор и с таким блеском проявила в нём свой ум, что Рике с хохолком подумал, не дал ли он ей больше ума, чем оставил себе самому.

Когда она вернулась во дворец, весь двор не знал, что и подумать о таком внезапном и необыкновенном превращении; насколько прежде все привыкли слышать от неё одни только глупости, настолько теперь удивлялись её здравым и бесконечно остроумным речам. Весь двор был так обрадован, что и представить себе нельзя; только младшая сестра осталась не очень довольна, потому что, уже не превосходя теперь умом сестру, она рядом с нею казалась всего лишь противным уродом.

Король стал слушаться советов старшей дочери и нередко в её покоях совещался о делах. Так как слух об этой перемене распространился повсюду, то молодые принцы из всех соседних королевств стали пытаться заслужить её

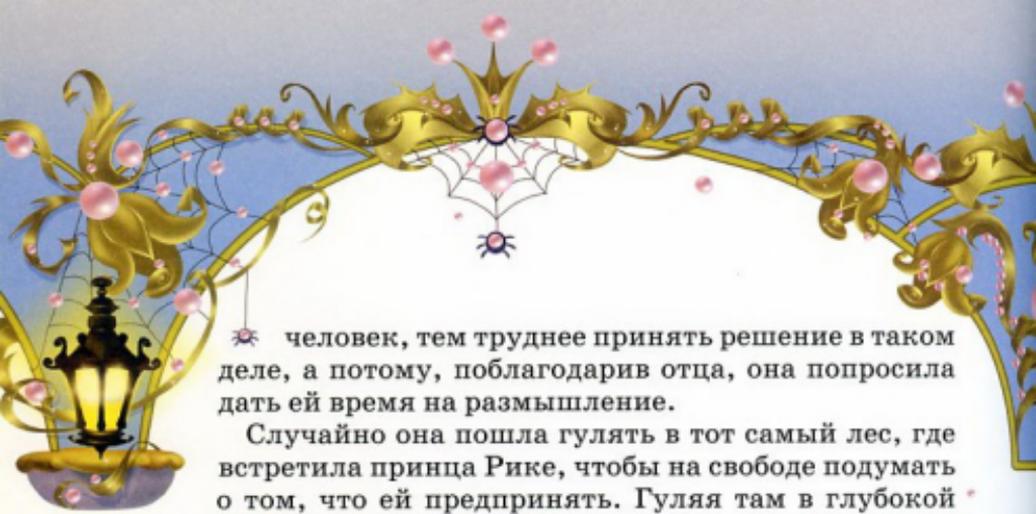

любовь, и почти все просили её руки; но ни один из них не казался ей достаточно умным, и она выслушивала их, никому ничего не обещая.

Но вот к ней явился принц столь могущественный, столь богатый и столь красивый, что принцесса не могла не почувствовать к нему расположения.

Отец её, заметив это, сказал, что предоставит ей выбрать жениха и что решение зависит только от неё. Чем умнее

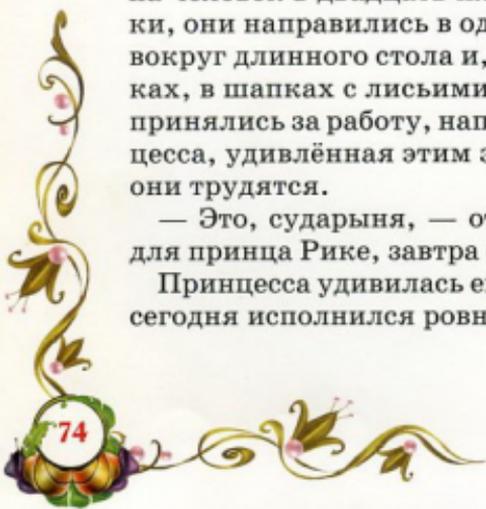

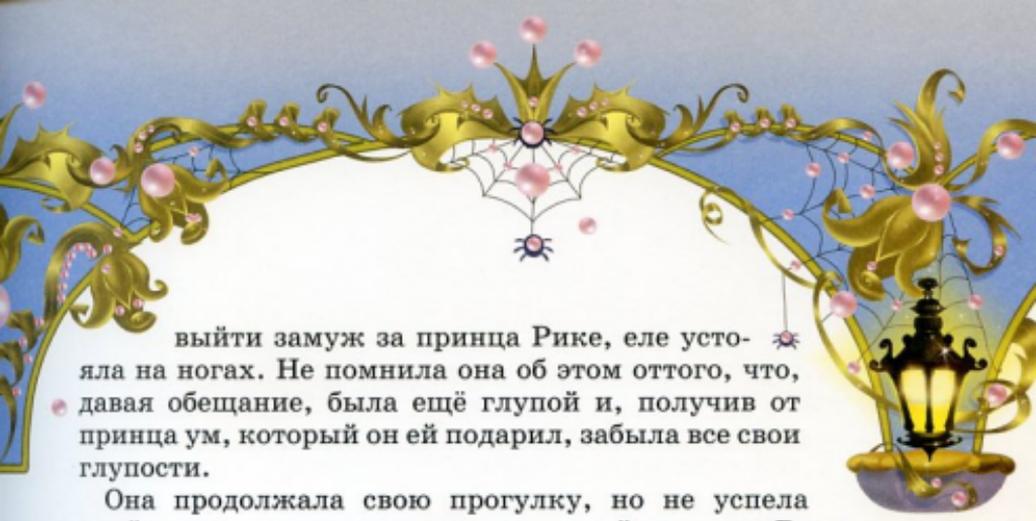
✧ человек, тем труднее принять решение в таком деле, а потому, поблагодарив отца, она попросила дать ей время на размышление.

Случайно она пошла гулять в тот самый лес, где встретила принца Рике, чтобы на свободе подумать о том, что ей предпринять. Гуляя там в глубокой задумчивости, она вдруг услышала глухой шум под ногами, как будто какие-то люди ходят, бегают, суетятся. Внимательно прислушавшись, она разобрала слова. Кто-то говорил: «Принеси мне этот котелок!» А кто-то другой: «Поддай мне тот котелок». А третий: «Подложи дров в огонь». В тот же миг земля разверзлась, и у себя под ногами принцесса увидела большую кухню, которую наполняли повара, поварята и все прочие, без кого никак не приготовить роскошного пира. От них отделилась толпа человек в двадцать или тридцать; то были вертельщики, они направились в одну из аллей, расположились там вокруг длинного стола и, со шпиговальными иглами в руках, в шапках с лисьими хвостиками на головах, дружно принялись за работу, напевая благозвучную песню. Принцесса, удивлённая этим зрелищем, спросила их, для кого они трудятся.

— Это, сударыня, — отвечал самый видный из них, — для принца Рике, завтра его свадьба.

Принцесса удивилась ещё больше и, вспомнив вдруг, что сегодня исполнился ровно год с того дня, как она обещала

выйти замуж за принца Рике, еле устояла на ногах. Не помнила она об этом оттого, что, давая обещание, была ещё глупой и, получив от принца ум, который он ей подарил, забыла все свои глупости.

Она продолжала свою прогулку, но не успела пройти и тридцати шагов, как пред ней предстал Рике с хохолком, исполненный отваги, в великолепном наряде, ну, словом, как принц, готовящийся к свадьбе.

— Вы видите, сударыня, — сказал он, — я свято сдержал слово и не сомневаюсь, что вы тоже пришли сюда затем, чтобы исполнить ваше обещание и сделать меня самым счастливым среди людей, отдав мне вашу руку.

— Признаюсь вам откровенно, — ответила принцесса, — я ещё не приняла решение, какое хотелось бы вам, и не думаю, чтобы когда-нибудь приняла.

— Вы удивляете меня, сударыня! — сказал ей Рике с хохолком.

— Верю, — ответила принцесса, — и, конечно уж, если бы я имела дело с человеком грубым и глупым, то была бы в великом затруднении. «Слово принцессы свято, — сказал бы он мне, — и вы должны выйти за меня замуж, раз вы мне обещали!» Но я говорю с человеком самым умным во всём мире, а потому уверена, что вас удастся убедить. Вы знаете, что, когда я ещё была глупой, я всё-таки и тогда не решалась выйти за вас замуж, — так как же вы хотите,

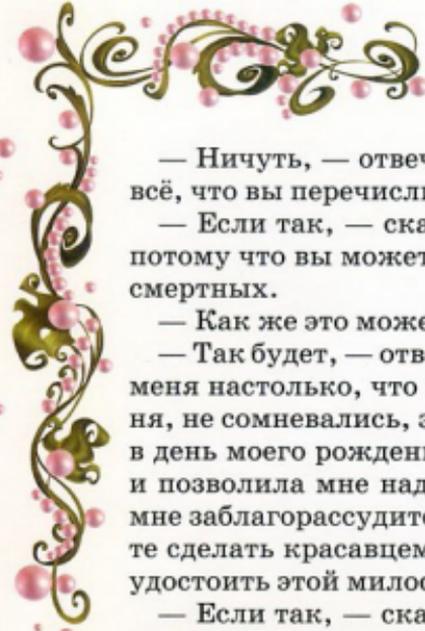

чтобы теперь, обладая умом, который вы мне дали и от которого я стала ещё разборчивее, чем была прежде, я приняла решение, какое не смогла принять даже в ту пору? Если вы и вправду собирались на мне жениться, то напрасно вы избавили меня от моей глупости и научили во всём разбираться.

— Если глупому человеку, как вы только что сказали, — возразил Рике с хохолком, — было бы позволено попрекать вас изменой вашему слову, то почему же мне, сударыня, вы не разрешаете поступить так же, когда дело идёт о счастье моей жизни? Какой смысл в том, чтобы люди умные оказывались в худшем положении, чем те, у которых вовсе нет ума? Вы ли это говорите, вы, у которой столько ума и которая так хотела поумнеть? Но давайте вернёмся к делу. Если не считать моего уродства, что не нравится вам во мне? Вы недовольны моим родом, моим умом, моим нравом, моим поведением?

— Ничуть, — отвечала принцесса, — мне нравится в вас всё, что вы перечислили сейчас.

— Если так, — сказал Рике с хохолком, — я очень рад, потому что вы можете сделать меня самым счастливым из смертных.

— Как же это может быть? — удивилась принцесса.

— Так будет, — ответил принц Рике, — если вы полюбите меня настолько, что пожелаете этого, а чтобы вы, сударыня, не сомневались, знайте: от той самой волшебницы, что в день моего рождения наградила меня волшебным даром и позволила мне наделить умом любого человека, какого мне заблагорассудится, вы тоже получили дар — вы можете сделать красавцем того, кого полюбите и кого захотите удостоить этой милости.

— Если так, — сказала принцесса, — я от души желаю, чтоб вы стали самым прекрасным и самым любезным принцем на всей земле, и, насколько это в моих силах, приношу вам в дар красоту.

Не успела принцесса произнести эти слова, как принц Рике уже превратился в самого красивого, самого стройного и самого любезного человека, какого ей случалось видеть.

Иные уверяют, что чары волшебницы здесь были ни при чём, что только любовь произвела это превращение. Они говорят, что принцесса, поразмыслив о постоянстве своего поклонника, о его скромности и обо всех прекрасных свойствах его ума и души, перестала замечать, как уродливо его тело, как безобразно его лицо: горб его стал теперь придавать ему некую особую важность, в его ужасной хромоте она теперь видела лишь манеру склоняться чуть набок, и эта манера приводила её в восторг. Говорят даже, будто глаза его казались ей теперь ещё более блестящими

оттого, что были косы, будто в них она видела выражение страстной любви, а его большой красный нос приобрёл для неё какие-то таинственные, даже героические черты.

Как бы то ни было, принцесса обещала Рике тотчас же выйти за него замуж, лишь бы он получил согласие её отца. Король, узнав, сколь высоко его дочь ставит принца Рике, который к тому же был ему известен как принц весьма умный и рассудительный, был рад увидеть в нём своего зятя. Свадьбу отпраздновали на другой день, как и предвидел Рике с хохолком, и в полном согласии с приказаниями, которые он успел дать задолго до того.

Братя Гримм
БЕЛОСНЕЖКА

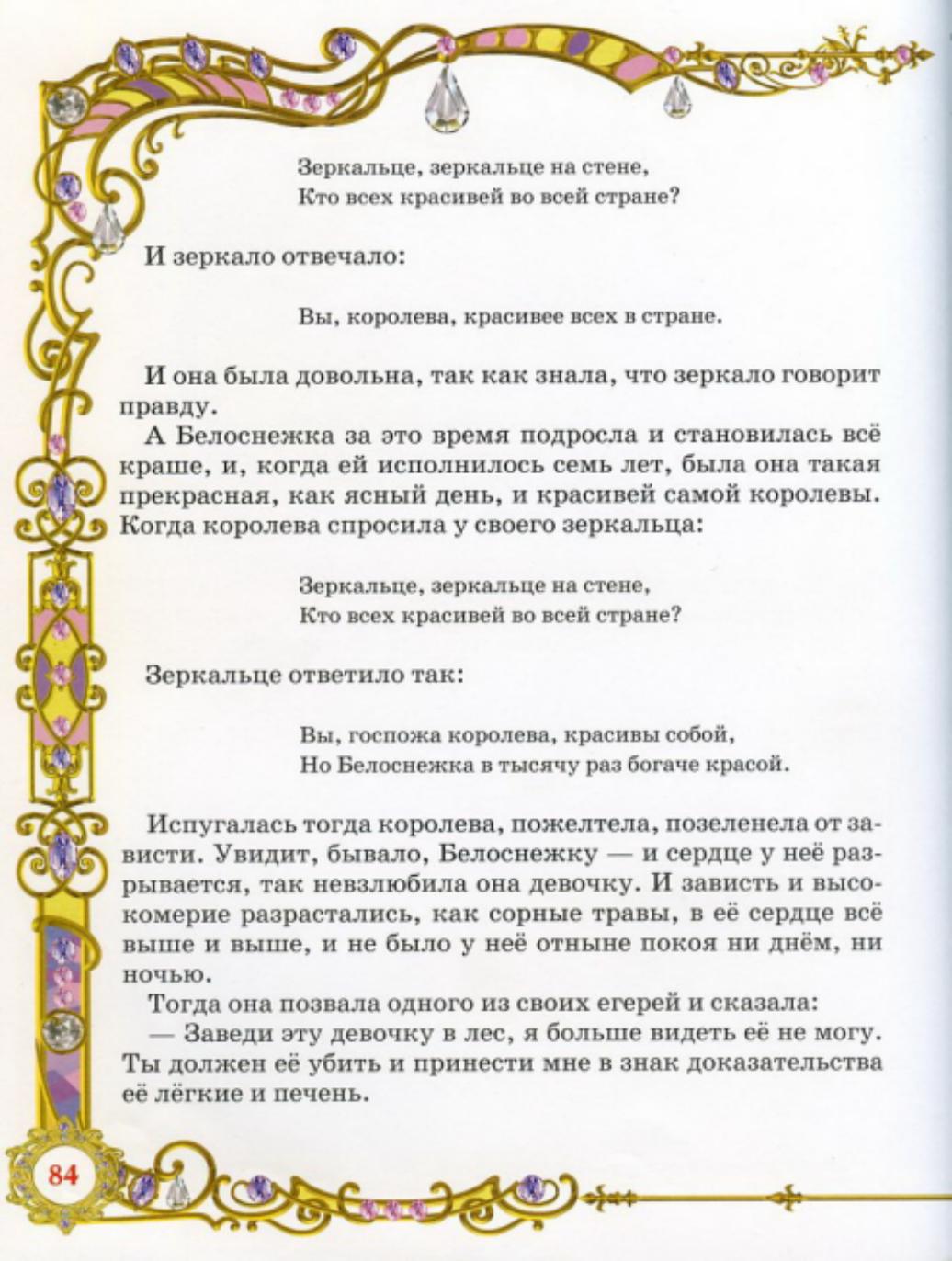

Это было в середине зимы. Падали снежинки, точно пух с неба, и сидела королева у окна — рама его была из чёрного дерева, — и королева шила. Когда она шила, загляделась на снег и уколола иглою палец, и упало три капли крови на снег. И красное на белом снегу выглядело так красиво, что подумала она про себя: «Вот если б родился у меня ребёнок, белый, как этот снег, и румяный, как кровь, и черноволосый, как дерево на оконной раме!»

И родила королева вскоре дочку, и была она бела как снег, румяна, как кровь, и такая черноволосая, как чёрное дерево, и прозвали её потому Белоснежкой. А когда ребёнок родился, королева умерла.

Год спустя взял король себе другую жену. Это была красивая женщина, но гордая и надменная, она терпеть не могла, когда кто-нибудь превосходил её красотой. Было у неё волшебное зеркальце, и когда становилась она перед ним и гляделась в него, то спрашивала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И зеркало отвечало:

Вы, королева, красивее всех в стране.

И она была довольна, так как знала, что зеркало говорит правду.

А Белоснежка за это время подросла и становилась всё краше, и, когда ей исполнилось семь лет, была она такая прекрасная, как ясный день, и красивей самой королевы. Когда королева спросила у своего зеркальца:

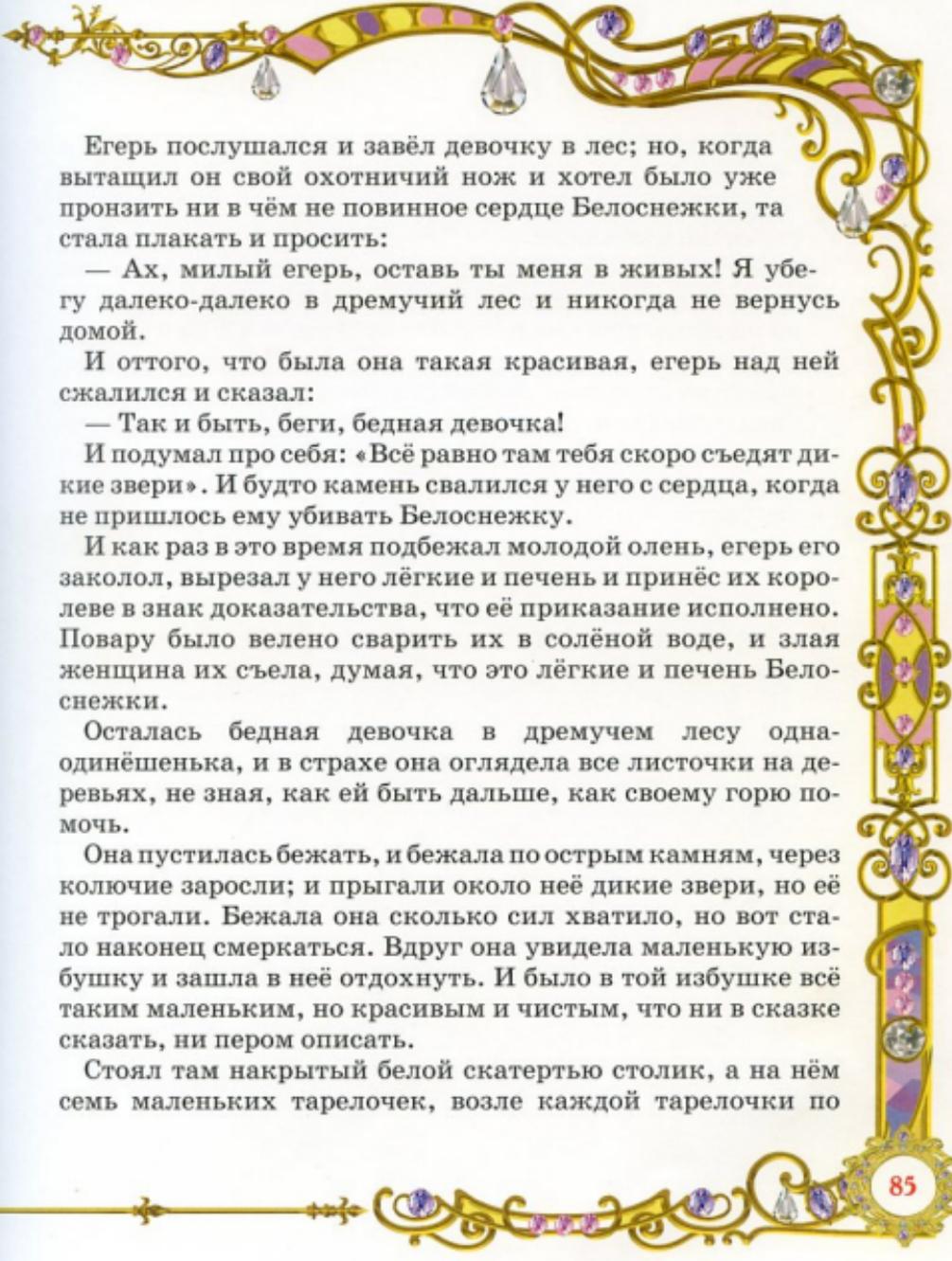
Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

Зеркальце ответило так:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но Белоснежка в тысячу раз богаче красотой.

Испугалась тогда королева, пожелтела, позеленела от зависти. Увидит, бывало, Белоснежку — и сердце у неё разрывается, так невзлюбила она девочку. И зависть и высокомерие разрастались, как сорные травы, в её сердце всё выше и выше, и не было у неё отныне покоя ни днём, ни ночью.

Тогда она позвала одного из своих егерей и сказала:
— Заведи эту девочку в лес, я больше видеть её не могу. Ты должен её убить и принести мне в знак доказательства её лёгкие и печень.

Егерь послушался и завёл девочку в лес; но, когда вытащил он свой охотничий нож и хотел было уже пронзить ни в чём не повинное сердце Белоснежки, та стала плакать и просить:

— Ах, милый егерь, оставь ты меня в живых! Я убе-
гу далеко-далеко в дремучий лес и никогда не вернусь
домой.

И оттого, что была она такая красивая, егерь над ней
сжалился и сказал:

— Так и быть, беги, бедная девочка!

И подумал про себя: «Всё равно там тебя скоро съедят ди-
кие звери». И будто камень свалился у него с сердца, когда
не пришлось ему убивать Белоснежку.

И как раз в это время подбежал молодой олень, егерь его
заколол, вырезал у него лёгкие и печень и принёс их коро-
леве в знак доказательства, что её приказание исполнено.
Повару было велено сварить их в солёной воде, и злая
женщина их съела, думая, что это лёгкие и печень Бело-
снежки.

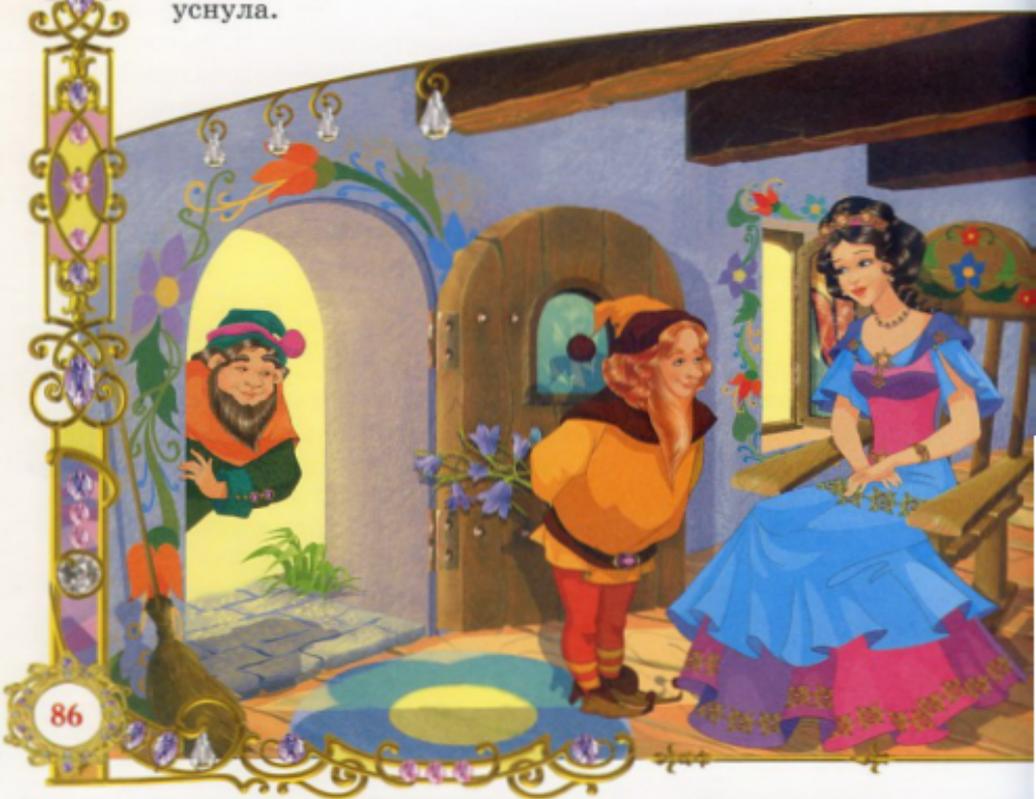
Осталась бедная девочка в дремучем лесу одна-
одинёшенька, и в страхе она оглядела все листочки на де-
ревьях, не зная, как ей быть дальше, как своему горю по-
мочь.

Она пустилась бежать, и бежала по острым камням, через
колючие заросли; и прыгали около неё дикие звери, но её
не трогали. Бежала она сколько сил хватило, но вот ста-
ло наконец смеркаться. Вдруг она увидела маленькую из-
бушку и зашла в неё отдохнуть. И было в той избушке всё
таким маленьким, но красивым и чистым, что ни в сказке
сказать, ни пером описать.

Стоял там накрытый белой скатертью столик, а на нём
семь маленьких тарелочек, возле каждой тарелочки по

ложечке, а ещё семь маленьких ножей и вилок и семь маленьких кубков. Стояли у стены в ряд семь маленьких кроваток, и они были покрыты белоснежными покрывалами.

Захотелось Белоснежке поесть и попить, она взяла из каждой тарелочки понемногу овощей и хлеба и выпила из каждого кубочка по капельке вина — ей не хотелось пить всё из одного. А так как она очень устала, то легла в одну из постелек, но ни одна из них для неё не подходила: одна была слишком длинной, другая слишком короткой; но седьмая оказалась наконец ей как раз впору; она в неё улеглась и, отдавшись на милость господню, уснула.

Когда уже совсем стемнело, пришли хозяева избушки; были то семеро карликов, которые в горах добывали руду. Они зажгли семь своих лампочек, и, когда в избушке стало светло, они заметили, что у них кто-то был, потому что не всё оказалось в том порядке, в каком было раньше. И сказал первый карлик:

— Кто это на моём стуле сидел?

Второй:

— Кто это из моей тарелочки ел?

Третий:

— Кто взял кусок моего хлебца?

Четвёртый:

— А кто мои овощи ел?

Пятый:

— Кто мою вилочку брал?

Шестой:

— А кто моим ножичком резал?

Седьмой спросил:

— Кто это пил из моего маленького кубка?

Оглянулся первый, и заметил на своей постельке маленькую складочку, и спросил:

— А кто это лежал на моей кровати?

Тут сбежались остальные и стали говорить:

— И в моей тоже кто-то лежал.

Глянул седьмой карлик на свою постель, видит — лежит в ней Белоснежка и спит. Кликнул он тогда остальных; подбежали они, стали от удивления кричать, принесли семь своих лампочек и осветили Белоснежку.

— Ах, боже мой! Ах, боже мой! — воскликнули они. — Какой, однако, красивый ребёнок!

Они так обрадовались, что не стали её будить и оставили её спать в постельке. А седьмой карлик проспал у каждого из своих товарищей по часу, так вот и ночь прошла.

Наступило утро. Проснулась Белоснежка, увидела семерых карликов и испугалась. Но были они с ней ласковы и спросили её:

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Белоснежкой, — ответила она.

— Как ты попала в нашу избушку? — продолжали спрашивать карлики.

И она рассказала им о том, что мачеха хотела её убить, но егерь сжалился над ней, и что бежала она целый день, пока наконец не нашла их избушку.

Карлики спросили:

— Хочешь вести у нас хозяйство? Стряпать, постели взбивать, стирать, шить и вязать, всё содержать в чистоте и порядке, если ты на это согласна, то можешь у нас остаться, и будет у тебя всего вдосталь.

— Хорошо, — сказала Белоснежка, — с большой охотой. — И осталась у них.

Она содержала избушку в порядке. Утром карлики уходили в горы копать руду и золото, а вечером возвращались домой, и она должна была к их приходу приготовить им ужин. Целый день девочке приходилось оставаться одной, и потому добрые карлики её предостерегали и говорили:

— Берегись своей мачехи: она скоро узнает, что ты здесь. Смотри, никого не впускай в дом.

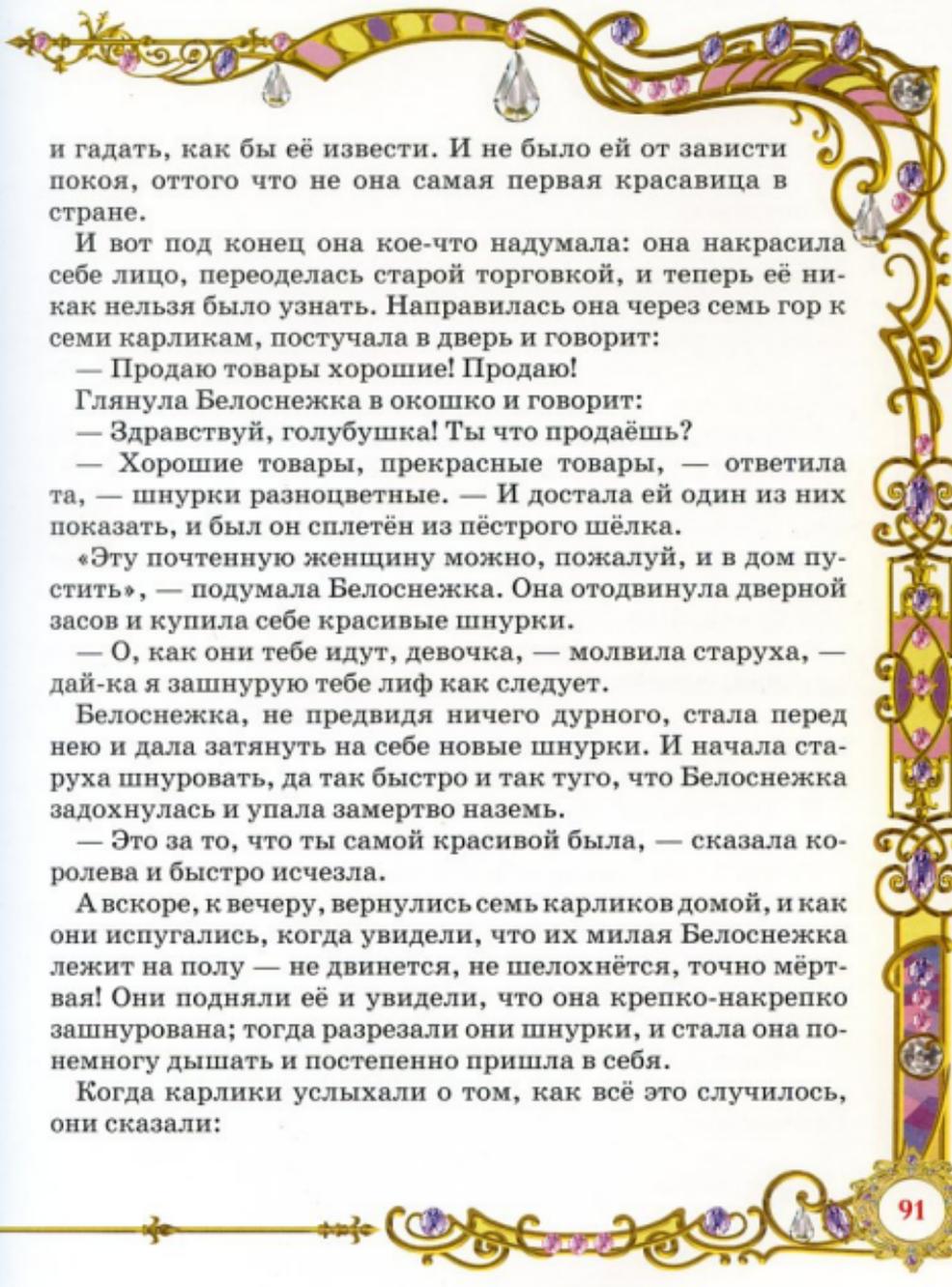
А королева, съев лёгкие и печень Белоснежки, стала опять думать, что она теперь самая первая красавица в стране. Она подошла к зеркалу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало:

Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Испугалась тогда королева, — она ведь знала, что зеркальце говорит правду, и поняла, что егерь её обманул, что Белоснежка ещё жива. И она стала снова думать

и гадать, как бы её извести. И не было ей от зависти покоя, оттого что не она самая первая красавица в стране.

И вот под конец она кое-что надумала: она нарисовала себе лицо, переделалась старой торговкой, и теперь её никак нельзя было узнать. Направилась она через семь гор к семи карликам, постучала в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Глянула Белоснежка в окошко и говорит:

— Здравствуй, голубушка! Ты что продаёшь?

— Хорошие товары, прекрасные товары, — ответила та, — шнурки разноцветные. — И достала ей один из них показать, и был он сплетён из пёстрого шёлка.

«Эту почтенную женщину можно, пожалуй, и в дом пустить», — подумала Белоснежка. Она отодвинула дверной засов и купила себе красивые шнурки.

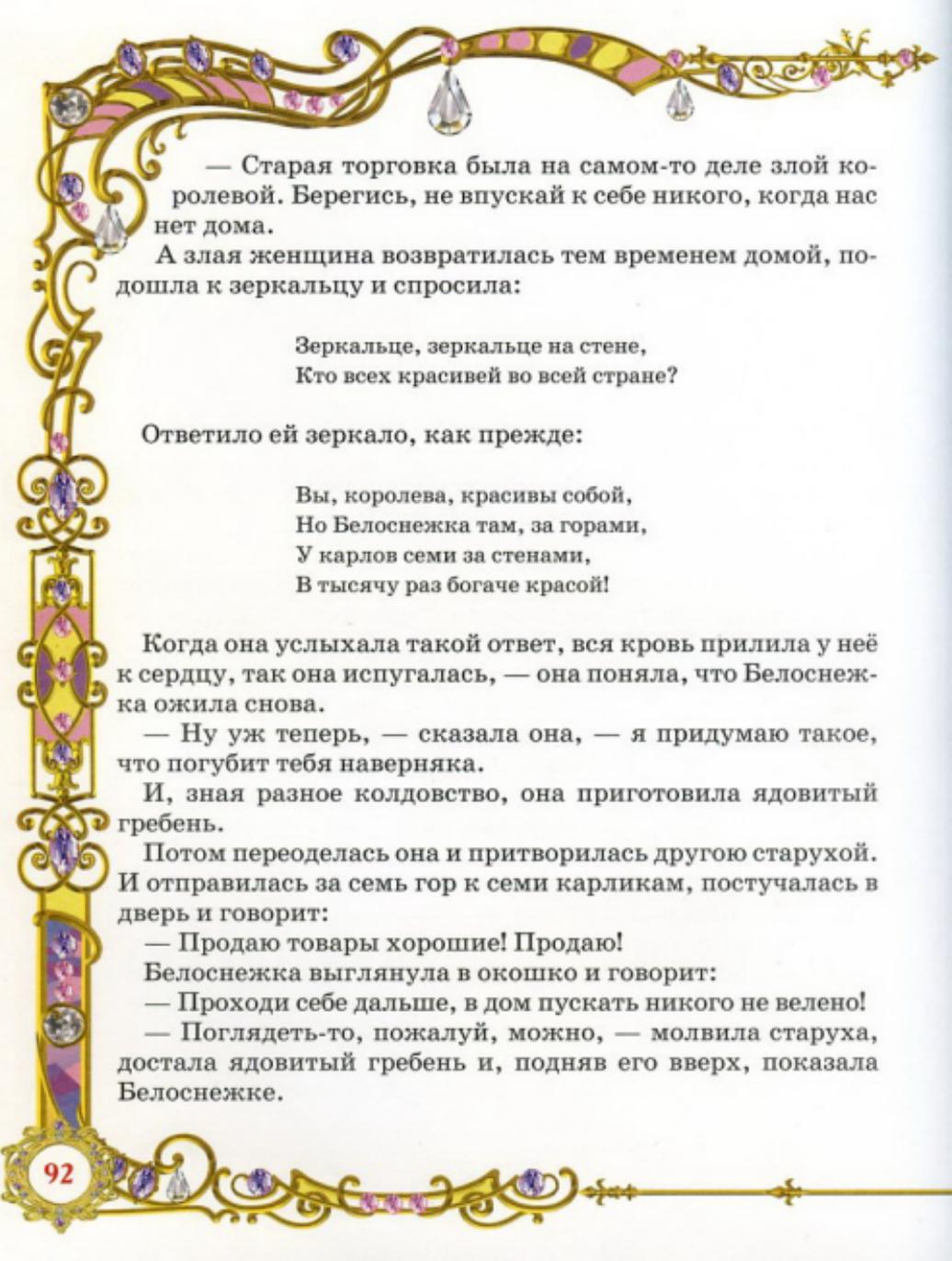
— О, как они тебе идут, девочка, — молвила старуха, — дай-ка я зашнурую тебе лиф как следует.

Белоснежка, не предвидя ничего дурного, стала перед нею и дала затянуть на себе новые шнурки. И начала старуха шнуровать, да так быстро и так туго, что Белоснежка задохнулась и упала замертво наземь.

— Это за то, что ты самой красивой была, — сказала королева и быстро исчезла.

А вскоре, к вечеру, вернулись семь карликов домой, и как они испугались, когда увидели, что их милая Белоснежка лежит на полу — не двинется, не шелохнётся, точно мёртвая! Они подняли её и увидели, что она крепко-накрепко зашнурована; тогда разрезали они шнурки, и стала она понемногу дышать и постепенно пришла в себя.

Когда карлики услышали о том, как всё это случилось, они сказали:

— Старая торговка была на самом-то деле злой королевой. Берегись, не впускай к себе никого, когда нас нет дома.

А злая женщина возвратилась тем временем домой, подошла к зеркальцу и спросила:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

Ответило ей зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красотой!

Когда она услышала такой ответ, вся кровь прилила у неё к сердцу, так она испугалась, — она поняла, что Белоснежка ожила снова.

— Ну уж теперь, — сказала она, — я придумаю такое, что погубит тебя наверняка.

И, зная разное колдовство, она приготовила ядовитый гребень.

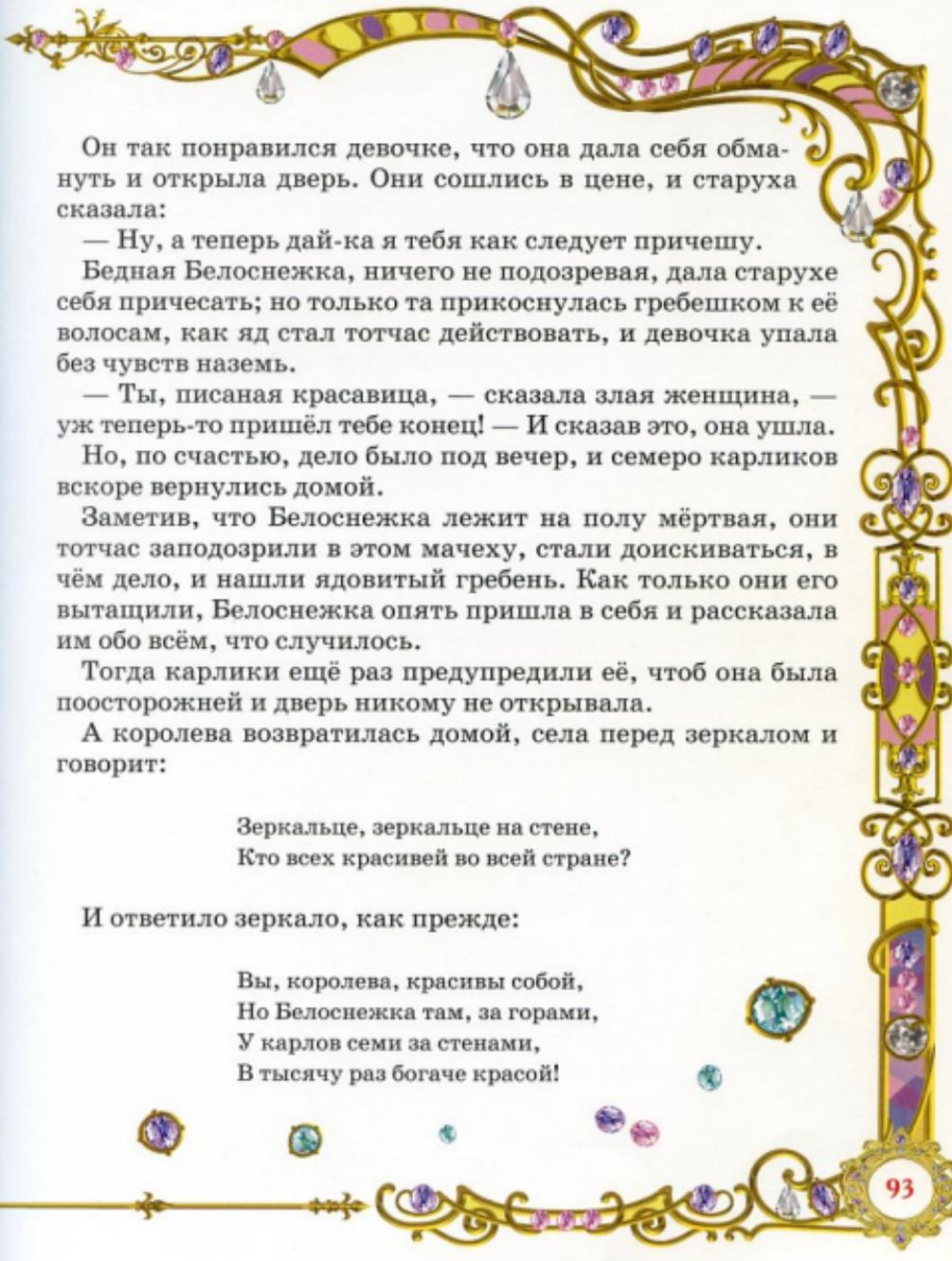
Потом переделалась она и притворилась другою старухой. И отправилась за семь гор к семи карликам, постучалась в дверь и говорит:

— Продаю товары хорошие! Продаю!

Белоснежка выглянула в окошко и говорит:

— Проходи себе дальше, в дом пускать никого не велено!

— Поглядеть-то, пожалуй, можно, — молвила старуха, достала ядовитый гребень и, подняв его вверх, показала Белоснежке.

Он так понравился девочке, что она дала себя обмануть и открыла дверь. Они сошлись в цене, и старуха сказала:

— Ну, а теперь дай-ка я тебя как следует причешу.

Бедная Белоснежка, ничего не подозревая, дала старухе себя причесать; но только та прикоснулась гребешком к её волосам, как яд стал тотчас действовать, и девочка упала без чувств наземь.

— Ты, писаная красавица, — сказала злая женщина, — уж теперь-то пришёл тебе конец! — И сказав это, она ушла.

Но, по счастью, дело было под вечер, и семеро карликов вскоре вернулись домой.

Заметив, что Белоснежка лежит на полу мёртвая, они тотчас заподозрили в этом мачеху, стали доискиваться, в чём дело, и нашли ядовитый гребень. Как только они его вытащили, Белоснежка опять пришла в себя и рассказала им обо всём, что случилось.

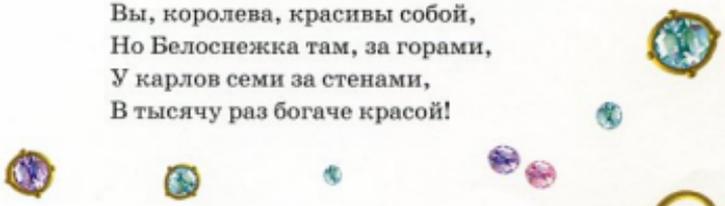
Тогда карлики ещё раз предупредили её, чтоб она была поосторожней и дверь никому не открывала.

А королева возвратилась домой, села перед зеркалом и говорит:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало, как прежде:

Вы, королева, красивы собой,
Но Белоснежка там, за горами,
У карлов семи за стенами,
В тысячу раз богаче красой!

Услышав, что говорит зеркало, она вся задрожала-затрепетала от гнева.

— Белоснежка должна погибнуть, — крикнула она, — даже если бы это мне самой стоило жизни!

И она отправилась в потайную комнату, куда никто никогда не входил, и приготовила там ядовитое-преядовитое яблоко.

Было оно на вид очень красивое, белое с красными крапинками, и всякий, кто его бы увидел, захотел бы его съесть; но кто съел хотя бы кусочек, тот непременно бы умер.

Когда яблоко было готово, королева нарисовала себе лицо, переделалась крестьянкой и отправилась в путь-дорогу — за семь гор, к семи карликам.

Она постучалась; Белоснежка высунула голову в окошко и говорит:

— Пускать в дом никого не велено — семь карликов мне это запретили.

— Оно правильно, — ответила крестьянка, — но куда же я дену свои яблоки? Хочешь, я тебе одно из них подарю?

— Нет, — сказала Белоснежка, — мне брать ничего не велено.

— Ты что ж, отравы боишься? — спросила старуха. — Погляди, я разрежу яблоко на две половинки: румяную съешь ты, а белую я.

А яблоко было сделано так хитро, что только румяная его половинка была отравленной. Захотелось Белоснежке отведать прекрасного яблока, и когда она увидела, что крестьянка его ест, девочка не удержалась, высунула из окошкa руку и взяла отравленную половинку. Только откусила она кусок, тотчас упала за­мертво на­земь. Посмотрела на неё своими страшными глазами королева и, громко захохотав, сказала:

— Бела как снег, румяна, как кровь, черноволоса, как чёрное дерево! Уж теперь-то твои карлики не разбудят тебя никогда!

Она вернулась домой и стала спрашивать у зеркала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало наконец:

Вы, королева, красивей всех в стране.

Успокоилось тогда её завистливое сердце, насколько может подобное сердце найти себе покой.

Карлики, возвратясь вечером домой, нашли Белоснежку лежащей на земле, бездыханной и мёртвой. Они подняли её и стали искать отраву: они расшнуровали её, причесали ей волосы, обмыли её водой и вином, но ничего не помогло — бедная девочка как была мёртвой, так мёртвой и осталась.

Положили они её в гроб, уселись все семеро вокруг неё, стали её оплакивать и проплакали так целых три дня. Потом они решили её похоронить, но она выглядела как живая — щёки у неё были по-прежнему красивые и румяные.

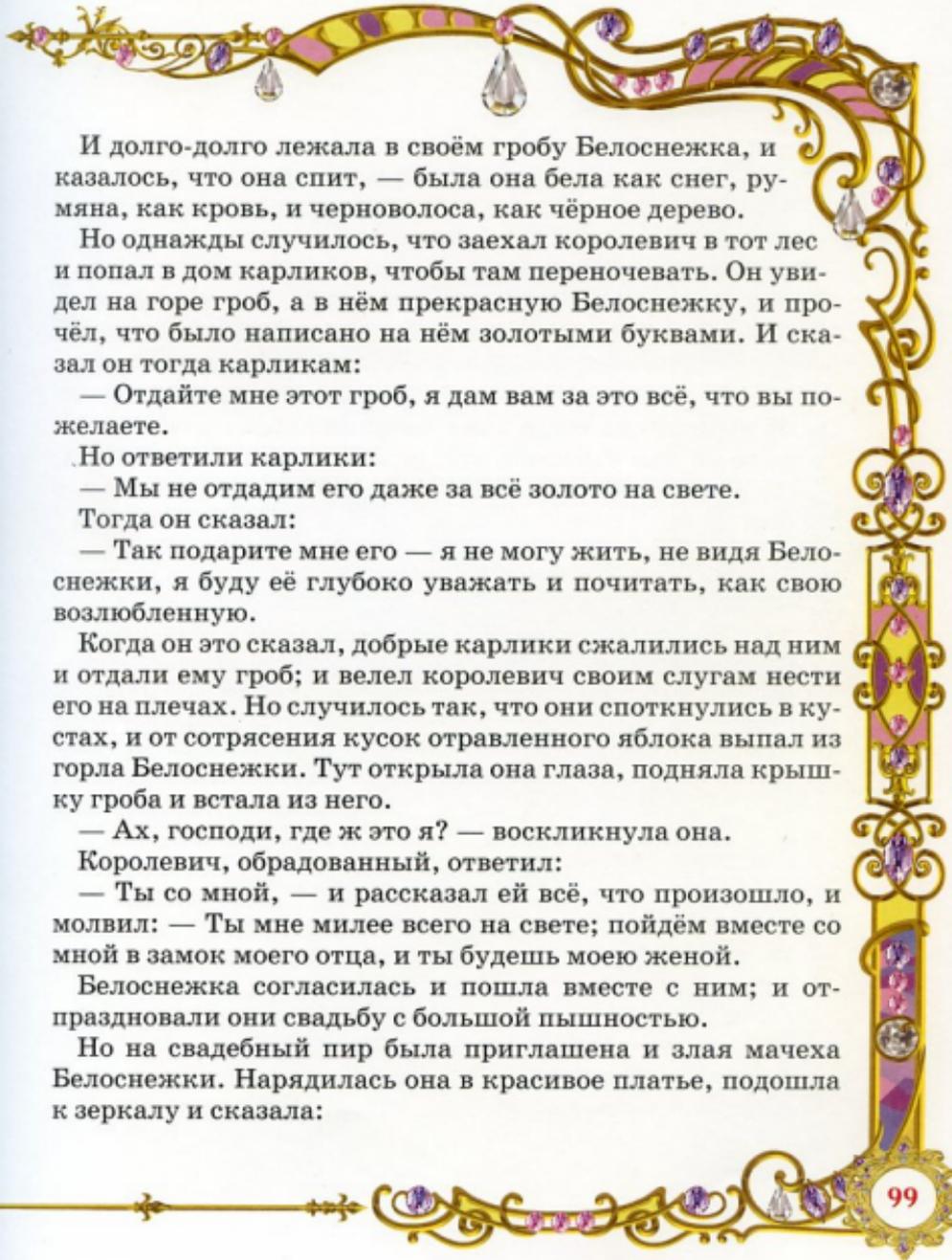

И сказали они:

— Как можно её такую в землю закапывать?

И они велели сделать для неё стеклянный гроб, чтоб можно было её видеть со всех сторон, и положили её в тот гроб, написали на нём золотыми буквами её имя и что была она королевской дочерью. Отнесли они гроб на гору, и всегда один из них оставался при ней на страже. И явились также звери и птицы оплакивать Белоснежку: сначала сова, потом ворон и, наконец, голубок.

И долго-долго лежала в своём гробу Белоснежка, и казалось, что она спит, — была она бела как снег, румяна, как кровь, и черноволоса, как чёрное дерево.

Но однажды случилось, что заехал королевич в тот лес и попал в дом карликов, чтобы там переночевать. Он увидел на горе гроб, а в нём прекрасную Белоснежку, и прочёл, что было написано на нём золотыми буквами. И сказал он тогда карликам:

— Отдайте мне этот гроб, я дам вам за это всё, что вы желаете.

Но ответили карлики:

— Мы не отдадим его даже за всё золото на свете.

Тогда он сказал:

— Так подарите мне его — я не могу жить, не видя Белоснежки, я буду её глубоко уважать и почитать, как свою возлюбленную.

Когда он это сказал, добрые карлики сжалились над ним и отдали ему гроб; и велел королевич своим слугам нести его на плечах. Но случилось так, что они споткнулись в кустах, и от сотрясения кусок отравленного яблока выпал из горла Белоснежки. Тут открыла она глаза, подняла крышку гроба и встала из него.

— Ах, господи, где ж это я? — воскликнула она.

Королевич, обрадованный, ответил:

— Ты со мной, — и рассказал ей всё, что произошло, и молвил: — Ты мне милее всего на свете; пойдём вместе со мной в замок моего отца, и ты будешь моею женой.

Белоснежка согласилась и пошла вместе с ним; и отпраздновали они свадьбу с большой пышностью.

Но на свадебный пир была приглашена и злая мачеха Белоснежки. Нарядилась она в красивое платье, подошла к зеркалу и сказала:

Зеркальце, зеркальце на стене,
Кто всех красивей во всей стране?

И ответило зеркало:

Вы, госпожа королева, красивы собой,
Но королева в тысячу раз богаче красой!

И вымолвила тогда злая женщина своё проклятие, и стало ей так страшно, так страшно, что она не знала, как ей с собой совладать. Сначала она решила совсем не

идти на свадьбу, но не было ей покоя — ей хотелось пойти и посмотреть на молодую королеву. Она вошла во дворец и узнала Белоснежку, и от страха и ужаса как стояла, так на месте и застыла.

Но были уже поставлены для неё на горячие угли железные туфли, их принесли, держа щипцами, и поставили перед нею. И она должна была ступить ногами в докрасна раскалённые туфли и плясать в них до тех пор, пока наконец не упала мёртвая наземь.

Братя Гримм
**КОРОЛЬ
ДРОЗДОБОРОД**

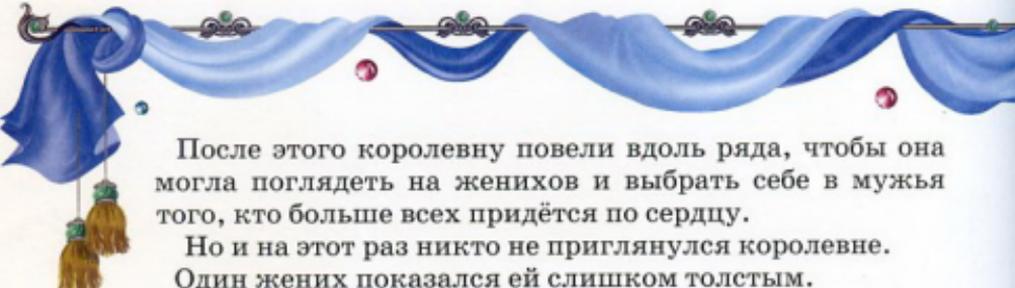

У одного короля была дочь, которая прославилась на весь свет своей красотой. И правда, хороша она была выше всякой меры, но зато и высокомерна, как никто. Никого из женихов не считала она достойным своей руки. Кто ни сватался к ней, все получали отказ да ещё какое-нибудь злое словечко или насмешливое прозвище в придачу. Старый король всё прощал своей единственной дочке, но под конец даже ему надоели её прихоти и причуды.

Он велел устроить пышное празднество и созвать из дальних краёв и соседних городов всех молодых людей, ещё не потерявших надежду понравиться королевне и добиться её благосклонности.

Съехалось немало женихов. Их построили в ряд, одного за другим, по старшинству рода и величине дохода. Сначала стояли короли и наследные принцы, потом — герцоги, потом — князья, графы, бароны и, наконец, простые дворяне.

После этого королеву повели вдоль ряда, чтобы она могла поглядеть на женихов и выбрать себе в мужа того, кто больше всех придётся по сердцу.

Но и на этот раз никто не приглянулся королевне.

Один жених показался ей слишком толстым.

— Пивная бочка! — сказала она.

Другой — долговязым и долгоносым, как журавль на болоте.

— Журавлины долги ноги не найдут пути-дороги.

Третий ростом не вышел.

— От земли не видать — боюсь растоптать!

Четвёртого она нашла слишком бледным.

— Белый, как смерть, тощий, как жердь!

Пятого — слишком румяным.

— Краснокожий, на рака похожий!..

Шестого — недостаточно стройным.

— Свежее дерево — за печкой сушено. Было сырое, стало сухое, было прямое, стало кривое!

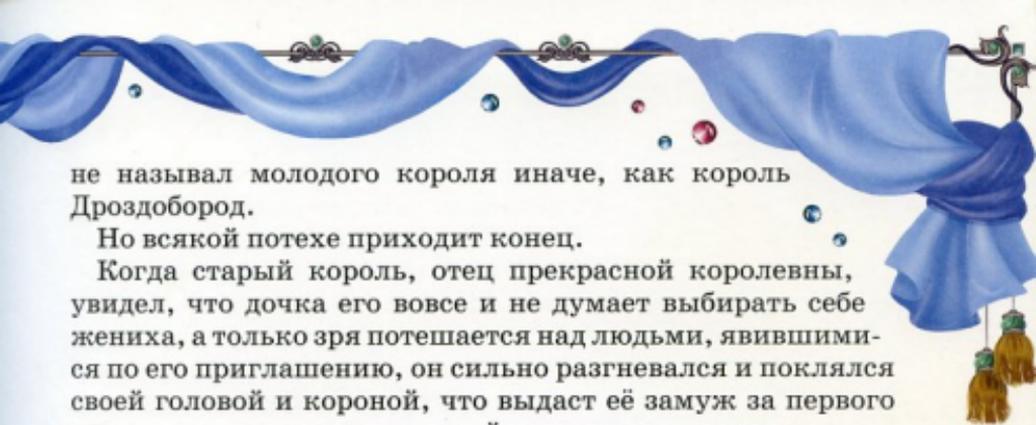
Словом, всем досталось на орехи.

Но почему-то хуже всех пришлось молодому королевичу, который занимал в ряду женихов чуть ли не самое почётное место.

Уж в нём-то, кажется, не было ничего смешного. Всякой девушке пришёлся бы он по вкусу, только не нашей королевне. Она, видите ли, разглядела, что бородка у него острее, чем следует, и слишком выдаётся вперёд. И этого было довольно, чтоб потешаться над ним всюю.

— Ах! — воскликнула она и засмеялась: — Посмотрите! Посмотрите! У него борода, словно клюв у дрозда. Король Дроздобород! Король Дроздобород!

А так как на свете немало охотников посмеяться над соседом, то словцо это тут же подхватили, и никто с той поры

не называл молодого короля иначе, как король Дроздобород.

Но всякой потехе приходит конец.

Когда старый король, отец прекрасной королевы, увидел, что дочка его вовсе и не думает выбирать себе жениха, а только зря потешается над людьми, явившимися по его приглашению, он сильно разгневался и поклялся своей головой и короной, что выдаст её замуж за первого попавшегося нищего, который постучится у ворот.

Прошло два дня. И вот под окнами королевского дворца задребезжали струны, и какой-то бродячий музыкант затянул свою песенку. Пение стоило музыки, да и песня была из тех, что поются не ради веселья, а только для того, чтобы разжалобить слушателей и выпросить у них несколько грошей или кусок хлеба.

Но король прислушался и послал за музыкантом своих слуг.

— Впустите-ка его. Пусть войдёт сюда! — сказал он.

Грязный, оборванный нищий робко вошёл во дворец и пропел перед королём и королевой всё, что знал и помнил. А потом низко поклонился и попросил милостиво наградить его не столько за умение, сколько за старание.

Король сказал:

— Какова работа, такова и плата. Мне так понравилось твоё пение, братец, что я решил выдать за тебя замуж родную дочь.

Услышав эти слова, королева в ужасе упала перед отцом на колени, но король даже не поглядел на неё.

— Ничего не поделаешь! — сказал он. — Я поклялся своей головой и короной, что отдам тебя за первого попавшегося нищего, и я сдержу свою клятву!

Сколько ни плакала королева, сколько ни молила — всё было напрасно. Её тут же обвенчали с нищим музыкантом.

А после венчания король сказал:

— Не пристало жене нищего жить в королевском дворце. Можешь отправиться со своим мужем на все четыре стороны.

Нищий музыкант, не говоря ни слова, взял за руку молодую жену и вывел за ворота. Первый раз в жизни королева пешком вышла из отцовского дворца.

Опустив голову, не глядя по сторонам, шла она вслед за своим мужем по каменистой пыльной дороге.

Долго брели они так по равнинам и холмам, по дорогам, дорожкам и тропинкам. И наконец тропинка вывела их в сень густого леса.

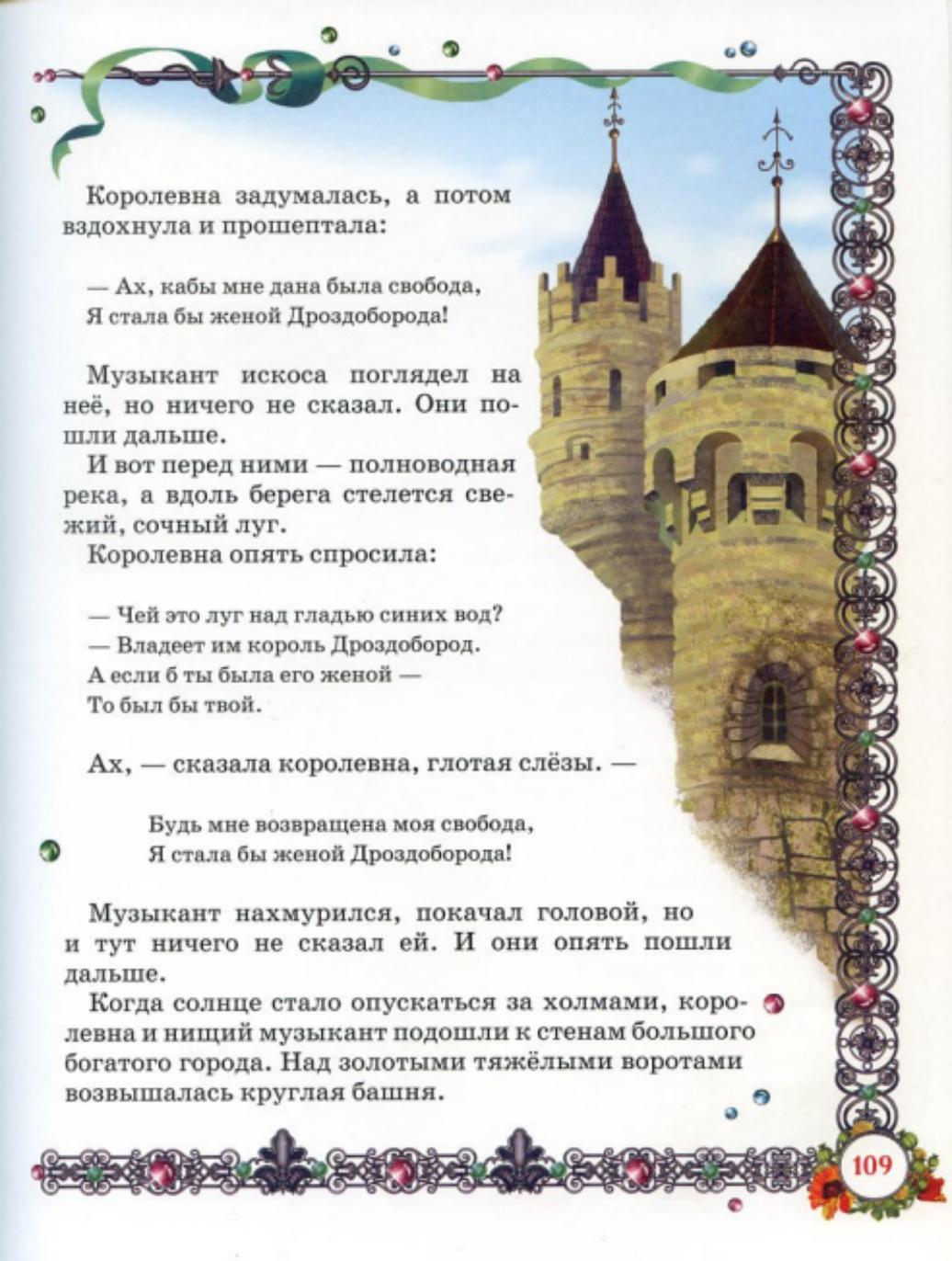
Они сели отдохнуть под старым дубом, и королева спросила, невольно залюбовавшись тенистыми деревьями:

— Чей это лес закрыл
небесный свод?

— Владеет им король
Дроздобород.

А если б ты была его
женой —

То был бы твой.

Королевна задумалась, а потом
вздохнула и прошептала:

— Ах, кабы мне дана была свобода,
Я стала бы женой Дроздоборода!

Музыкант искоса поглядел на
неё, но ничего не сказал. Они по-
шли дальше.

И вот перед ними — полноводная
река, а вдоль берега стелется све-
жий, сочный луг.

Королевна опять спросила:

— Чей это луг над гладью синих вод?
— Владеет им король Дроздобород.
А если б ты была его женой —
То был бы твой.

Ах, — сказала королевна, глотая слёзы. —

Будь мне возвращена моя свобода,
Я стала бы женой Дроздоборода!

Музыкант нахмурился, покачал головой, но
и тут ничего не сказал ей. И они опять пошли
дальше.

Когда солнце стало опускаться за холмами, коро-
левна и нищий музыкант подошли к стенам большого
богатого города. Над золотыми тяжёлыми воротами
возвышалась круглая башня.

Королевна спросила:

— Чей это город с башней у ворот?
— Владеет им король Дроздобород.
А если б ты была его женой —
То был бы твой!

Тут королевна не выдержала. Она горько заплакала и воскликнула, заламывая руки:

— Вернись ко мне опять моя
свобода —
Я стала бы женой Дроздоборода!..

Музыкант рассердился.
— Слушай-ка, голубушка! — сказал он. — Не больно-то мне по вкусу, что ты на каждом слове поминаешь другого и жалеешь, что не пошла за него замуж. А я-то, что же, недостаточно хорош для тебя?

Королева притихла. Не обменявшись ни одним словом, они прошли через весь город и остановились на самой окраине, около маленького, выросшего в землю домика. Сердце дрогнуло в груди у королевы. Она поглядела на домик, на мужа и робко спросила:

— Чей это домик, старый и кривой?

— Он мой и твой! — ответил с гордостью музыкант и отворил покосившуюся дверь. — Здесь мы с тобою будем жить. Входи!

Ей пришлось наклониться, чтобы, переступая через порог, не ударить своей головой о низкую притолоку.

— А где же слуги? — спросила королева, поглядев по сторонам.

— Какие там слуги! — ответил нищий. — Что понадобится, сделаешь сама. Вот разведи-ка огонёк, поставь воду да приготовь мне чего-нибудь поесть. Я изрядно устал.

Но королева не имела ни малейшего понятия о том, как разводят огонь и стряпают, и музыканту пришлось самому приложить ко всему руки, чтобы дело кое-как пошло на лад.

Наконец скудный ужин поспел. Они поели и легли отдохнуть.

А на другой день нищий ни свет ни заря поднял с постели бедную королеву:

— Вставай, хозяйюшка, некогда нежиться! Никто за тебя работать не станет!

Так прожили они дня два, ни шатко ни валко, и мало-помалу все припасы бедного музыканта подошли к концу.

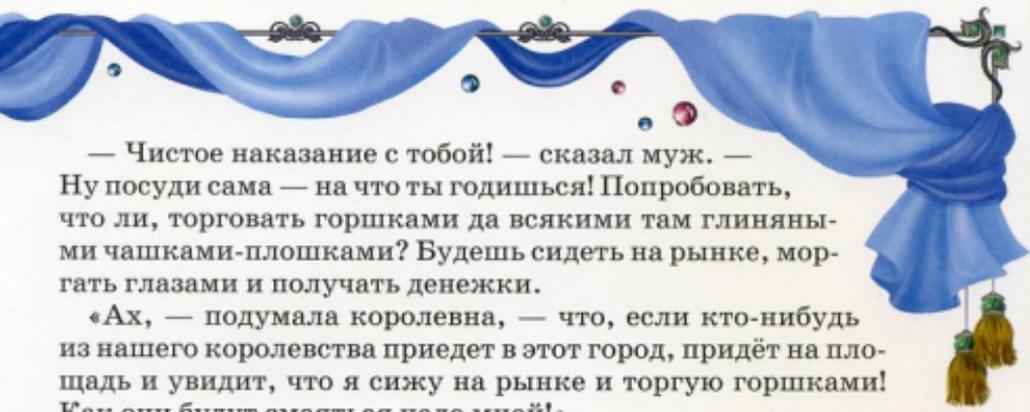
— Ну, жена, — сказал он, — хорошенького понемножку. Это безделье не доведёт нас до добра. Мы с тобой только проедаемся, а зарабатывать ничего не зарабатываем. Начни-ка ты хоть корзинки плести, что ли... Прибыль от этого небольшая, но зато и труд невелик.

Он пошёл в лес, нарезал ивняку и принёс домой целую вязанку.

Королева принялась плести корзины, но жёсткие прутья не слушались её. Они не хотели ни сгибаться, ни переплетаться и только исцарапали да покололи её белые ручки.

— Так! — сказал муж, поглядев на её работу. — Вижу, что это дело не для таких белоручек, как ты. Садись-ка лучше пряхть. Авось хоть на это у тебя хватит ума да умения.

Она села за прялку, но грубая нитка врезалась в нежные пальцы, и кровь капала с них так же часто, как слёзы из её глаз.

— Чистое наказание с тобой! — сказал муж. — Ну посуди сама — на что ты годишься! Попробовать, что ли, торговать горшками да всякими там глиняными чашками-плошками? Будешь сидеть на рынке, моргать глазами и получать денежки.

«Ах, — подумала королевна, — что, если кто-нибудь из нашего королевства приедет в этот город, придёт на площадь и увидит, что я сижу на рынке и торгую горшками! Как они будут смеяться надо мной!»

Но делать было нечего. Либо помирай с голоду, либо соглашайся на всё. И королевна согласилась.

Сначала торговля пошла славно. Люди нарасхват брали горшки у прекрасной торговки и платили ей, не торгуясь, всё, что она ни запрашивала. Мало того, иные давали ей деньги да ещё в придачу только что купленные горшки.

Так жили они до тех пор, пока все чашки и плошки до последней не были распроданы. А потом муж снова закупил целый воз глиняной посуды. Королевна уселась на рыночной площади, возле дороги, расставила вокруг свой товар и приготовилась торговать.

Как вдруг, откуда ни возьмись, какой-то пьяный гусар на горячем коне вихрем вылетел из-за угла и пронёсся прямо по горшкам, оставив за собой облако пыли да груды битых черпков.

Королевна залилась слезами.

— Ах, как мне достанется! — в страхе приговаривала она, перебирая остатки растоптанной посуды. — Ах, что теперь скажет мой муж!

Она побежала домой и, плача, рассказала ему о своём несчастье.

— Да кто же садится с глиняной посудой на рынке с краю, у проезжей дороги! — сказал муж. — Ну ладно! Полно

реветь! Я отлично вижу, что ты не годишься ни для какой порядочной работы. Нынче я был в королевском замке и спросил там на кухне, не нужна ли им судомойка. Говорят: нужна. Собирайся-ка! Я отведу тебя в замок и пристрою к месту. Будешь по крайней мере сыта.

Так прекрасная королева стала судомойкой. Она была теперь на посылках у повара и делала самую чёрную работу. В глубокие карманы своего большого фартука она засунула по горшочку и складывала туда остатки кушаний, достававшиеся на её долю. А вечером уносила горшочки домой, чтобы поужинать после работы.

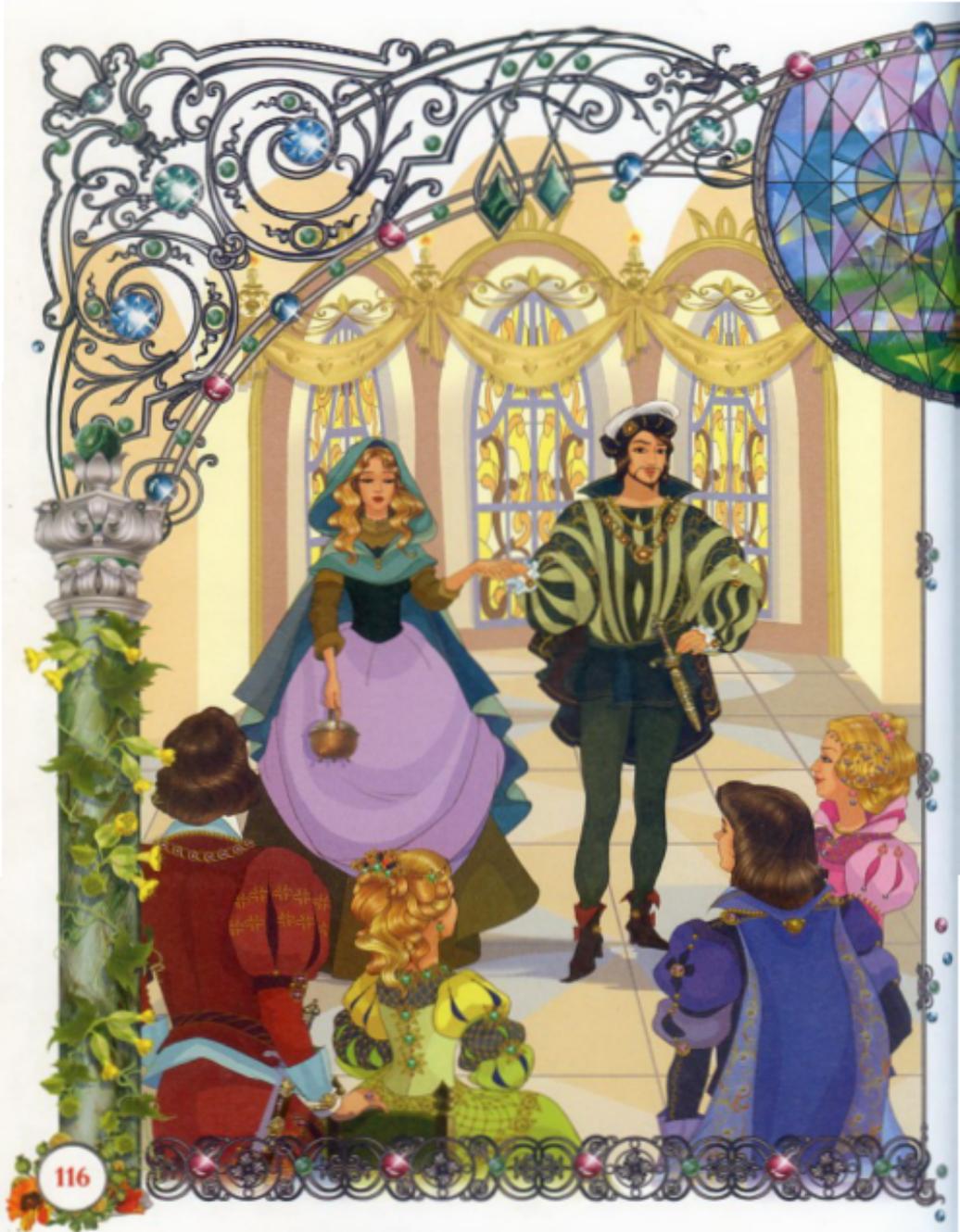
В то самое время, когда королева-судомойка чистила на кухне закопчённые котлы и выгребала из очага золу, во дворце готовились отпраздновать большое событие — свадьбу молодого короля.

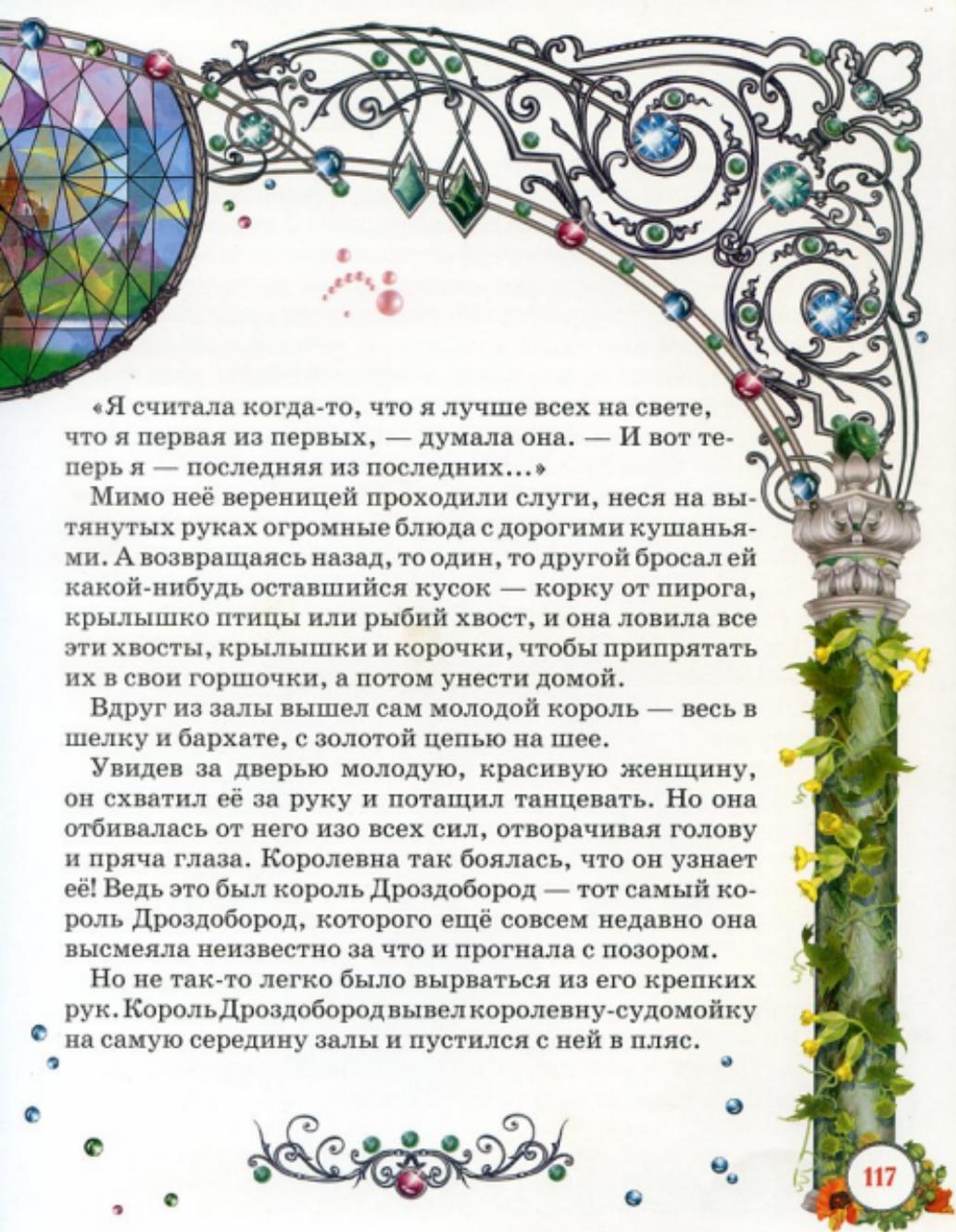
Настал наконец и торжественный день.

Окончив работу, королева тихонько пробралась из кухни наверх и притаилась за дверью парадной залы, чтобы хоть издали полюбоваться на королевский праздник.

И вот зажглись тысячи свечей. Огни заиграли на золоте, серебре и драгоценных камнях, а гости — один нарядней другого — стали входить в королевские покои.

Королева смотрела на них из своего угла, и чем дальше она смотрела, тем тяжелее становилось у неё на сердце.

«Я считала когда-то, что я лучше всех на свете, что я первая из первых, — думала она. — И вот теперь я — последняя из последних...»

Мимо неё вереницей проходили слуги, неся на вытянутых руках огромные блюда с дорогими кушаньями. А возвращаясь назад, то один, то другой бросал ей какой-нибудь оставшийся кусок — корку от пирога, крылышко птицы или рыбий хвост, и она ловила все эти хвосты, крылышки и корочки, чтобы припрятать их в свои горшочки, а потом унести домой.

Вдруг из зала вышел сам молодой король — весь в шелку и бархате, с золотой цепью на шее.

Увидев за дверью молодую, красивую женщину, он схватил её за руку и потащил танцевать. Но она отбивалась от него изо всех сил, отворачивая голову и пряча глаза. Королевна так боялась, что он узнает её! Ведь это был король Дроздобород — тот самый король Дроздобород, которого ещё совсем недавно она высмеяла неизвестно за что и прогнала с позором.

Но не так-то легко было вырваться из его крепких рук. Король Дроздобород вывел королевну-судомойку на самую середину зала и пустился с ней в пляс.

И тут завязка её фартука лопнула. Горшочки вывалились из карманов, ударились об пол и разлетелись на мелкие черепки. Брызнули во все стороны и первое и второе, и суп и жаркое, и косточки и корочки.

Казалось, стены королевского замка рухнут от смеха. Смеялись знатные гости, прибывшие на праздник, смеялись придворные дамы и кавалеры, смеялись юные пажи и седые советники, хохотали и слуги, сгибаясь в три погибели и хватаясь за бока.

Одной королевне было не до смеха. От стыда и унижения она готова была провалиться сквозь землю.

Закрыв лицо руками, выбежала она из залы и опрומеть бросилась вниз по лестнице.

Но кто-то догнал её, схватил за плечи и повернул к себе.

Королевна подняла голову, взглянула и увидела, что это опять был он — король Дроздобород!

Он ласково сказал ей:

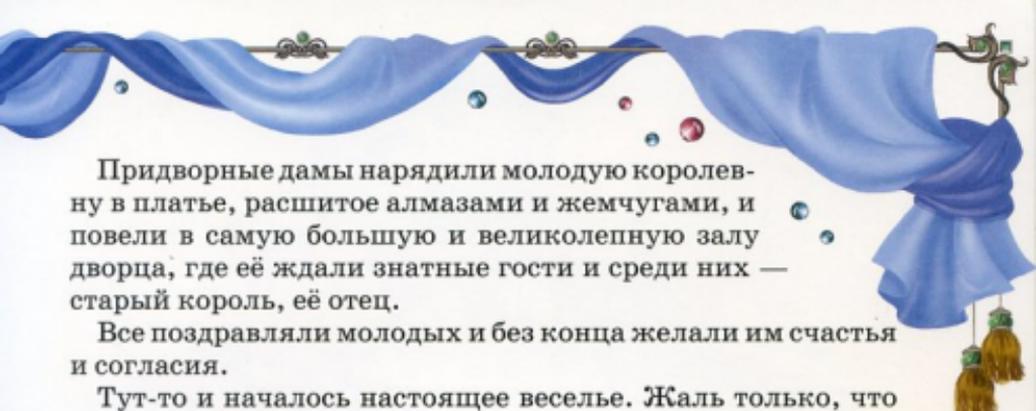
— Не бойся! Разве ты не узнаёшь меня? Ведь я тот самый бедный музыкант, который был с тобой в маленьком покосившемся домике на окраине города. И я тот самый гусар, который растоптал твои горшки на базаре. И тот осмеянный жених, которого ты обидела ни за что ни про что. Из любви к тебе я сменил мантию на нищенские лохмотья и провёл тебя дорогой унижений, чтобы ты поняла, как горько человеку быть обиженным и осмеянным, чтобы сердце твоё смягчилось и стало так же прекрасно, как и лицо.

Королевна горько заплакала.

— Ах, я так виновата, так виновата, что недостойна быть твоей женой... — прошептала она.

Но король не дал ей договорить.

— Полно! Всё дурное осталось позади, — сказал он. — Давай же праздновать нашу свадьбу!

Придворные дамы нарядили молодую королеву в платье, расшитое алмазами и жемчугами, и повели в самую большую и великолепную залу дворца, где её ждали знатные гости и среди них — старый король, её отец.

Все поздравляли молодых и без конца желали им счастья и согласия.

Тут-то и началось настоящее веселье. Жаль только, что нас с тобой там не было...

A decorative wreath of flowers and berries framing the text. The wreath features a variety of flowers including pink, yellow, and orange blossoms, along with clusters of pink berries and small blue and purple gemstones. The background is a solid light yellow color.

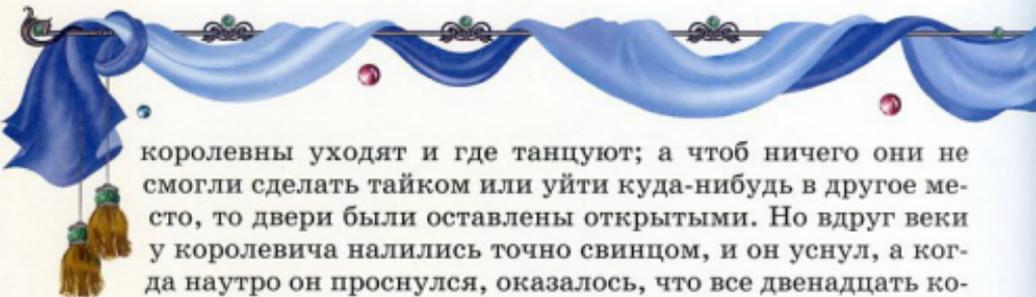
Братья ГРИММ
**СТОПАННЫЕ
ТУФЕЛЬКИ**

Жил-был некогда король. Было у него двенадцать дочерей, одна другой красивей. Спали они все вместе в одной зале, и постели их стояли рядом; вечером, когда они ложились спать, король закрывал дверь и запирал её на засов. А утром, когда он её открывал, то всегда замечал, что туфли у дочерей все от танцев стоптаны, и никак он не мог понять, отчего это происходит. И велел король кликнуть клич по всему королевству, что тот, кто дознается, где это они по ночам танцуют, может выбрать одну из них себе в жёны, а после его смерти стать королём. Но кто объявится, а в течение трёх дней и ночей о том не дознается, тому голова с плеч долой.

Вот вызвался вскоре один королевич взяться за это отважное дело. Хорошо его приняли и вечером отвели в комнату, что находилась рядом с залой-опочивальней. Ему приготовили постель, и он должен был наблюдать, куда

королевы уходят и где танцуют; а чтоб ничего они не смогли сделать тайком или уйти куда-нибудь в другое место, то двери были оставлены открытыми. Но вдруг веки у королевича налились точно свинцом, и он уснул, а когда наутро он проснулся, оказалось, что все двенадцать королевен ходили куда-то танцевать — туфельки их стояли в зале, но у всех на подошвах были протёрты дыры. И на второй, и на третий вечер случилось то же самое: и вот отрубили королевичу без всякой жалости голову. Приходило потом ещё много других, которые брались за это отважное дело, но всем им пришлось поплатиться жизнью.

И вот случилось, что один бедный солдат, который был ранен и служить больше не мог, направился в тот самый город, где жил король. Повстречалась ему на пути старуха, она спросила его, куда он идёт.

— Да я и сам точно не знаю, — ответил солдат и в шутку добавил: — Есть у меня охота дознаться, где это и в самом деле королевны свои туфли во время танцев стаптывают, — вот, может, и я королём сделаюсь.

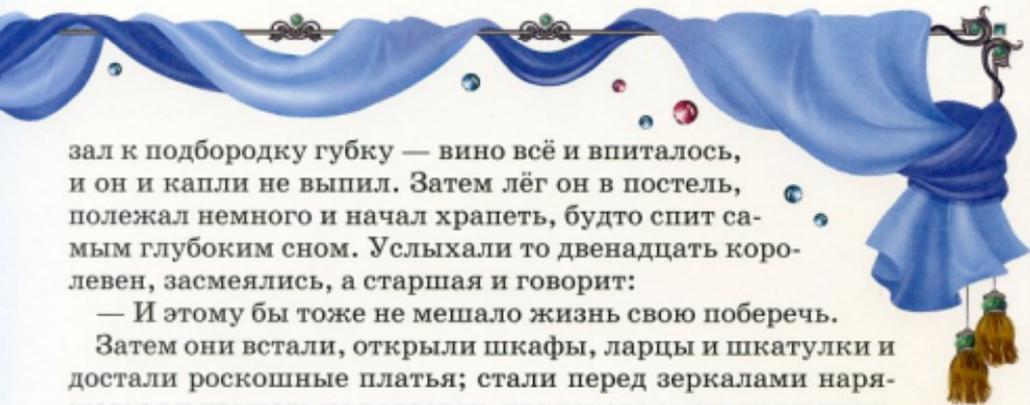
— Да это не так-то и трудно, — сказала старуха. — Ты пей вина, что поднесут тебе вечером, и притворись, будто крепко спишь.

Затем дала она ему небольшой плащ и сказала:

— Если ты наденешь его, то станешь невидимкой и сможешь тогда пробраться вслед за двенадцатью королевнами.

Солдат, получив добрый совет, решил приняться за это дело: набрался он смелости и к королю женихом объявился. Был он принят так же хорошо, как и другие, и на него тоже надели королевские одежды. Вечером, как пришло время спать ложиться, отвели его в комнату рядом с опочивальней; и когда он собирался ложиться спать, пришла старшая королевна и поднесла ему кубок вина; но он привя-

зал к подбородку губку — вино всё и впиталось, и он и капли не выпил. Затем лёг он в постель, полежал немного и начал храпеть, будто спит самым глубоким сном. Услыхали то двенадцать королевен, засмеялись, а старшая и говорит:

— И этому бы тоже не мешало жизнь свою поберечь.

Затем они встали, открыли шкафы, ларцы и шкатулки и достали роскошные платья; стали перед зеркалами наряжаться и прыгать на радостях, что вскоре смогут они опять танцевать. Но одна из них, младшая, и говорит:

— Я не знаю, вы вот радуетесь, а у меня на душе как-то тяжело: должно быть, с нами случится какое-нибудь несчастье.

— Эх ты, пуганая ворона, — сказала ей старшая, — всего ты вечно боишься! Разве ты забыла, сколько уже королевичей здесь понапрасну побывало? Солдату я даже и не стала бы сонного зелья подносить, этот олух и так не проснётся.

Вот королевны были уже готовы и глянули на солдата, а он глаза закрыл, не двинется, не шелохнётся, и подумали они, что теперь уже бояться им нечего. Подошла старшая к своей кровати и постучала в неё; и опустилась тотчас кровать в подземелье, и сошли они одна за другой вниз через подземный ход, а впереди всех шла старшая. Солдат, видя всё это, долго не мешкал, он набросил на себя свой плащ и спустился вниз вслед за младшей. Посреди лестницы он наступил ей слегка на платье, она испугалась и крикнула:

— Что это? Кто это схватил меня за платье?

— Да ты не выдумывай, — молвила старшая, — это ты, видно, за крючок зацепилась.

Вот сошли они все вниз и очутились в чудесной аллее, и были все листья на деревьях серебряные, и они все сияли и сверкали. Солдат подумал: «Возьму-ка я что-нибудь

в знак доказательства». — И он отломил с дерева ветку; вдруг послышался страшный треск. Младшая вскрикнула:

— Тут что-то неладное, вы слышали треск?

Но старшая сказала:

— Это салютуют на радостях, что мы скоро освободим от чар наших принцев.

И они пошли затем по другой аллее, где листья на деревьях были все золотые, и, наконец, по третьей, где были листья все из чистых алмазов; и он

отломил с обоих деревьев по ветке, и всякий раз дерево трещало, и младшая дрожала от страха, но старшая настаивала на том, что это салютуют в знак радости. Пошли они дальше, и вот подошли, наконец, к большой реке; стояло у берега двенадцать лодок, и в каждой лодке сидело по прекрасному принцу, и они ждали своих двенадцать королевен, и каждый посадил королевну к себе в лодку, солдат же сел вместе с младшей. А принц и говорит:

— Отчего это лодка вдруг стала сегодня тяжелее? Приходится мне грести изо всех сил.

— Это, пожалуй, — молвила младшая, — от жаркой погоды, и меня нынче что-то томит.

И стоял на другом берегу красивый, ярко освещённый замок, доносилась оттуда весёлая музыка, трубы и литавры.

Переплыли принцы через реку, вошли в замок, и каждый из них стал танцевать со своей милой.

Солдат же танцевал вместе с ними, никем не видимый, и когда одна из королевен держала кубок с вином, то он весь его выпивал до дна, только она подносила его ко рту; и страшно было от того младшей, но старшая всё заставляла её молчать.

Так протанцевали они до трёх часов утра, и вот все туфельки истоптались от танцев, и пришлось им оставить свои пляски. Перевезли принцы их опять через реку, а солдат на этот раз сел на переднюю лодку, к старшей. На берегу они попрощались со своими принцами и пообещали им прийти снова на следующую ночь.

Когда они всходили по лестнице, солдат забежал вперёд и лёг на свою постель; и когда двенадцать королевен медленно подымались, утомлённые, по лестнице, он уже храпел, да так громко, что все слышали; и они сказали: «Уж этого человека опасаться нам нечего».

Сняли они свои красивые платья, спрятали их, стоптанные во время танцев туфельки поставили под кровать, а сами легли спать.

На другое утро солдат решил ничего не рассказывать, а ещё раз поглядеть на это диво, — и вот ходил он и вторую и третью ночь с ними вместе. И всё было так же, как в первый раз, — они плясали до тех пор, пока туфельки не стаптывали. Но на третий раз взял он с собой в доказательство кубок.

Вот наступило время ему отвечать, и взял он с собой и спрятал три ветки и кубок и пошёл к королю, а двенадцать королевен стояли за дверью и слушали, что он скажет.

Когда король стал спрашивать:

— Ну, сказывай, где мои двенадцать дочерей ночью все свои туфельки в плясках истоптали? — то солдат ответил:

— Вместе с двенадцатью принцами в подземном замке.

И рассказал он королю всё, как было, и принёс ему знаки доказательства.

Велел тогда король позвать своих дочерей и спросил их, правду ли говорит солдат? Видя, что всё обнаружилось, и если отпираться, то всё равно ничего не поможет, они сознались во всём. Тогда король и говорит:

— Какую же ты хочешь взять себе в жёны?

Он ответил:

— Я-то уж не молод, так отдайте мне старшую.

В тот же день и свадьбу сыграли, и было ему обещано после смерти короля и всё государство.

И принцы были снова заколдованы на столько дней, сколько ночей проплясали они вместе с двенадцатью королевами.

Ханс Кристиан
Андерсен
ОГНИВО

Шёл солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку; он шёл домой с войны. На дороге встретилась ему старая ведьма — уж такая безобразная: нижняя губа свисала у неё до самой груди.

— Здорово, служивый! — сказала она. — Какая у тебя славная сабля! А ранец-то какой большой! Вот brave солдат! Ну, сейчас ты получишь денег, сколько твоей душе угодно.

— Спасибо, старая ведьма! — сказал солдат.

— Видишь вон то старое дерево? — сказала ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалёку. — Оно внутри пустое. Заберись наверх, увидишь дупло, влезь в него и спускайся до самого низа. А перед тем я обвяжу тебя верёвкой вокруг пояса, ты мне крикни, и я тебя вытащу.

— Зачем мне туда лезть? — спросил солдат.

— За деньгами! — сказала ведьма. — Знай, что из дупла ты попадёшь в большой подземный ход; в нём горит больше сотни ламп, и там совсем светло. Перед тобой будут три двери, ты можешь отворить их, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату; посреди комнаты увидишь большой сундук, а на нём собаку: глаза у неё, словно чайные чашки! Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу, а сам живо подбеги и схвати собаку, посади её на передник, открой сундук и бери из него денег вволю. В этом сундуке одни медяки; захочешь серебра — ступай в комнату рядом: там сидит собака с глазами, как мельничные колёса! Но ты не пугайся: сажай её на передник и бери себе денежки. А захочешь, так достанешь и золота, сколько сможешь унести; пойди только в третью комнату. У собаки, что сидит там на деревянном сундуке, глаза — каждый с Круглую башню. Вот это собака так собака! Да ты её не бойся: посади на мой передник, и она тебя не тронет, а ты бери себе золота, сколько хочешь!

— Оно бы недурно! — сказал солдат. — Но что ты с меня за это возьмёшь, старая ведьма? Ведь что-нибудь да тебе от меня нужно?

— Я не возьму с тебя ни полушки! — сказала ведьма. — Только принеси мне старое огниво, его позабыла там моя бабушка, когда спускалась в последний раз.

— Ну, обвяжывай меня верёвкой! — приказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот мой синий клетчатый передник!

Солдат влез на дерево, спустился в дупло и очутился, как сказала ведьма, в большой галерее, где горели сотни ламп.

Он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами, как чайные чашки, и таращилась на солдата.

— Вот так молодец! — сказал солдат, посадил пса на ведьмин передник и набрал полный карман медных денег, потом закрыл сундук, опять посадил на него собаку и отправился в другую комнату.

Ай-ай! Там сидела собака с глазами, как мельничные колёса!

— Чего на меня уставилась? Глаза заболят! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник. Увидев в сундуке огромные кучи серебра, он выбросил все медяки и набил оба кармана и ранец серебром. Затем солдат пошёл в третью комнату.

Фу-ты, пропасть! У этой собаки глаза были ни дать ни взять две Круглые башни и вертелись, точно колёса.

— Моё почтение! — сказал солдат и взял под козырек. Такой собаки он ещё не видывал.

Долго смотреть на неё он, впрочем, не стал, а взял да и посадил на передник и открыл сундук. Батюшки! Сколько тут было золота! Солдат выбросил из карманов и ранца серебряные монеты и так набил карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что еле-еле мог двигаться. Ну, наконец-то у него завелись денежки! Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

— Тащи меня, старая ведьма!

— Огниво взял? — спросила ведьма.

— Ах чёрт, чуть не забыл! — сказал солдат, вернулся и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх, и он опять очутился на дороге, только теперь и карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

— Зачем тебе это огниво? — спросил солдат.

— Не твоё дело! — ответила ведьма. — Получил деньги, и хватит с тебя! Ну, отдай огниво!

— Как бы не так! — сказал солдат. — Сейчас говори, зачем тебе оно, не то вытащу саблю да отрублю тебе голову.

— Не скажу! — упёрлась ведьма.

Солдат взял и отрубил ей голову. Ведьма повалилась мёртвая, а он завязал все деньги в её передник, взвалил узел на спину, сунул огниво в карман и зашагал прямо в город.

Это был прекрасный город; солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и потребовал все свои любимые блюда — ведь он стал богачом!

Слуга, который чистил приезжим обувь, удивился, что у такого богатого господина такие плохие сапоги, но солдат

ещё не успел обзавестись новыми. Зато на другой день он купил себе и хорошие сапоги, и богатое платье. Теперь солдат стал настоящим баринoм, и ему рассказали обо всех чудесах, какие были тут, в городе, и о короле, и о его престолной дочери, принцессе.

— Как бы её увидеть? — спросил солдат.

— Этого никак нельзя! — сказали ему. — Она живёт в огромном медном замке, за высокими стенами с башнями. Никто, кроме короля, не смеет ни войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, будто дочь его выйдет замуж за простого солдата, а короли этого не любят.

«Вот бы на неё поглядеть!» — подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь-то он зажил весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и раздавал деньги бедным.

Так он всё тратил да тратил своё золото, а вновь-то взять было неоткуда, и осталось у него в конце концов всего-навсего две денежки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей, самому чистить себе сапоги и даже латать их; никто из друзей больше не навещал его — уж очень высоко было к нему подниматься!

Раз как-то, вечером, сидел солдат в своей каморке; совсем уже стемнело, а у него не было денег даже на свечку; он и вспомнил про маленький огарочек в огниве, которое взял в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но стоило ему ударить

по кремню, как дверь распахнулась, и перед ним очутилась собака с глазами, точно чайные чашки, та самая, которую он видел в под-земелье.

— Что угодно, господин? — пролаяла она.

— Вот так история! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, прелюбопытная вещичка: я могу получить всё, что захочу! Эй ты, добудь мне деньжонок! — сказал он собаке.

Раз — её уж и след простыл, два — она опять тут как тут, а в зубах у неё большой кошель, набитый медью! Тут солдат понял, что за чуждое у него огниво. Ударишь по кремню раз — явится собака, которая сидела на сундуке с медными деньгами; ударишь два — явится та, которая сидела на серебре; ударишь три — прибегает собака, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты, стал ходить в щегольском платье, и все его друзья сейчас же снова узнали его и ужасно полюбили.

И однажды он подумал: «Как это глупо, что нельзя видеть принцессу. Такая красавица, говорят, а что толку? Ведь она век свой сидит в медном замке, за высокими стенами и башнями. Неужели мне так и не удастся поглядеть на неё хоть одним глазком? Ну-ка, где моё огниво?» И он ударил по кремню раз — в тот же миг перед ним стояла собака с глазами, точно чайные чашки.

— Теперь, правда, уже ночь, — сказал солдат. — Но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на одну минуточку!

Собака сейчас же за дверь, и не успел солдат опомниться, как она явилась с принцессой. Принцесса сидела у собаки на спине и спала. Она была чудо как хороша; всякий сразу бы увидел, что это настоящая принцесса, и солдат не утерпел и поцеловал её, — он ведь был настоящий солдат.

Собака отнесла принцессу назад, и за утренним чаем принцесса рассказала королю с королевой, какой она видела сегодня ночью удивительный сон про собаку и солдата: будто она ехала верхом на собаке, а солдат поцеловал её.

— Вот так история! — сказала королева.

И на следующую ночь к постели принцессы приставили старуху фрейлину — она должна была разузнать, был ли то в самом деле сон или что другое.

А солдату опять до смерти захотелось увидеть прелестную

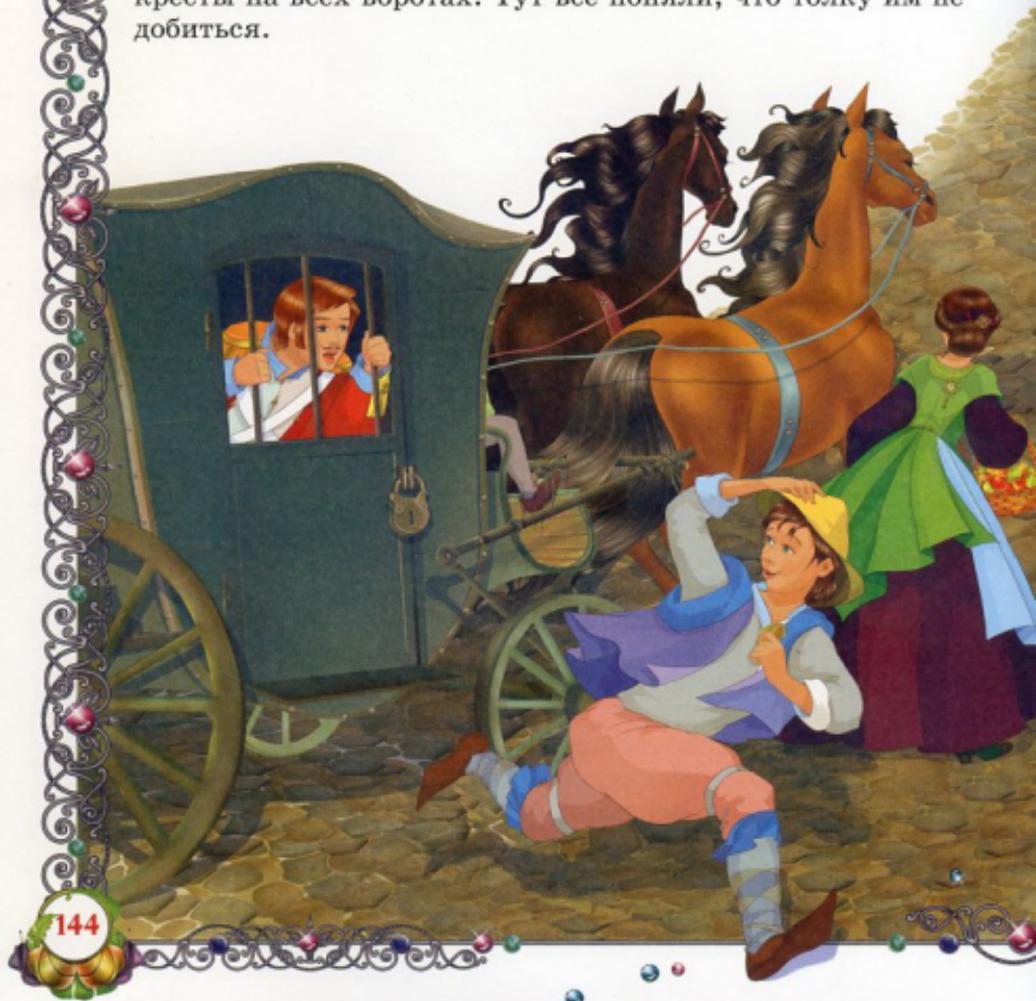
принцессу. И вот ночью опять явилась собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть, но старуха фрейлина надела непромокаемые сапоги и пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с принцессой в одном большом доме, фрейлина подумала: «Теперь я знаю, где их найти!» — взяла кусок мела, поставила на воротах дома крест и спокойно отправилась домой спать. Но собака, когда понесла принцессу назад, увидела этот крест, тоже взяла кусок мела и наставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла отыскать нужные ворота — повсюду белели кресты.

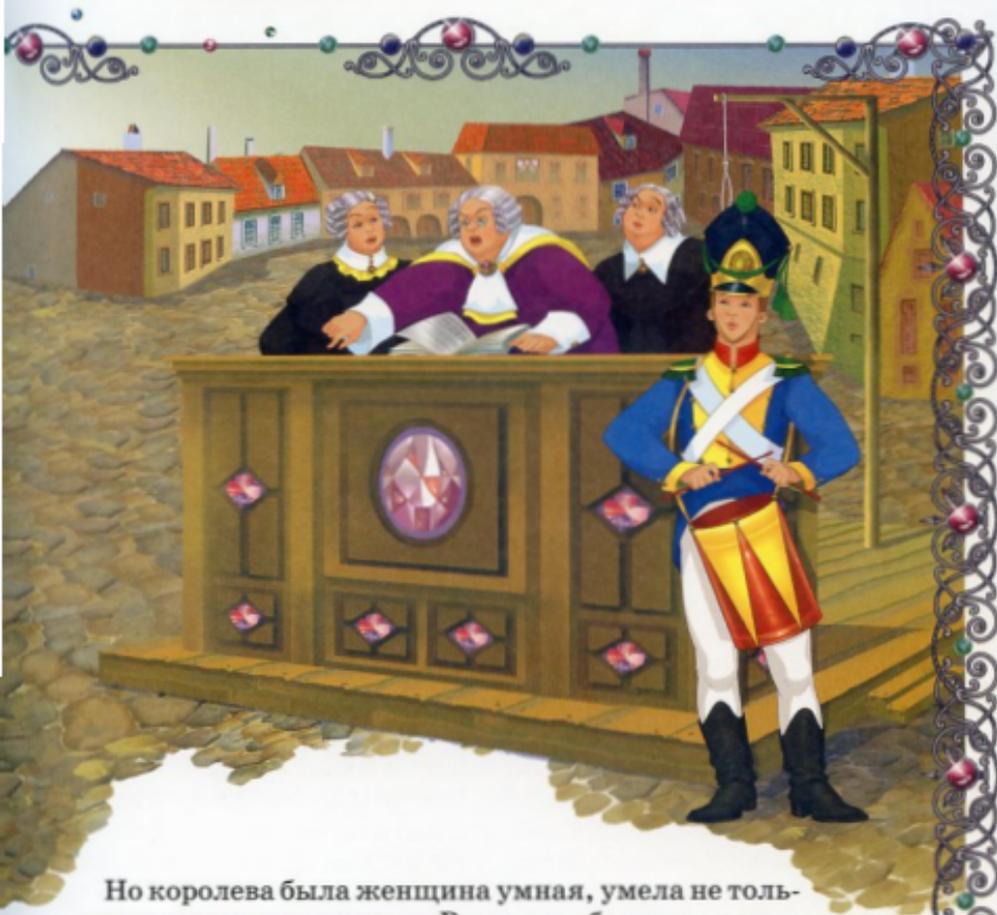
Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли посмотреть, куда это ездила принцесса ночью.

— Вот куда! — сказал король, увидев первые ворота с крестом.

— Нет, вот куда, муженёк! — возразила королева, заменив крест на других воротах.

— Да и здесь крест, и здесь! — зашумели другие, увидев кресты на всех воротах. Тут все поняли, что толку им не добиться.

Но королева была женщина умная, умела не только в каретах разъезжать. Взяла она большие золотые ножницы, изрезала на лоскутки целую штуку шёлковой материи, сшила крошечный хорошенький мешочек, насыпала в него мелкой гречневой крупы, привязала его на спину принцессе и потом прорезала в мешочке дырочку, чтобы крупа могла сыпаться на дорогу, по которой ездил принцесса.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу на спину и понесла к солдату; солдат так полюбил принцессу,

что даже готов был стать принцем, лишь бы ему жениться на ней.

Собака не заметила, что крупа сыпалась за нею по всей дороге, от самого дворца до окон солдата, куда она прыгнула с принцессой. Поутру король и королева сразу узнали, куда ездила принцесса, и солдата посадили в тюрьму.

Ух, до чего же там было темно и скучно! Засадили его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Невесело было услышать это, а огниво своё он позабыл дома, на постоялом дворе.

Утром солдат подошёл к маленькому окошку и стал глядеть сквозь железную решётку на улицу: народ толпами валил за город смотреть, как будут вешать солдата; били барабаны, проходили полки. Все спешили, бежали бегом. Бежал и мальчишка-сапожник в кожаном переднике. Он мчался вприпрыжку, и одна туфля слетела у него с ноги и ударилась прямо о стену, у которой стоял солдат и глядел в окошко.

— Эй ты, куда торопишься? — крикнул мальчику солдат. — Без меня ведь дело не обойдётся! А вот если сбегаешь туда, где я жил, за моим огнивом, получишь четыре монеты. Только живо!

Мальчишка был не прочь получить четыре монеты, он стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату и...

А вот теперь послушаем!

За городом построили огромную виселицу, вокруг стояли солдаты и сотни тысяч народу. Король и королева сидели на роскошном троне против судей и всего королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему собирались накинуть верёвку на шею, но он сказал, что, прежде чем казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его

желание. А ему бы очень хотелось выкурить трубочку — это ведь будет последняя его трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в этой просьбе, и солдат вытащил своё огниво. Ударил по кремню раз, два, три — и перед ним предстали все три собаки: собака с глазами, как чайные чашки, собака с глазами, как мельничные колеса, и собака с глазами, как Круглая башня.

— А ну, помогите мне избавиться от петли! — приказал солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: хватали кого за ноги, кого за нос да швыряли кверху на несколько сажень, и все падали и разбивались вдребезги!

— Не надо! — кричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их кверху вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ кричал:

— Служивый, будь нашим королём и возьми за себя прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету, и все три собаки танцевали перед ней и кричали «ура». Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и тарасили глаза.

A decorative heart-shaped wreath composed of golden-brown vines, green leaves, and various roses in shades of pink, orange, and yellow. Small pink pearls are scattered along the vines. A small brown bird is perched on a vine at the bottom right of the heart. The entire wreath is set against a bright yellow background with scattered pink dots.

Ханс Кристиан
Андерсен
СВИНОПАС

Жил-был бедный принц. Королевство у него было маленькое-премаленькое, но жениться всё-таки было можно, а жениться-то принцу хотелось.

Разумеется, с его стороны было несколько смело спросить дочь императора: «Пойдёшь за меня?» Впрочем, он носил славное имя и знал, что сотни принцесс с благодарностью ответили бы на его предложение согласием. Да вот, поди знай, что взбрѣдет в голову императорской дочке!

Послушаем же, как было дело.

На могиле у отца принца вырос розовый куст несказанной красоты; цвѣл он только раз в пять лет, и распускалась на нём всего одна-единственная роза. Зато она разливала такой сладкий аромат, что, впивая его, можно было забыть все свои горести и заботы. Ещё был у принца соловей, который пел так дивно, словно у него в горлышке были собраны все чудеснейшие мелодии, какие только есть на свете.

И роза и соловей предназначены были в дар принцессе; их положили в большие серебряные ларцы и отослали к ней.

Император велел принести ларцы прямо в большую залу, где принцесса играла со своими фрейлинами в гости; других занятий у неё не было. Увидав большие ларцы с подарками, принцесса захлопала от радости в ладоши.

— Ах, если бы тут была маленькая киска! — сказала она.

Но из ларца вынули прелестную розу.

— Ах, как это мило сделано! — сказали все фрейлины.

— Больше чем мило! — сказал император. — Это прямо-таки недурно!

Но принцесса потрогала розу и чуть не заплакала.

— Фи, папа! — сказала она. — Она не искусственная, а настоящая!

— Фи! — повторили все придворные. — Настоящая!

— Погодим сердиться! Посмотрим сначала, что в другом ларце! — возразил император.

И вот из ларца появился соловей и запел так чудесно, что нельзя было сейчас же найти какого-нибудь недостатка.

— *Superbe! Charmant!*¹ — сказали фрейлины; все они болтали по-французски, одна хуже другой.

— Как эта птичка напоминает мне органчик покойной императрицы! — сказал один старый придворный. — Да, тот же тон, та же манера!

— Да! — сказал император и заплакал, как ребёнок.

— Надеюсь, что птица не настоящая? — спросила принцесса.

— Настоящая! — ответили ей доставившие подарки послы.

— Так пусть она летит! — сказала принцесса и так и не позволила принцу явиться к ней самому.

¹ Бесподобно! Прелестно! (франц.)

Но принц не унывал: он вымазал себе всё лицо чёрной и бурой краской, нахлобучил шапку и постучался во дворец.

— Здравствуйте, император! — сказал он. — Не найдётся ли у вас для меня какого-нибудь местечка?

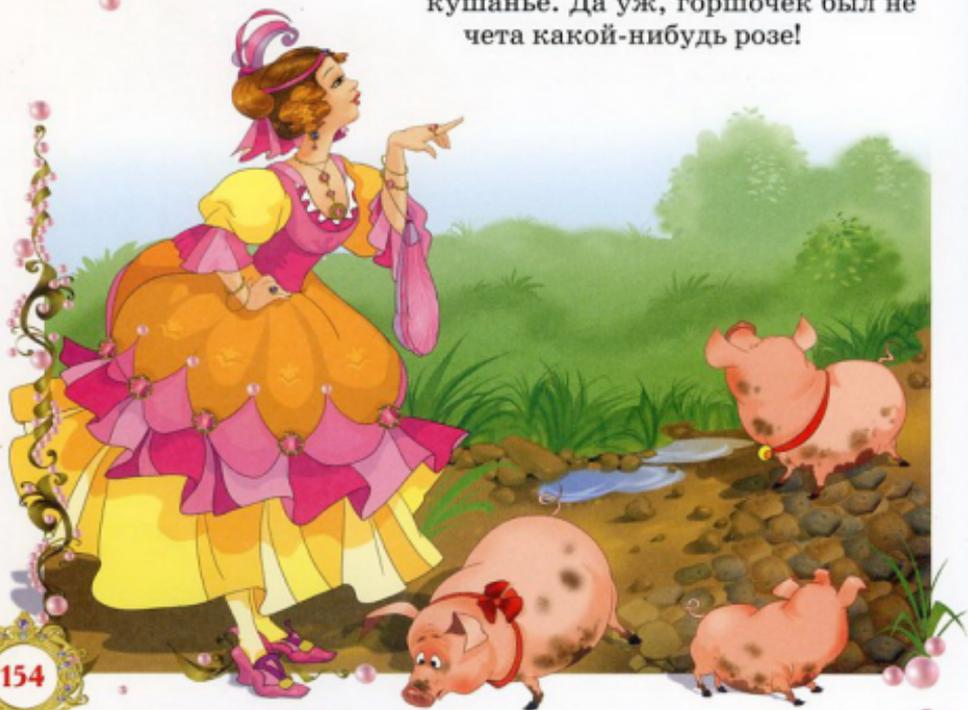
— Много вас тут ходит! — ответил император. — Впрочем, постой, мне нужен свинопас! У нас пропасть свиней!

И вот принца утвердили придворным свинопасом и отвели ему жалкую крошечную каморку рядом со свинными закусками. День-деньской просидел он за работой и к вечеру смастерил чудесный горшочек. Горшочек был увешан бубенчиками, и, когда в нём что-нибудь варили, бубенчики названивали старую песенку:

Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, прошло, прошло!

Занимательнее же всего было то, что, держа руку над подымавшимся из горшочка паром, можно было узнать, какое у кого в городе готовилось кушанье. Да уж, горшочек был не чета какой-нибудь розе!

Вот принцесса отправилась со своими фрейлинами на прогулку и вдруг услышала мелодичный звон бубенчиков. Она сразу же остановилась и вся просияла: она тоже умела наигрывать на фортепиано «Ах, мой милый Августин». Только эту мелодию она и наигрывала, зато одним пальцем.

— Ах, ведь и я это играю! — сказала она. — Так свинопас у нас образованный! Слушайте, пусть кто-нибудь из вас пойдёт и спросит у него, что стоит этот инструмент.

Одной из фрейлин пришлось надеть деревянные башмаки и пойти на задний двор.

— Что возьмёшь за горшочек? — спросила она.

— Десять принцессиных поцелуев! — отвечал свинопас.

— Как можно! — сказала фрейлина.

- А дешевле нельзя! — отвечал свинопас.
— Ну, что он сказал? — спросила принцесса.
— Право, и передать нельзя! — отвечала фрейлина. —
Это ужасно!
— Так шепни мне на ухо!
И фрейлина шепнула принцессе.
— Вот невежа! — сказала принцесса и пошла было,
но... бубенчики зазвенели так мило:

Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, прошло, прошло!

— Послушай! — сказала принцесса фрейлине. — Пойди спроси, не возьмёт ли он десять поцелуев моих фрейлин?

— Нет, спасибо! — ответил свинопас. — Десять поцелуев принцессы, или горшочек останется у меня.

— Как это скучно! — сказала принцесса. — Ну, придётся вам стать вокруг, чтобы никто нас не увидел!

Фрейлины обступили её, растопырили свои юбки; свинопас получил десять принцессиных поцелуев, а принцесса — горшочек. Вот была радость! Целый вечер и весь следующий день горшочек не сходил с очага, и в городе не осталось ни одной кухни, от камергерской до сапожниковой, о которой бы они не знали, что в ней стряпалось. Фрейлины прыгали и хлопали в ладоши.

— Мы знаем, у кого сегодня сладкий суп и блинчики! Мы знаем, у кого каша и свиные котлеты! Как интересно!

— Ещё бы! — подтвердила обер-гофмейстерина.

— Да, но держите язык за зубами, я ведь императорская дочка!

— Помилуйте! — сказали все.

А свинопас (то есть принц, но для них-то он был ведь свинопасом) даром времени не терял и смастерил трещотку; когда её начинали вертеть, раздавались звуки всех вальсов и полек, какие только есть на белом свете.

— Но это superbe! — сказала принцесса, проходя мимо. — Вот так попури! Лучше этого я ничего не слыхала! Послушайте, спросите, что он хочет за этот инструмент. Но целоваться я больше не стану!

— Он требует сто принцессиных поцелуев! — доложила фрейлина, побывав у свинопаса.

— Да что он, в уме? — сказала принцесса и пошла своей дорогой, но сделала два шага и остановилась.

— Надо поощрять искусство! — сказала она. — Я ведь императорская дочь! Скажите ему, что я дам ему по-вчерашнему десять поцелуев, а остальные пусть получит от моих фрейлин!

— Ну, нам это вовсе не по вкусу! — сказали фрейлины.

— Пустяки! — сказала принцесса. — Уж если я могу поцеловать его, то вы и подавно! Не забывайте, что я кормлю вас и плачу вам жалованье!

И фрейлине пришлось ещё раз отправиться к свинопасу.

— Сто принцессиных поцелуев! — повторил он. — А нет — каждый останется при своём.

— Становитесь вокруг! — скомандовала принцесса, и фрейлины обступили её, а свинопас принялся её целовать.

— Что это за сборище у свиных закуток? — спросил, выйдя на балкон, император, протёр глаза и надел очки. — Э, да это фрейлины опять что-то затеяли! Надо пойти посмотреть.

И он расправил задники своих домашних туфель. Туфлями служили ему стоптанные башмаки. Вы бы только взглядели, как он быстро зашлёпал в них!

Придя на задний двор, он потихоньку подкрался к фрейлинам, а те все были ужасно заняты счётом поцелуев, — надо же было следить за тем, чтобы расплата была честной и свинопас не получил ни больше, ни меньше, чем ему следовало. Никто поэтому не заметил императора, а он привстал на цыпочки.

— Это ещё что за штуки! — сказал он, увидав целующихся, и швырнул в них туфель как раз в ту минуту, когда свинопас получал от принцессы восемьдесят шестой поцелуй. — Вон! — закричал

рассерженный император и выгнал из своего государства и принцессу и свинопаса.

Принцесса стояла и плакала, свинопас бранился, а дождик так и лил на них.

— Ах, я несчастная! — плакала принцесса. — Что бы мне выйти за прекрасного принца! — Ах, какая я несчастная!

А свинопас зашёл за дерево, стёр с лица чёрную и бурую краску, сбросил грязную одежду и явился перед ней во всём своём королевском величии и красе, и так он был хорош собой, что принцесса сделала реверанс.

— Теперь я только презираю тебя! — сказал он. — Ты не захотела выйти за честного принца! Ты не оценила соловья и розу, а свинопаса целовала а игрушки! Поделом же тебе!

И он ушёл к себе в королевство, крепко захлопнув за собой дверь. А ей оставалось только стоять да петь:

Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, прошло, прошло!

Ханс Кристиан
Андерсен

**ПРИНЦЕССА
НА ГОРОШИНЕ**

Жил-был принц, и хотелось ему взять за себя принцессу, но только настоящую. Вот он и объездил весь свет, а такой что-то не находилось. Принцесс-то — хоть отбавляй, да вот настоящие ли они? До этого он никак добраться не мог; так и вернулся домой ни с чем и загоревал — уж очень ему хотелось найти настоящую принцессу.

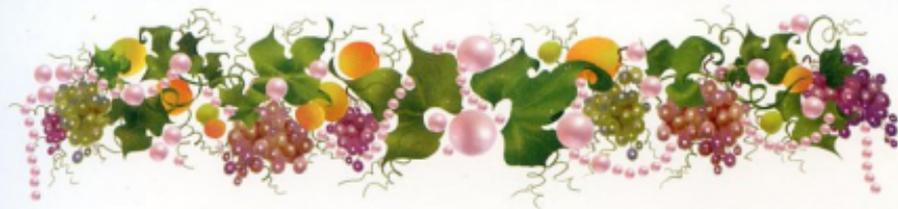
Раз вечером разыгралась непогода: молния так и сверкала, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!

Вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошёл отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с её волос и платья прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она всё-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

«Ну, уж это мы узнаем!» — подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в спальню. Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски

горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а ещё сверху двадцать пуховиков.

На эту постель и уложили принцессу на ночь.

Утром её спросили, как она почивала.

— Ах, очень дурно! — сказала принцесса. — Я почти глаз не сомкнула! Бог знает, что у меня была за постель! Я лежала на чём-то таком твёрдом, что у меня всё тело теперь в синяках! Просто беда!

Тут-то все и увидали, что она была настоящею принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и пуховиков — такую деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней. Теперь он знал, что берёт за себя настоящую принцессу! А горошину отправили в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто её не украл.

Вот история так история!

A decorative wreath of flowers and butterflies on a blue background. The wreath is composed of various flowers, including yellow and red ones, and several butterflies with colorful wings. The wreath is set against a light blue background with scattered small, colorful diamonds and pearls.

ЗЛАТОВЛАСКА

Чешская сказка

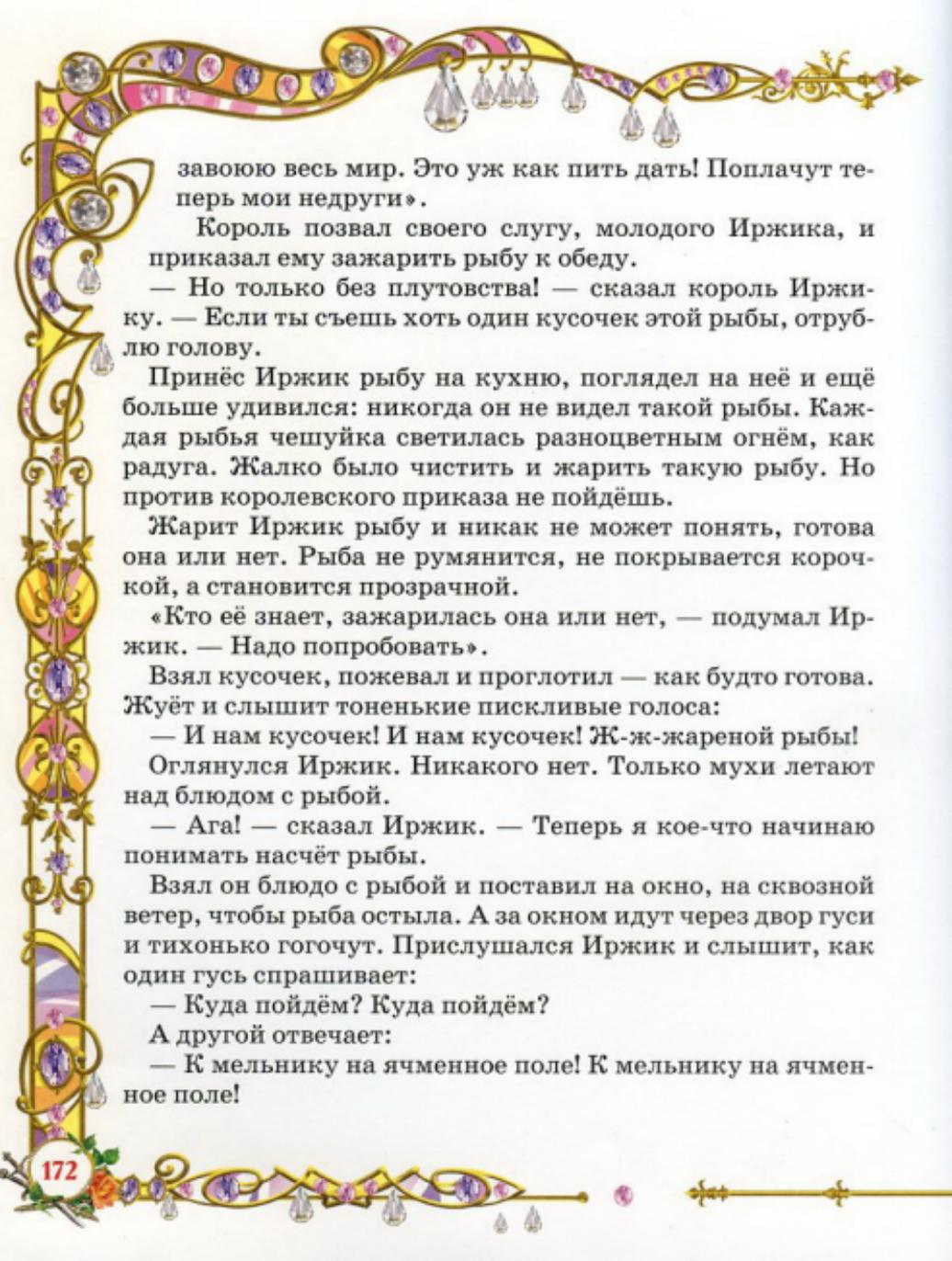
В одной стране — забыл я её название — был королём злой и сварливый старик. Пришла однажды к нему во дворец торговка, принесла в корзине свежую рыбу и говорит: — Купи у меня эту рыбу, король. Жалеть не будешь.

Король покосился на рыбу:

— Не видел я ещё такой рыбы в своём королевстве. Ядовитая, что ли?

— Что ты! — испугалась торговка. — Прикажи эту рыбу зажарить, съешь её — и ты сразу начнёшь понимать разговор всех зверей, рыб и птиц. Даже самый малый жучок что-нибудь пропищит, а ты уже будешь знать, чего он хочет. Станешь самым умным королём на земле.

Королю это понравилось. Он купил у торговки рыбу и, хотя был скупой и жадный, даже не торговался и заплатил, сколько она запросила. «Вот теперь, — подумал король и потёр костлявые руки, — буду я самым умным на свете и

завоюю весь мир. Это уж как пить дать! Поплачут теперь мои недруги».

Король позвал своего слугу, молодого Иржика, и приказал ему зажарить рыбу к обеду.

— Но только без плутовства! — сказал король Иржику. — Если ты съешь хоть один кусочек этой рыбы, отрублю голову.

Принёс Иржик рыбу на кухню, поглядел на неё и ещё больше удивился: никогда он не видел такой рыбы. Каждая рыбья чешуйка светилась разноцветным огнём, как радуга. Жалко было чистить и жарить такую рыбу. Но против королевского приказа не пойдёшь.

Жарит Иржик рыбу и никак не может понять, готова она или нет. Рыба не румянится, не покрывается корочкой, а становится прозрачной.

«Кто её знает, зажарилась она или нет, — подумал Иржик. — Надо попробовать».

Взял кусочек, пожевал и проглотил — как будто готова. Жуёт и слышит тоненькие пискливые голоса:

— И нам кусочек! И нам кусочек! Ж-ж-жареной рыбы!

Оглянулся Иржик. Никакого нет. Только мухи летают над блюдом с рыбой.

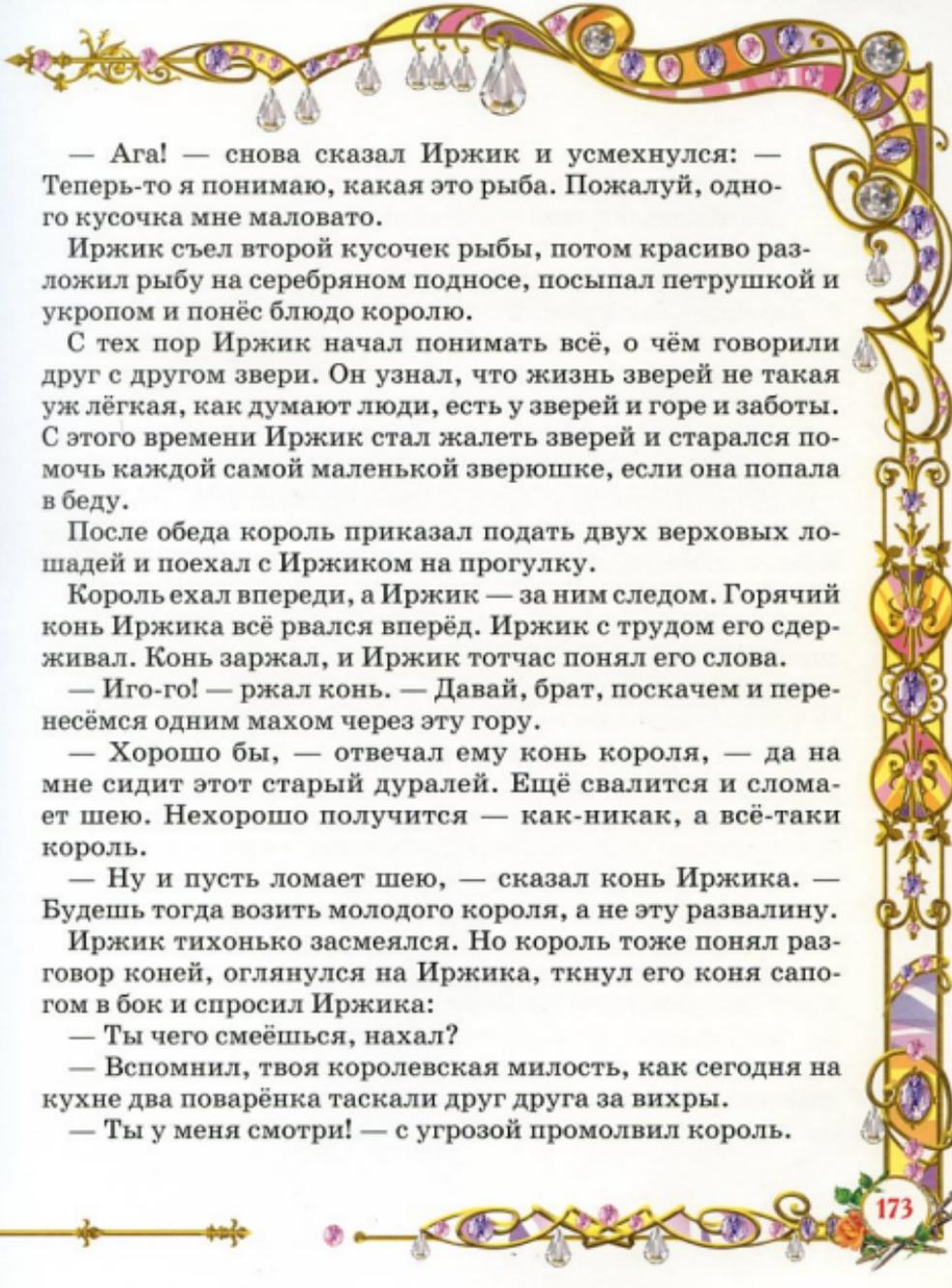
— Ага! — сказал Иржик. — Теперь я кое-что начинаю понимать насчёт рыбы.

Взял он блюдо с рыбой и поставил на окно, на сквозной ветер, чтобы рыба остыла. А за окном идут через двор гуси и тихонько гогочут. Прислушался Иржик и слышит, как один гусь спрашивает:

— Куда пойдём? Куда пойдём?

А другой отвечает:

— К мельнику на ячменное поле! К мельнику на ячменное поле!

— Ага! — снова сказал Иржик и усмехнулся: — Теперь-то я понимаю, какая это рыба. Пожалуй, одного кусочка мне маловато.

Иржик съел второй кусочек рыбы, потом красиво разложил рыбу на серебряном подносе, посыпал петрушкой и укропом и понёс блюдо королю.

С тех пор Иржик начал понимать всё, о чём говорили друг с другом звери. Он узнал, что жизнь зверей не такая уж лёгкая, как думают люди, есть у зверей и горе и заботы. С этого времени Иржик стал жалеть зверей и старался помочь каждой самой маленькой зверюшке, если она попала в беду.

После обеда король приказал подать двух верховых лошадей и поехал с Иржигом на прогулку.

Король ехал впереди, а Иржик — за ним следом. Горячий конь Иржика всё рвался вперёд. Иржик с трудом его сдерживал. Конь заржал, и Иржик тотчас понял его слова.

— Иго-го! — ржал конь. — Давай, брат, поскачем и перенесёмся одним махом через эту гору.

— Хорошо бы, — отвечал ему конь короля, — да на мне сидит этот старый дуралей. Ещё свалится и сломает шею. Нехорошо получится — как-никак, а всё-таки король.

— Ну и пусть ломает шею, — сказал конь Иржика. — Будешь тогда возить молодого короля, а не эту развалину.

Иржик тихонько засмеялся. Но король тоже понял разговор коней, оглянулся на Иржика, ткнул его коня сапогом в бок и спросил Иржика:

— Ты чего смеёшься, нахал?

— Вспомнил, твоя королевская милость, как сегодня на кухне два поварёнка таскали друг друга за вихры.

— Ты у меня смотри! — с угрозой промолвил король.

Он, конечно, не поверил Иржику, сердито повернул коня и поскакал к себе во дворец. Во дворце он приказал Иржику налить себе стакан вина.

— Но смотри, если недольёшь или перельёшь — прикажу отрубить голову!

Иржик взял кувшин с вином и начал осторожно лить вино в тяжёлый стакан. А в это время влетели в открытое окно два воробья. Летают по комнате и на лету дерутся. Один воробей держит в клюве три золотых волоса, а другой старается их отнять.

— Отдай! Отдай! Они мои! Вор!

— Не дам! Я их подхватил, когда красавица расчёсывала золотые косы. Таких волос нет ни у кого на свете. Не дам! За кого она выйдет замуж, тот будет самым счастливым.

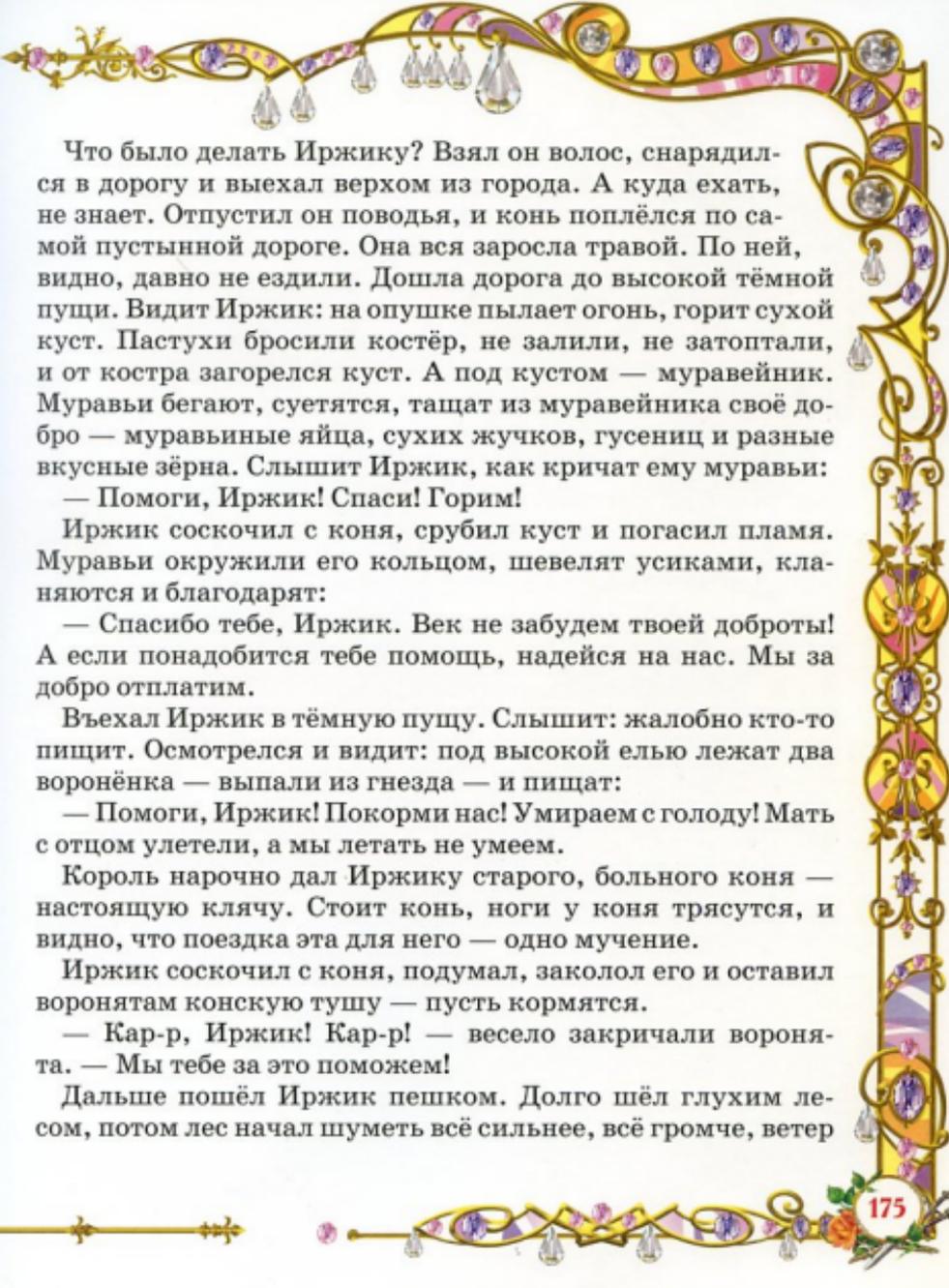
— Отдай! Бей вора!

Воробьи взъерошились и, схватившись, вылетели за окно. Но один золотой волос выпал из клюва, упал на каменный пол и зазвенел, как колокольчик. Иржик оглянулся и... пролил вино.

— Ага! — крикнул король. — Теперь прощайся с жизнью, Иржик!

Король обрадовался, что Иржик пролил вино и можно будет от него отделаться. Король один хотел быть самым умным на свете. Кто знает, может быть, этот молодой и весёлый слуга ухитрился попробовать жареной рыбы. Тогда он будет опасным соперником для короля. Но тут королю пришла в голову удачная мысль. Он поднял с полу золотой волос, протянул его Иржику и сказал:

— Так и быть. Я тебя, пожалуй, помилую, если ты найдёшь девушку, что потеряла этот золотой волос, и приведёшь её мне в жёны. Бери этот волос и отправляйся. Ищи!

Что было делать Иржику? Взял он волос, снарядился в дорогу и выехал верхом из города. А куда ехать, не знает. Отпустил он поводья, и конь поплёлся по самой пустынной дороге. Она вся заросла травой. По ней, видно, давно не ездили. Дошла дорога до высокой тёмной пущи. Видит Иржик: на опушке пылает огонь, горит сухой куст. Пастухи бросили костёр, не залили, не затоптали, и от костра загорелся куст. А под кустом — муравейник. Муравьи бегают, суетятся, тащат из муравейника своё добро — муравьиные яйца, сухих жучков, гусениц и разные вкусные зёрна. Слышит Иржик, как кричат ему муравьи:

— Помоги, Иржик! Спаси! Горим!

Иржик соскочил с коня, срубил куст и погасил пламя. Муравьи окружили его кольцом, шевелят усиками, кланяются и благодарят:

— Спасибо тебе, Иржик. Век не забудем твоей доброты! А если понадобится тебе помощь, надейся на нас. Мы за добро отплатим.

Въехал Иржик в тёмную пущу. Слышит: жалобно кто-то пищит. Осмотрелся и видит: под высокой елью лежат два воронёнка — выпали из гнезда — и пищат:

— Помоги, Иржик! Покорми нас! Умираем с голоду! Мать с отцом улетели, а мы летать не умеем.

Король нарочно дал Иржику старого, больного коня — настоящую клячу. Стоит конь, ноги у коня трясутся, и видно, что поездка эта для него — одно мучение.

Иржик соскочил с коня, подумал, заколол его и оставил вороньям конскую тушу — пусть кормятся.

— Кар-р, Иржик! Кар-р! — весело закричали воронята. — Мы тебе за это поможем!

Дальше пошёл Иржик пешком. Долго шёл глухим лесом, потом лес начал шуметь всё сильнее, всё громче, ветер

гнул уже вершины деревьев. А потом к шуму вершин прибавился плеск волн, и Иржик вышел к морю. На песчаном берегу спорили два рыбака. Одному попалась в сеть золотая рыба, а другой требовал эту рыбу себе.

— Моя сеть, — кричал один рыбак, — моя и рыба!

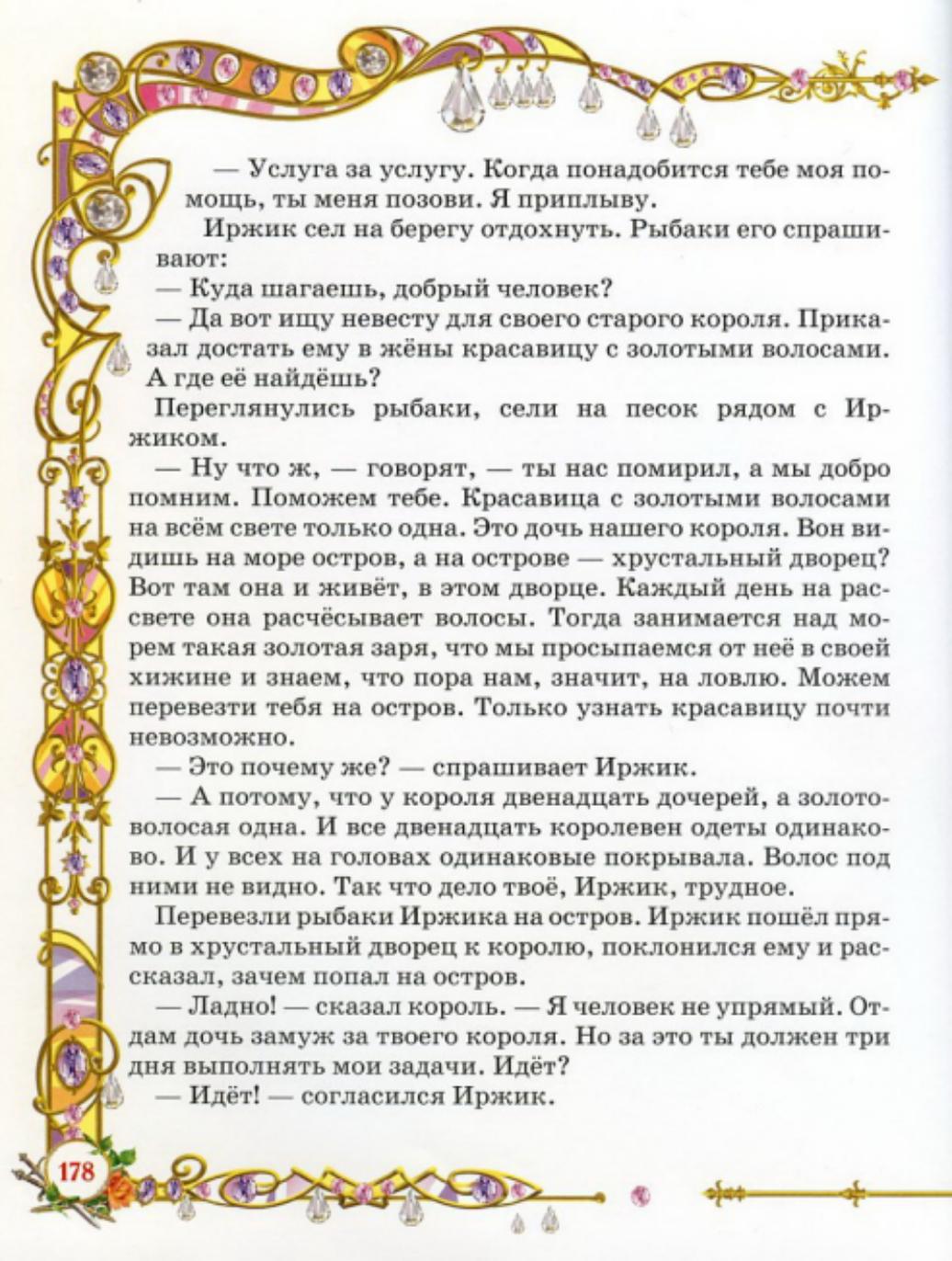
— А лодка чья? — отвечал другой рыбак. — Без моей лодки ты бы сеть не закинул!

Рыбаки кричали всё сильнее, потом засучили рукава, и дело кончилось бы дракой, если бы не вмешался Иржик.

— Бросьте шуметь! — сказал он. — Продайте мне эту рыбу, а деньги поделите между собой. И дело с концом.

Иржик отдал рыбакам все деньги, что получил от короля на дорогу, взял золотую рыбу и бросил в море. Рыба вильнула хвостом, высунула голову из воды и говорит:

— Услуга за услугу. Когда понадобится тебе моя помощь, ты меня позови. Я приплыву.

Иржик сел на берегу отдохнуть. Рыбаки его спрашивают:

— Куда шагаешь, добрый человек?

— Да вот ищу невесту для своего старого короля. Приказал достать ему в жёны красавицу с золотыми волосами. А где её найдёшь?

Переглянулись рыбаки, сели на песок рядом с Иржиком.

— Ну что ж, — говорят, — ты нас помирил, а мы добро помним. Поможем тебе. Красавица с золотыми волосами на всём свете только одна. Это дочь нашего короля. Вон видишь на море остров, а на острове — хрустальный дворец? Вот там она и живёт, в этом дворце. Каждый день на рассвете она расчёсывает волосы. Тогда занимается над морем такая золотая заря, что мы просыпаемся от неё в своей хижине и знаем, что пора нам, значит, на ловлю. Можем перевезти тебя на остров. Только узнать красавицу почти невозможно.

— Это почему же? — спрашивает Иржик.

— А потому, что у короля двенадцать дочерей, а золотоволосая одна. И все двенадцать королевен одеты одинаково. И у всех на головах одинаковые покрывала. Волос под ними не видно. Так что дело твоё, Иржик, трудное.

Перевезли рыбаки Иржика на остров. Иржик пошёл прямо в хрустальный дворец к королю, поклонился ему и рассказал, зачем попал на остров.

— Ладно! — сказал король. — Я человек не упрямый. Отдам дочь замуж за твоего короля. Но за это ты должен три дня выполнять мои задачи. Идёт?

— Идёт! — согласился Иржик.

— Пойди поспи с дороги. Отдохни. Мои задачи замысловатые. Их с ходу не решишь.

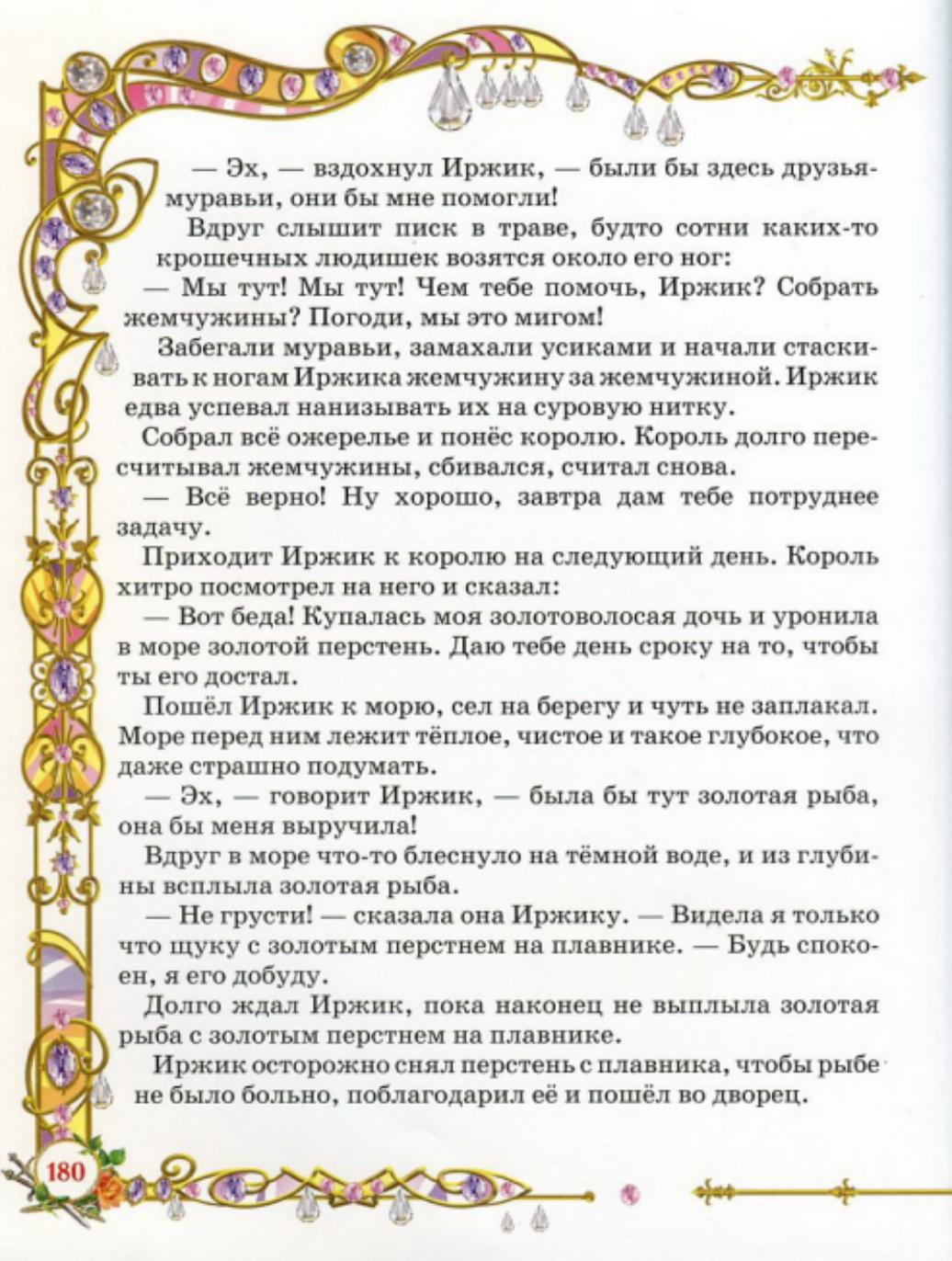
Хорошо спалось Иржику! В окна дул всю ночь морской ветер, шумел прибой, а изредка даже залетали на постель мелкие брызги.

Встал утром Иржик, пришёл к королю. Король подумал и говорит:

— Вот тебе первая задача. Носила моя золотоволосая дочь на шее ожерелье из жемчуга. Оборвалась нитка, и все жемчужины рассыпались в густой траве. Собери их все до единой.

Пошёл Иржик на лужайку, где королева рассыпала жемчуг. Трава стоит по пояс, и такая густая, что земли под ней не видно.

— Эх, — вздохнул Иржик, — были бы здесь друзья-муравьи, они бы мне помогли!

Вдруг слышит писк в траве, будто сотни каких-то крошечных людишек возятся около его ног:

— Мы тут! Мы тут! Чем тебе помочь, Иржик? Собрать жемчужины? погоди, мы это мигом!

Забегали муравьи, замахали усиками и начали стаскивать к ногам Иржика жемчужину за жемчужиной. Иржик едва успевал нанизывать их на суровую нитку.

Собрал всё ожерелье и понёс королю. Король долго пересчитывал жемчужины, сбивался, считал снова.

— Всё верно! Ну хорошо, завтра дам тебе потруднее задачу.

Приходит Иржик к королю на следующий день. Король хитро посмотрел на него и сказал:

— Вот беда! Купалась моя золотоволосая дочь и уронила в море золотой перстень. Даю тебе день срока на то, чтобы ты его достал.

Пошёл Иржик к морю, сел на берегу и чуть не заплакал. Море перед ним лежит тёплое, чистое и такое глубокое, что даже страшно подумать.

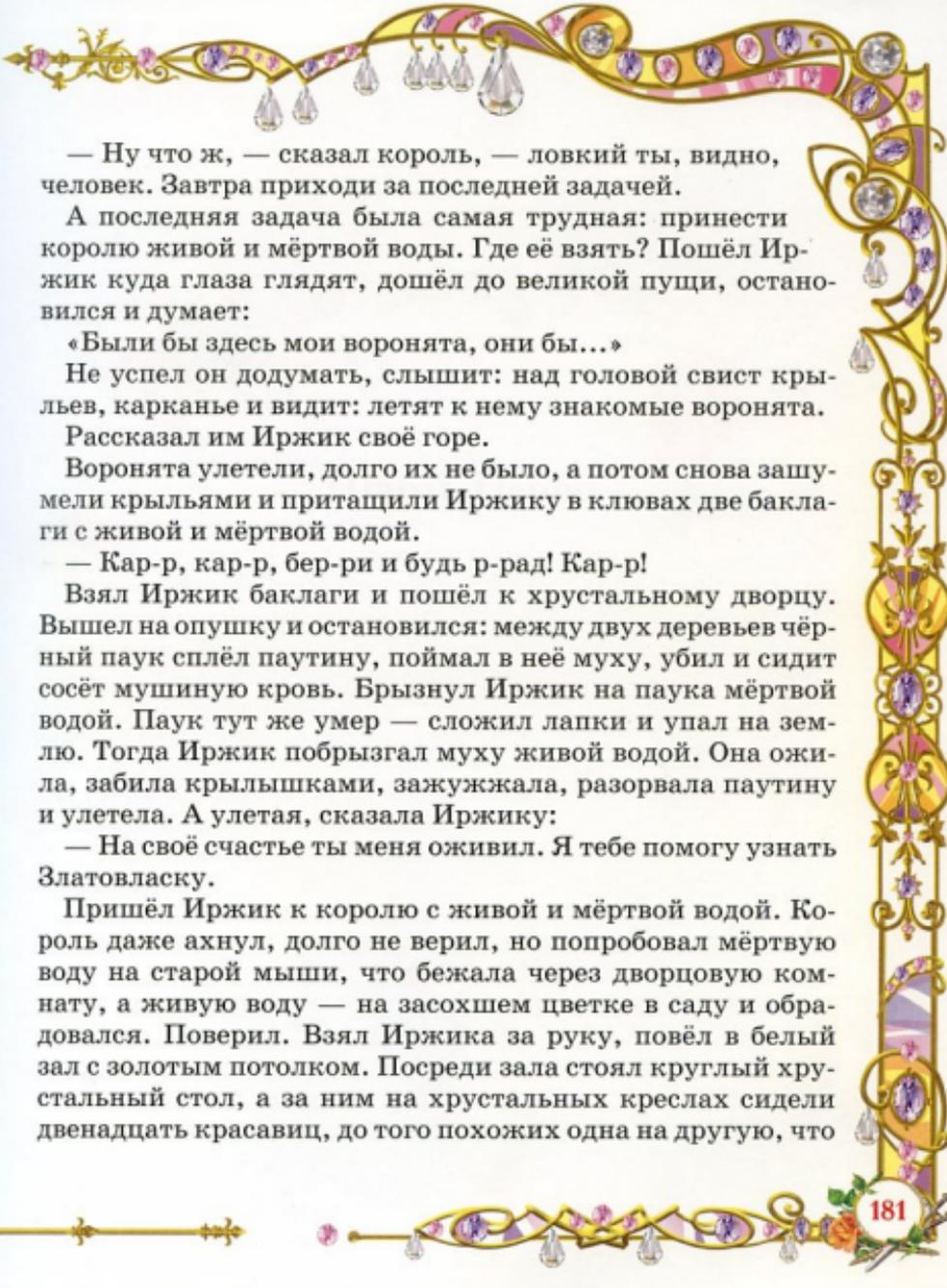
— Эх, — говорит Иржик, — была бы тут золотая рыба, она бы меня выручила!

Вдруг в море что-то блеснуло на тёмной воде, и из глубины всплыла золотая рыба.

— Не грусти! — сказала она Иржику. — Видела я только что щуку с золотым перстнем на плавнике. — Будь спокоен, я его добуду.

Долго ждал Иржик, пока наконец не всплыла золотая рыба с золотым перстнем на плавнике.

Иржик осторожно снял перстень с плавника, чтобы рыбе не было больно, поблагодарил её и пошёл во дворец.

— Ну что ж, — сказал король, — ловкий ты, видно, человек. Завтра приходи за последней задачей.

А последняя задача была самая трудная: принести королю живой и мёртвой воды. Где её взять? Пошёл Иржик куда глаза глядят, дошёл до великой пущи, остановился и думает:

«Были бы здесь мои воронята, они бы...»

Не успел он додумать, слышит: над головой свист крыльев, карканье и видит: летят к нему знакомые воронята. Рассказал им Иржик своё горе.

Воронята улетели, долго их не было, а потом снова зашумели крыльями и притащили Иржику в клювах две баклаги с живой и мёртвой водой.

— Кар-р, кар-р, бер-ри и будь р-рад! Кар-р!

Взял Иржик баклаги и пошёл к хрустальному дворцу. Вышел на опушку и остановился: между двух деревьев чёрный паук сплёл паутину, поймал в неё муху, убил и сидит сосёт мушиную кровь. Брызнул Иржик на паука мёртвой водой. Паук тут же умер — сложил лапки и упал на землю. Тогда Иржик побрызгал муху живой водой. Она ожила, забила крылышками, зажужжала, разорвала паутину и улетела. А улетая, сказала Иржику:

— На своё счастье ты меня оживил. Я тебе помогу узнать Златовласку.

Пришёл Иржик к королю с живой и мёртвой водой. Король даже ахнул, долго не верил, но попробовал мёртвую воду на старой мыши, что бежала через дворцовую комнату, а живую воду — на засохшем цветке в саду и обрадовался. Поверил. Взял Иржика за руку, повёл в белый зал с золотым потолком. Посреди зала стоял круглый хрустальный стол, а за ним на хрустальных креслах сидели двенадцать красавиц, до того похожих одна на другую, что

Иржик только махнул рукой и опустил глаза — как тут узнать, которая из них Златовласка! На всех одинаковые длинные платья, а на головах — одинаковые белые покрывала. Из-под них не видно ни волоска.

— Ну, выбирай, — говорит король. — Угадаешь — твоё счастье! А нет — уйдёшь отсюда один, как пришёл.

Иржик поднял глаза и вдруг слышит — жужжит что-то у самого уха.

— Ж-ж-и-и, иди вокруг стола. Я тебе подскаж-жу.

Взглянул Иржик: летает над ним маленькая муха. Иржик медленно пошёл вокруг стола, а королевны сидят, потупились. И у всех одинаково щёки зарделись. А муха жужжит и жужжит:

— Не та! Не та! Не та! А вот эта — она, золотоволосая!

Иржик остановился, прикинулся, будто ещё сомневается, потом сказал:

— Вот золотоволосая королевна!

— Твоё счастье! — крикнул король.

Королевна быстро вышла из-за стола, сбросила белое покрывало, и золотые волосы рассыпались у неё по плечам. И сразу же весь зал заиграл таким блеском от этих волос, что казалось, солнце отдало весь свой свет волосам королевны.

Королевна взглянула в упор на Иржика и отвела глаза: такого красивого и статного юноши она не видела ни разу. Сердце у королевны тяжело билось, но отцовское слово — закон. Придётся ей идти замуж за старого, злого короля!

Повёз Иржик невесту своему господину. Всю дорогу берёг её, следил, чтобы не спотыкался её конь, чтобы холодная капля дождя не упала на её плечи. Грустное это было возвращение. Потому что и Иржик полюбил золотоволосую королевну, но не мог ей об этом сказать.

Старый, сварливый король захихикал от радости, когда увидел красавицу, и приказал быстро готовить свадьбу. А Иржику сказал:

— Хотел я тебя повесить на сухом суку заслушание, чтобы труп твой склевали вороны. Но за то, что ты нашёл мне невесту, объявляю тебе королевскую милость. Вешать я тебя не буду, а прикажу отрубить голову и похоронить с честью.

Наутро отрубили Иржику голову на плахе. Зарыдала золотоволосая красавица и попросила короля отдать ей безглавое тело и голову Иржика. Король насупился, но не решился отказать невесте.

Златовласка приложила голову к телу, побрызгала живой водой — голова приросла, даже следа не осталось. Побрызгала она Иржика второй раз — и он вскочил живой, молодой и ещё более красивый, чем был до казни. И спросил Златовласку:

— Почему я так крепко уснул?

— Ты бы уснул навсегда, — ответила ему Златовласка, — если бы я не спасла тебя, милый.

Король увидел Иржика и остолбенел: как это он ожил, да ещё стал таким красивым! Король был хитрый старик и тут же решил извлечь из этого случая выгоду. Позвал палача и приказал:

— Отруби мне голову! А потом пусть Златовласка побрызжет на меня чудесной водой. И я оживу молодым и красивым.

Палач с охотой отрубил голову старому королю. А воскресить его не удалось. Зря только вылили на него всю живую воду. Должно быть, было в короле столько злости, что никакой живой водой не поможешь. Похоронили короля без слёз, под барабанный бой. А так как стране нужен был умный и добрый правитель, то и выбрал народ правителем Иржика — недаром он был самым мудрым человеком на свете. А Златовласка стала женой Иржика, и они прожили долгую и счастливую жизнь.

Так и окончилась эта сказка о том, как звери отплатили добром за добро и как король потерял голову.

**ЧАЙЛД
РОЛАНД**

Английская сказка

Три принца вечером в саду
Играли в мяч. Да на беду,
К ним вышла Элен, их сестра.
«Лови!» — ей крикнул младший принц,
Но мяч за церковь улетел,
За ним принцесса Элен вслед.
Проходит час, потом другой.
Ночь на дворе. Принцессы нет.

«Иду её искать!» — Чайлд Роланд говорит.
С ним братья. Ногу в стремя, конь хрипит.
Сил не жалея,
Поскакали во все концы земли.

Но год прошёл, и два прошли —
Принцессы так и не нашли.

И тогда старший брат отправился к знаменитому волшебнику Мёрлину, рассказал ему обо всём, что случилось, и спросил, не знает ли он, где леди Эллен.

— Прекрасную леди Эллен, наверное, унесли феи, — ответил Мёрлин. — Ведь она нарушила священный обычай — обошла церковь против солнца! И теперь она в Тёмной Башне короля эльфов. Только самый храбрый из рыцарей может освободить её.

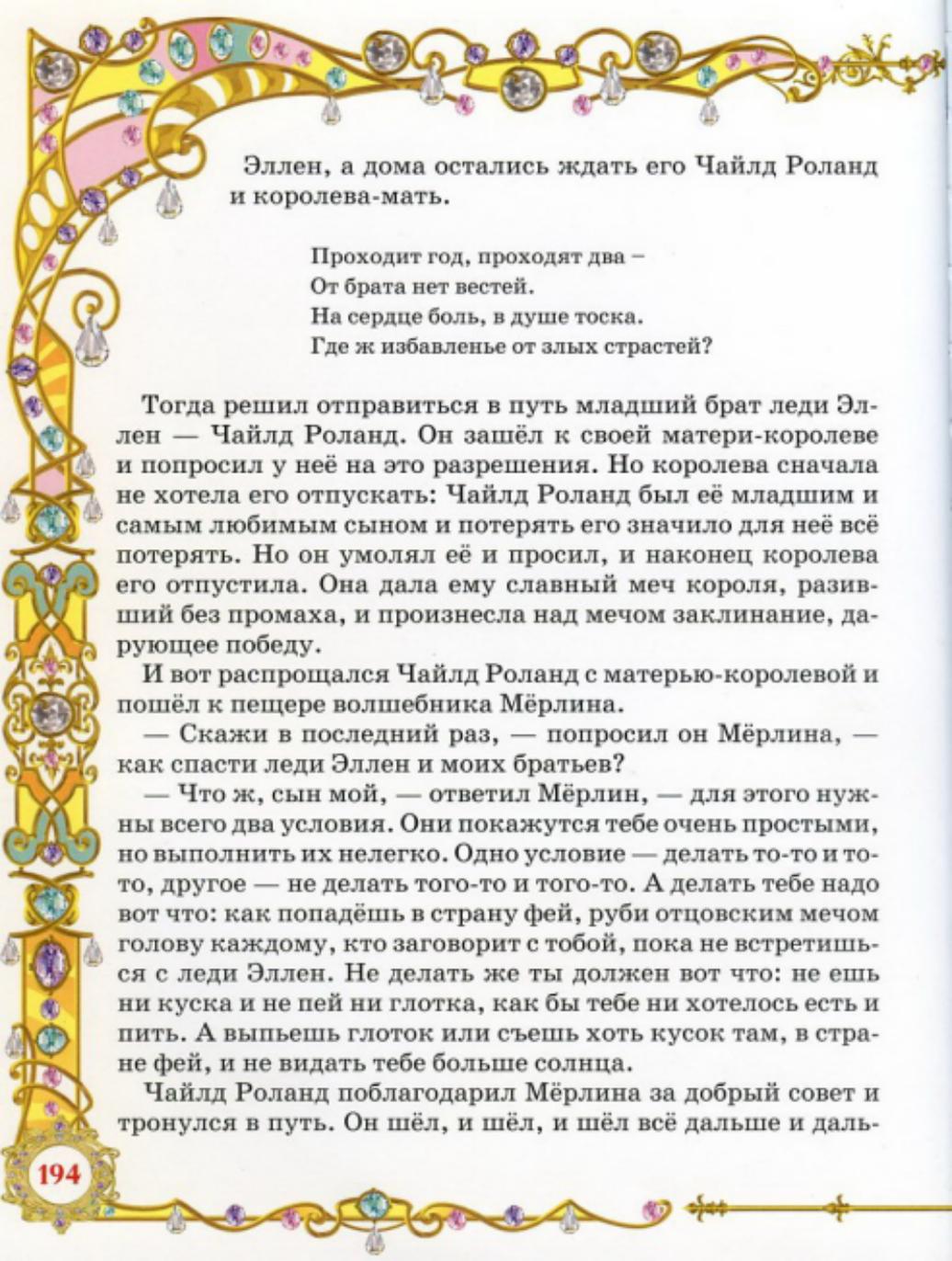
— Я освобожу её или погибну! — сказал старший брат.

— Что ж, попытай счастья, — ответил волшебник. — Только горе тому, кто отважится на это без доброго совета!

Но старшего брата не испугала угроза. Он всё равно решил отыскать сестру и попросил волшебника помочь ему. Мёрлин научил юношу, что ему следует делать в дороге, а чего не следует. И старший брат леди Эллен отправился в страну фей, а двое младших и королева-мать остались ждать его дома.

Проходит год, проходят два —
От брата нет вестей.
На сердце боль, в душе тоска.
Где ж избавленье от злых страстей?

Тогда к волшебнику Мёрлину пошёл средний брат. И Мёрлин повторил ему всё, что говорил старшему. И вот средний брат тоже отправился на поиски леди

Эллен, а дома остались ждать его Чайлд Роланд и королева-мать.

Проходит год, проходят два —
От брата нет вестей.
На сердце боль, в душе тоска.
Где ж избавленье от злых страстей?

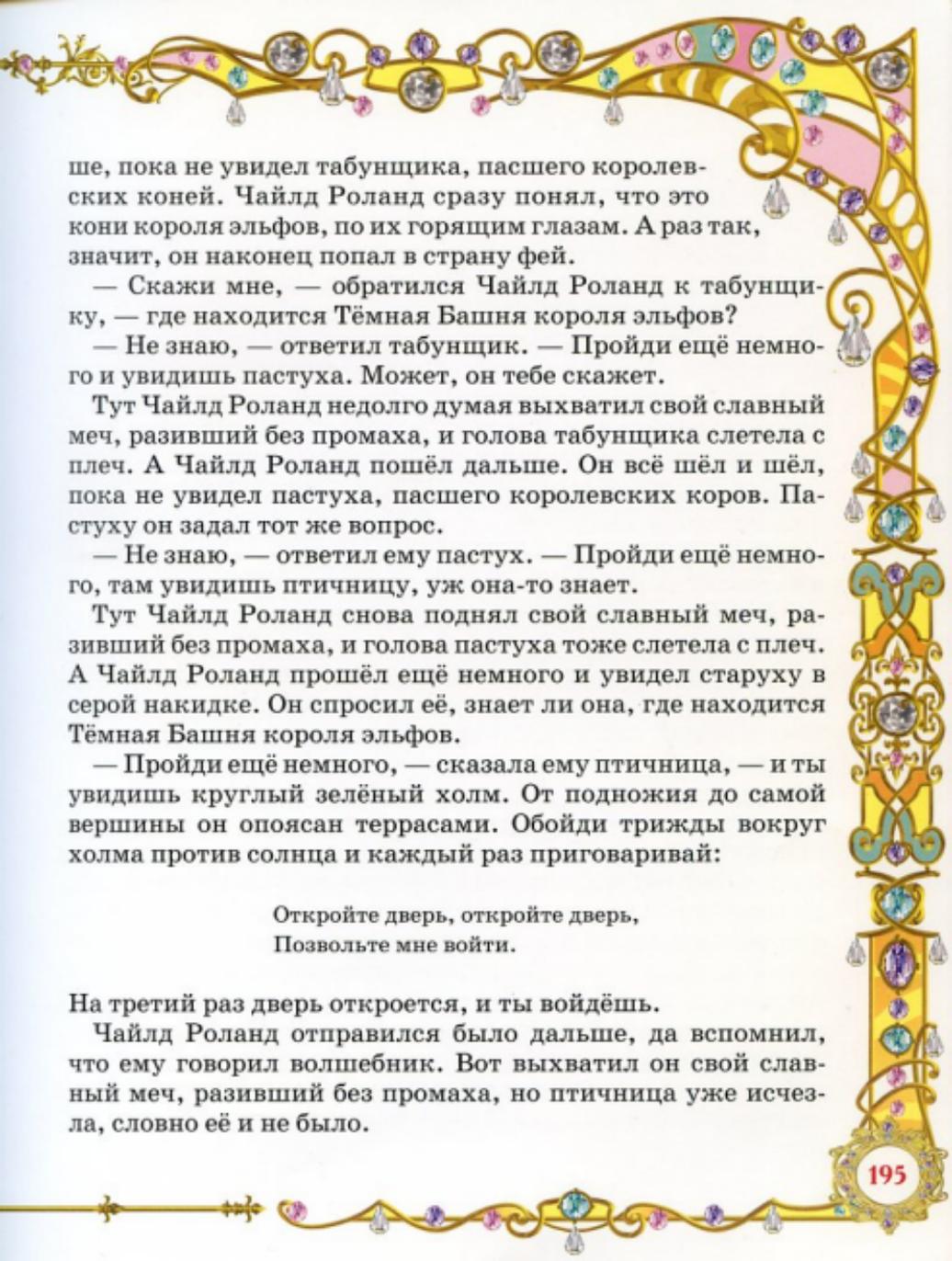
Тогда решил отправиться в путь младший брат леди Эллен — Чайлд Роланд. Он зашёл к своей матери-королеве и попросил у неё на это разрешения. Но королева сначала не хотела его отпускать: Чайлд Роланд был её младшим и самым любимым сыном и потерять его значило для неё всё потерять. Но он умолял её и просил, и наконец королева его отпустила. Она дала ему славный меч короля, разивший без промаха, и произнесла над мечом заклинание, дарующее победу.

И вот распрощался Чайлд Роланд с матерью-королевой и пошёл к пещере волшебника Мёрлина.

— Скажи в последний раз, — попросил он Мёрлина, — как спасти леди Эллен и моих братьев?

— Что ж, сын мой, — ответил Мёрлин, — для этого нужны всего два условия. Они покажутся тебе очень простыми, но выполнить их нелегко. Одно условие — делать то-то и то-то, другое — не делать того-то и того-то. А делать тебе надо вот что: как попадёшь в страну фей, руби отцовским мечом голову каждому, кто заговорит с тобой, пока не встретишься с леди Эллен. Не делать же ты должен вот что: не ешь ни куска и не пей ни глотка, как бы тебе ни хотелось есть и пить. А выпьешь глоток или съешь хоть кусок там, в стране фей, и не видать тебе больше солнца.

Чайлд Роланд поблагодарил Мёрлина за добрый совет и тронулся в путь. Он шёл, и шёл, и шёл всё дальше и даль-

ше, пока не увидел табунщика, пасшего королевских коней. Чайлд Роланд сразу понял, что это кони короля эльфов, по их горящим глазам. А раз так, значит, он наконец попал в страну фей.

— Скажи мне, — обратился Чайлд Роланд к табунщику, — где находится Тёмная Башня короля эльфов?

— Не знаю, — ответил табунщик. — Пройди ещё немного и увидишь пастуха. Может, он тебе скажет.

Тут Чайлд Роланд недолго думая выхватил свой славный меч, разивший без промаха, и голова табунщика слетела с плеч. А Чайлд Роланд пошёл дальше. Он всё шёл и шёл, пока не увидел пастуха, пасшего королевских коров. Пастуху он задал тот же вопрос.

— Не знаю, — ответил ему пастух. — Пройди ещё немного, там увидишь птичницу, уж она-то знает.

Тут Чайлд Роланд снова поднял свой славный меч, разивший без промаха, и голова пастуха тоже слетела с плеч. А Чайлд Роланд прошёл ещё немного и увидел старуху в серой накидке. Он спросил её, знает ли она, где находится Тёмная Башня короля эльфов.

— Пройди ещё немного, — сказала ему птичница, — и ты увидишь круглый зелёный холм. От подножия до самой вершины он опоясан террасами. Обойди трижды вокруг холма против солнца и каждый раз приговаривай:

Откройте дверь, откройте дверь,
Позвольте мне войти.

На третий раз дверь откроется, и ты войдёшь.

Чайлд Роланд отправился было дальше, да вспомнил, что ему говорил волшебник. Вот выхватил он свой славный меч, разивший без промаха, но птичница уже исчезла, словно её и не было.

Чайлд Роланд пошёл дальше. Шёл и шёл, пока не достиг круглого зелёного холма, от подножия до самой вершины опоясанного террасами. Трижды обошёл его против солнца и каждый раз приговаривал:

— Откройте дверь, откройте дверь,
Позвольте мне войти.

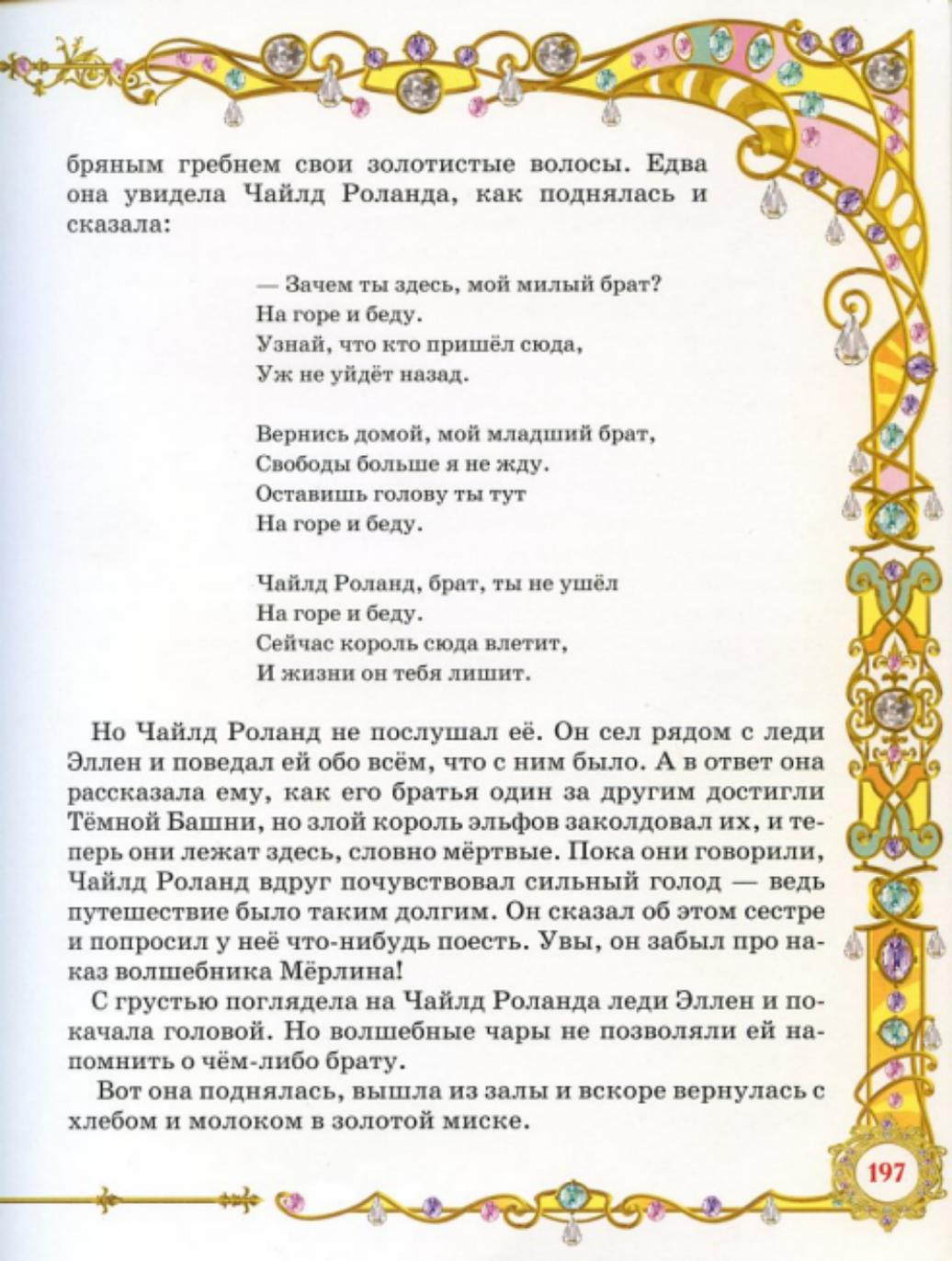
На третий раз дверь и впрямь открылась. Чайлд Роланд вошёл, дверь тут же захлопнулась, и он остался запертым в темноте.

Правда, здесь было не совсем темно, откуда-то проникал слабый свет, но Чайлд Роланд не видел ни окон, ни свечей и не мог понять, откуда он проникает, — разве что через стены и потолок? Вскоре он различил коридор со сводами из прозрачного камня. Но хотя вокруг был камень, воздух оставался чудесно тёплым, как это всегда бывает в стране фей.

Вот миновал Чайлд Роланд этот коридор и подошёл наконец к высокой и широкой двустворчатой двери. Она была полуоткрыта, и когда Чайлд Роланд открыл её настежь, то увидел чудо из чудес.

Перед ним была огромная зала. Потолок её подпирали золотые колонны, а между ними тянулись гирлянды цветов из бриллиантов, изумрудов и других драгоценных камней. Все рёбра сводов сходились в середине потолка, и оттуда на золотой цепи свешивался огромный светильник, сделанный из одной полой и совершенно прозрачной жемчужины невиданной величины. Внутри жемчужины вращался громадный карбункул. Его яркие лучи озаряли всю залу, и казалось, будто светит заходящее солнце.

Зала была роскошно убрана, и в конце её стояло пышное ложе с бархатным покрывалом, расшитым шёлком и золотом, а на ложе сидела леди Эллен и расчёсывала сере-

бряным гребнем свои золотистые волосы. Едва она увидела Чайлд Роланда, как поднялась и сказала:

— Зачем ты здесь, мой милый брат?
На горе и беду.
Узнай, что кто пришёл сюда,
Уж не уйдёт назад.

Вернись домой, мой младший брат,
Свободы больше я не жду.
Оставишь голову ты тут
На горе и беду.

Чайлд Роланд, брат, ты не ушёл
На горе и беду.
Сейчас король сюда влетит,
И жизни он тебя лишит.

Но Чайлд Роланд не послушал её. Он сел рядом с леди Эллен и поведал ей обо всём, что с ним было. А в ответ она рассказала ему, как его братья один за другим достигли Тёмной Башни, но злой король эльфов заколдовал их, и теперь они лежат здесь, словно мёртвые. Пока они говорили, Чайлд Роланд вдруг почувствовал сильный голод — ведь путешествие было таким долгим. Он сказал об этом сестре и попросил у неё что-нибудь поесть. Увы, он забыл про наказ волшебника Мёрлина!

С грустью поглядела на Чайлд Роланда леди Эллен и покачала головой. Но волшебные чары не позволяли ей напомнить о чём-либо брату.

Вот она поднялась, вышла из зала и вскоре вернулась с хлебом и молоком в золотой миске.

Чайлд Роланд уже готов был пригубить молоко, как вдруг взглянул на сестру и вспомнил, зачем пришёл сюда.

— Ни глотка я не выпью, ни куска не съем, — сказал он, — пока не освобожу мою сестру Эллен!

Тут они услышали чьи-то шаги и громкий голос:

— Фи-фай-фо-фут,
Кровь человека чую тут.
Мёртвый он или живой,
Тут не ждёт его покой.

И тотчас широкие двери распахнулись, и в залу ворвался король эльфов.

— Будем биться, если посмеешь, нечистый дух! — вскричал Чайлд Роланд и бросился к нему навстречу со своим славным мечом, разившим без промаха.

Они бились долго. Наконец Чайлд Роланд поставил короля эльфов на колени, и тот взмолился о пощаде.

— Обещаю пощадить тебя, — сказал Чайлд Роланд, — если ты снимешь злые чары с моей сестры, вернёшь к жизни моих братьев ипустишь нас всех на свободу.

— Согласен! — сказал король эльфов.

Он поднялся с колен, подошёл к сундуку и вынул из него склянку с кроваво-красной жидкостью. Смочил ею уши, веки, ноздри, губы и кончики пальцев обоим братьям, и те ожили.

Потом король эльфов прошептал несколько слов леди Элен, и волшебные чары спали с неё. Тогда все четверо вышли из зала, миновали длинный коридор и покинули Тёмную Башню короля эльфов. Навсегда.

Ханс Кристиан
Андерсен

**ДИКИЕ
ЛЕБЕДИ**

Далеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочка, Элиза.

Отец их, король той страны, женился на злой королеве, которая невзлюбила бедных детей.

Через неделю она отдала сестрицу Элизу на воспитание в деревню к каким-то крестьянам, а прошло ещё немного времени, и она успела столько наговорить королю о бедных принцах, что он больше и видеть их не хотел.

— Убирайтесь-ка подобру-поздорову на все четыре стороны! — сказала злая королева. — Обернитесь большими немymi птицами и улетайте прочь!

Они превратились в одиннадцать прекрасных диких лебедей, с криком вылетели из дворцовых окон и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо избы, где спала ещё крепким сном их сестрица Элиза. Они принялись

кружить над крышей, вытягивали свои гибкие шеи и хлопали крыльями, но никто не слышал и не видел их; так им и пришлось улететь ни с чем. Высоко-высоко взвились они к самым облакам и полетели в большой, тёмный лес, что тянулся до самого моря.

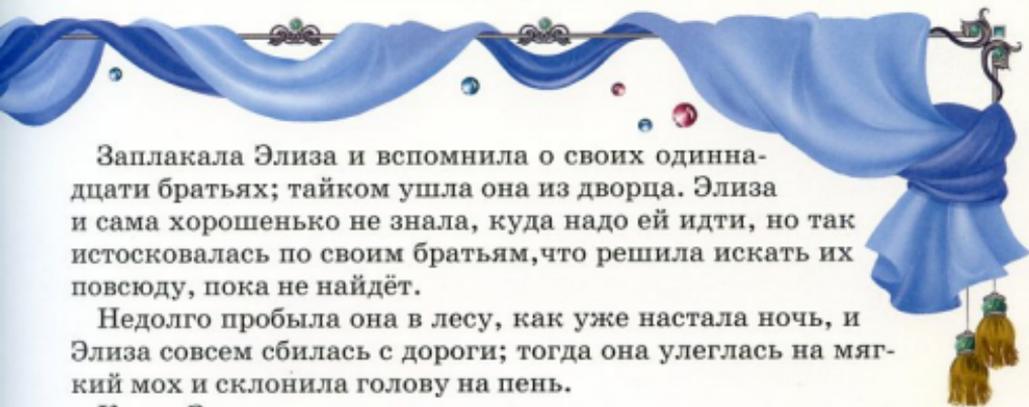
Но вот Элизе минуло пятнадцать лет, и её отправили домой. Увидав, какая она хорошенькая, королева разгневалась и возненавидела падчерицу. Она с удовольствием превратила бы её в дикого лебедя, да нельзя было сделать этого сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в мраморную купальню, убранную чудными коврами и мягкими подушками, взяла трёх жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

— Сядь Элизе на голову, когда она войдёт в купальню; пусть она делается такую же тупой и ленивой, как ты! А ты сядь ей на лоб! — сказала она другой. — Пусть Элиза станет такой же безобразной, как ты, и отец не узнает её! Ты же ляг ей на сердце! — шепнула королева третьей жабе. — Пусть она будет злонравной и пусть мучается от этого!

Затем она спустила жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же позеленела. Позвав Элизу, королева раздела её и велела ей войти в воду. Элиза послушалась, и одна жаба села ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь; но Элиза даже не заметила этого, и, как только вышла из воды, по воде поплыли три красных мака. Колдовство не имело над ней власти.

Увидав это, злая королева натёрла Элизу соком грецкого ореха, так что она стала совсем коричневой, вымазала ей личико вонючей мазью и спутала ей чудные волосы. Теперь нельзя было узнать прелестную Элизу. Даже отец её испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не признавал её, кроме цепной собаки да ласточек, но кто стал бы слушать бедных тварей!

Заплакала Элиза и вспомнила о своих одиннадцати братьях; тайком ушла она из дворца. Элиза и сама хорошенько не знала, куда надо ей идти, но так истосковалась по своим братьям, что решила искать их повсюду, пока не найдёт.

Недолго пробыла она в лесу, как уже настала ночь, и Элиза совсем сбилась с дороги; тогда она улеглась на мягкий мох и склонила голову на пень.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко; Невдалеке слышалось журчание источника; оказалось, что тут бежало несколько больших ручьёв, вливавшихся в пруд с чудным песчаным дном. Вода в пруду была чистая и прозрачная.

Увидев своё лицо, Элиза совсем перепугалась, такое оно было чёрное и гадкое; но вот она зачерпнула горстью воды, потёрла глаза и лоб, и опять заблестела её белая нежная кожа.

Одевшись и заплетя свои длинные волосы, она пошла к журчащему источнику, напилась воды прямо из пригоршни и потом пошла дальше по лесу, сама не зная куда.

Отправившись дальше, Элиза встретила старушку с корзиной ягод; старушка дала девушке горсточку ягод, и Элиза спросила её, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

— Нет, — сказала старушка, — но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река.

Элиза простилась со старушкой и пошла к устью реки, впадавшей в море.

Когда солнце было близко к закату, Элиза увидела вереницу летевших к берегу диких лебедей в золотых коронах;

лебедей было одиннадцать, и летели они один за другим, вытянувшись длинною белою лентой. Элиза взобралась на верх обрыва и спряталась за куст. Лебеди спустились недалеко от неё и захлопали своими большими белыми крыльями.

В ту же самую минуту, как солнце скрылось под водой, оперение с лебедей вдруг спало, и на берегу очутились одиннадцать красавцев принцев, Элизиных братьев! Элиза громко вскрикнула; она сразу узнала их, несмотря на то что они сильно изменились, сердце подсказало ей, что это они! Она бросилась в их объятия, называла их всех по именам, а они-то как обрадовались, увидав и узнав свою сестрицу, которая так выросла и похорошела.

— Мы, братья, — сказал самый старший, — заколдованы в диких лебедей и летаем весь день-деньской, от восхода до самого заката, когда же солнце садится, мы опять принимаем человеческий образ. Живём мы не тут; далеко-далеко за морем лежит такая же чудная страна, как эта, но дорога туда длинна, приходится перелетать через всё море. Только в самой середине моря торчит небольшой одинокий утёс, на котором мы кое-как и можем отдохнуть, тесно прижавшись друг к другу. Лишь раз в году позволено нам прилетать на родину; мы можем оставаться здесь одиннадцать дней и летать над этим большим лесом, откуда нам виден дворец, где мы родились и где живёт наш

отец, и колокольню церкви, где покоится наша мать. Как же нам взять тебя с собой? У нас нет ни корабля, ни лодки!

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только на несколько часов.

Элиза проснулась от шума лебединых крыл. Братья опять стали птицами и летали в воздухе большими кругами, а потом и совсем скрылись из виду. С Элизой остался только самый младший из братьев. Целый день провели они вдвоём, к вечеру же прилетели и остальные, и, когда солнце село, все вновь приняли человеческий образ.

— Завтра мы должны улететь отсюда и сможем вернуться не раньше будущего года, но тебя мы не покинем здесь! — сказал младший брат. — Хватит ли у тебя мужества улететь с нами?

— Да, возьмите меня с собой! — сказала Элиза.

Всю ночь провели они за плетением сетки из гибкого лозняка и тростника; сетка вышла большая и прочная; в неё положили Элизу; превратившись на восходе солнца в лебедей, братья схватили сетку клювами и взвились с милой, спавшей ещё крепким сном сестрицей к облакам.

Целый день летели лебеди, как пущенная из лука стрела, но всё-таки медленнее обыкновенного; теперь ведь они несли сестру. День

стал клониться к вечеру, поднялась непогода; Элиза со страхом следила за тем, как опускалось солнце, — одинокого морского утёса всё ещё не было видно.

Солнце наполовину скрылось под водой, и тогда Элиза вдруг увидала под собой утёс, величиной не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Но вот лебеди ступили ногой на твёрдую почву, и солнце погасло, как последняя искра догоревшей бумаги. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; все они едва умещались на крошечном утёсе.

На заре буря улеглась, опять стало ясно и тихо; с восходом солнца лебеди с Элизой полетели дальше.

Но вот наконец показалась и настоящая земля, куда они летели. Там возвышались красивые голубые горы, поросшие кедровыми лесами, виднелись города и замки. Задолго до захода солнца Элиза сидела на скале перед большой пещерой, точно обвешанной вышитыми зелёными коврами, — так увидели её нежно-зелёные ползучие растения.

— Посмотрим, что приснится тебе тут ночью! — сказал младший из братьев и указал сестре её спальню.

— Ах, если бы мне приснилось, как освободить вас от чар! — сказала она. Эта мысль не выходила у неё из головы.

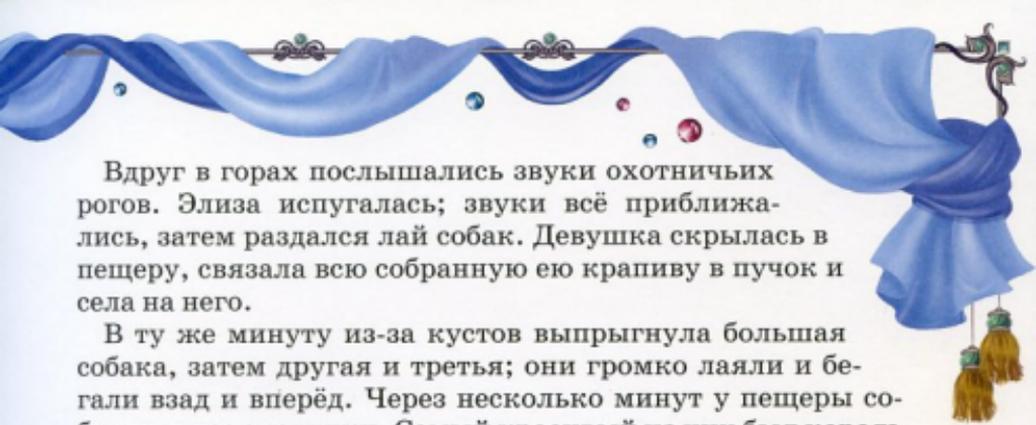
И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко по воздуху к замку фата-морганы и что фея сама выходит ей навстречу, такая светлая и прекрасная, но в то же время удивительно похожая на старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

— Твоих братьев можно спасти, — сказала она. — Но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Видишь, у меня в руках крапива? Такая крапива растёт здесь возле пещеры, и только она, да ещё та крапива, что растёт на кладбищах, может тебе пригодиться, заметь же её! Ты нарвёшь этой крапивы, потом разомнёшь её ногами, ссучишь из полученного волокна крепкие нити, затем сплетёшь из них одиннадцать рубашек-панцирей с длинными рукавами и набросишь их на лебедей; тогда колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнёшь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь её, хотя бы она длилась целые годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвётся у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом. Их жизнь и смерть будут в твоих руках! Помни же всё это!

И фея коснулась её руки жгучею крапивой. Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день, и она сейчас же принялась за работу.

С заходом солнца явились братья и очень испугались, видя, что она стала немой. Они думали, что это новое колдовство их злой мачехи, но, взглянув на её руки, поняли, что она стала немой ради их спасения.

Ночь Элиза провела за работой, она не знала покоя и думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинёшенька, но никогда ещё время не бежало для неё с такой быстротой. Одна рубашка-панцирь была уже готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах послышались звуки охотничьих рогов. Элиза испугалась; звуки всё приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную ею крапиву в пучок и села на него.

В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, затем другая и третья; они громко лаяли и бегали взад и вперёд. Через несколько минут у пещеры собрались все охотники. Самый красивый из них был король той страны. Он подошёл к Элизе, никогда ещё не встречал он такой красавицы!

— Как ты попала сюда, прелестное дитя? — спросил он, но Элиза только покачала головой; она ведь не смела говорить: от её молчания зависела жизнь и спасение её братьев.

— Пойдём со мной! — сказал он. — Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так же добра, как хороша, я наряжу тебя в шёлк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моём великолепном дворце! — и повёл её через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру показалась великолепная столица короля, с церквями и куполами, и король привёл Элизу в свой дворец.

Богатые уборы так украшали её, она была в них так ослепительно хороша, что весь двор преклонился перед ней, а король провозгласил её своей невестой, хотя архиепископ и покачал головой, нашёптывая королю, что лесная красавица, должно быть, ведьма, что она отвела им всем глаза и околдовала сердце короля.

Король повёл Элизу в покои. Он открыл дверцу в маленькую комнатку, находившуюся как раз возле её спальни. Комнатка вся была увешана зелёными коврами и напоминала лесную пещеру, где нашли Элизу; на полу лежала

связка крапивного волокна, а на потолке висела сплетённая Элизой рубашка-панцирь.

— Вот тут ты можешь вспомнить своё прежнее жилище! — сказал король. — Тут и работа твоя; может быть, ты пожелаешь иногда поразвлечься среди всей окружающей тебя пышности воспоминаниями о прошлом!

Увидав дорогую её сердцу работу, Элиза улыбнулась, и прежний румянец вновь окрасил её щёки; она подумала о спасении братьев и поцеловала руку короля, а он прижал её к груди и велел звонить в колокола по случаю своей свадьбы. Немая лесная красавица стала королевой.

По ночам она тихонько уходила из королевской спальни в свою потаённую комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку-панцирь за другой, но когда принялась уже за седьмую, у неё вышло всё волокно.

Она знала, что такую крапиву можно найти на кладбище, но ведь она должна была рвать её сама. Как же быть?

Сердце её сжималось от страха, когда пробиралась лунной ночью в сад, а оттуда по длинным аллеям и пустынным улицам на кладбище.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел её — архиепископ; теперь он убедился, что был прав, подозревая королеву; итак, она была ведьмой и потому сумела околдовать короля и весь народ.

Когда король пришёл к нему в исповедальню, архиепископ рассказал ему о том, что видел и что подозревал. Ночью король только притворился, что спит, на самом же деле сон бежал от него. И вот он увидел, что Элиза встала и выскользнула из спальни; в следующие ночи повторилось то же самое. Но у Элизы опять не хватило волокна. Ещё раз, последний раз, нужно было сходить на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы.

Элиза отправилась в путь, но король с архиепископом следили за ней и видели, как она скрылась за кладбищенскою оградой.

— Пусть судит её народ! — сказал он.

И народ присудил — сжечь королеву на костре.

Из великолепных королевских покоев Элизу перевели в мрачное сырое подзаемелье с железными решётками

на окнах, в которые со свистом врвался ветер. Вместо бархата и шёлка дали бедняжке связку набранной ею на кладбище крапивы; эта жгучая связка должна была служить Элизе изголовьем, а сплетённые ею жёсткие рубашки-панцири — постелью и коврами; но дороже этого ей ничего не было. И она вновь принялась за свою работу.

Народ валом повалил за город посмотреть, как будет жечь ведьму. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук начатой работы; десять рубашек-панцирей лежали у её ног совсем готовые, одиннадцатую она плела.

Люди теснились вокруг неё, норовя вырвать из её рук работу, как вдруг прилетели одиннадцать белых лебедей,

сели по краям телеги и шумно захлопали своими могучими крыльями.

Элиза поспешно набросила на лебедей одиннадцать рубашек, и... перед ней встали одиннадцать красавцев принцев, только у самого младшего не хватало одной руки, вместо неё было лебединое крыло: Элиза не успела закончить последней рубашки, в ней недоставало одного рукава.

— Теперь я могу говорить! — сказала она. — Я невинна!

И народ, видевший всё, что произошло, преклонился перед ней, как перед святой.

— Да, она невинна! — сказал самый старший брат и рассказал всё, как было.

Все церковные колокола зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое свадебное шествие, какого не видал ещё ни один король!

**ТРИ
ВОЛШЕБНЫХ
АПЕЛЬСИНА**

Итальянская сказка

Давным-давно правил одной страной богатый и могущественный король. Войска у него было видимо-невидимо, а золотых монет в казне и вовсе было не сосчитать. Одно только огорчало короля, что не было у него наследника. Королева слыла женщиной благочестивой и усердно молилась Богу, прося о первенце.

Но шли годы, а детей у короля с королевой всё не было.

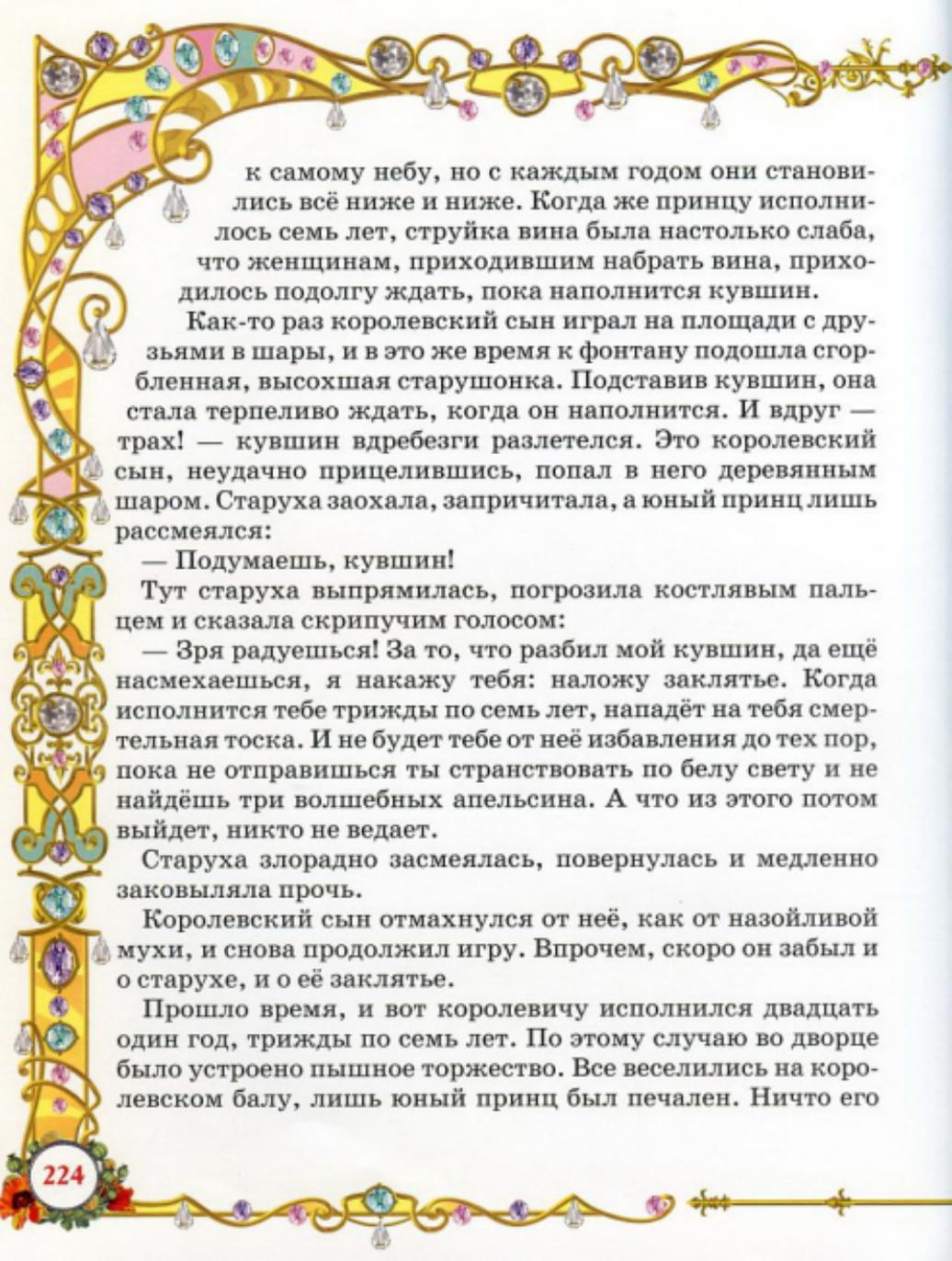
Однажды королю приснился сон, будто на главной площади перед дворцом бил большой фонтан и текла в нём не вода, а душистое розовое вино, а возле фонтана резвился хорошенький мальчик — его сын.

На следующий день, проснувшись, король велел соорудить на дворцовой площади фонтан, в котором бы струилась не вода, а розовое вино.

Все горожане были очень довольны королевским капризом, и каждый, наполнив свой кувшин, возносил хвалу его величеству и желал ему благоденствия и в первую очередь наследника.

Действительно, в тот же год у королевы родился прехорошенький мальчик.

В первый год после рождения королевича струи вина в фонтане вздымались выше дворца, поднимаясь

к самому небу, но с каждым годом они становились всё ниже и ниже. Когда же принцу исполнилось семь лет, струйка вина была настолько слаба, что женщинам, приходившим набрать вина, приходилось подолгу ждать, пока наполнится кувшин.

Как-то раз королевский сын играл на площади с друзьями в шары, и в это же время к фонтану подошла сгорбленная, высохшая старушонка. Подставив кувшин, она стала терпеливо ждать, когда он наполнится. И вдруг — трах! — кувшин вдребезги разлетелся. Это королевский сын, неудачно прицелившись, попал в него деревянным шаром. Старуха заохала, запричитала, а юный принц лишь рассмеялся:

— Подумаешь, кувшин!

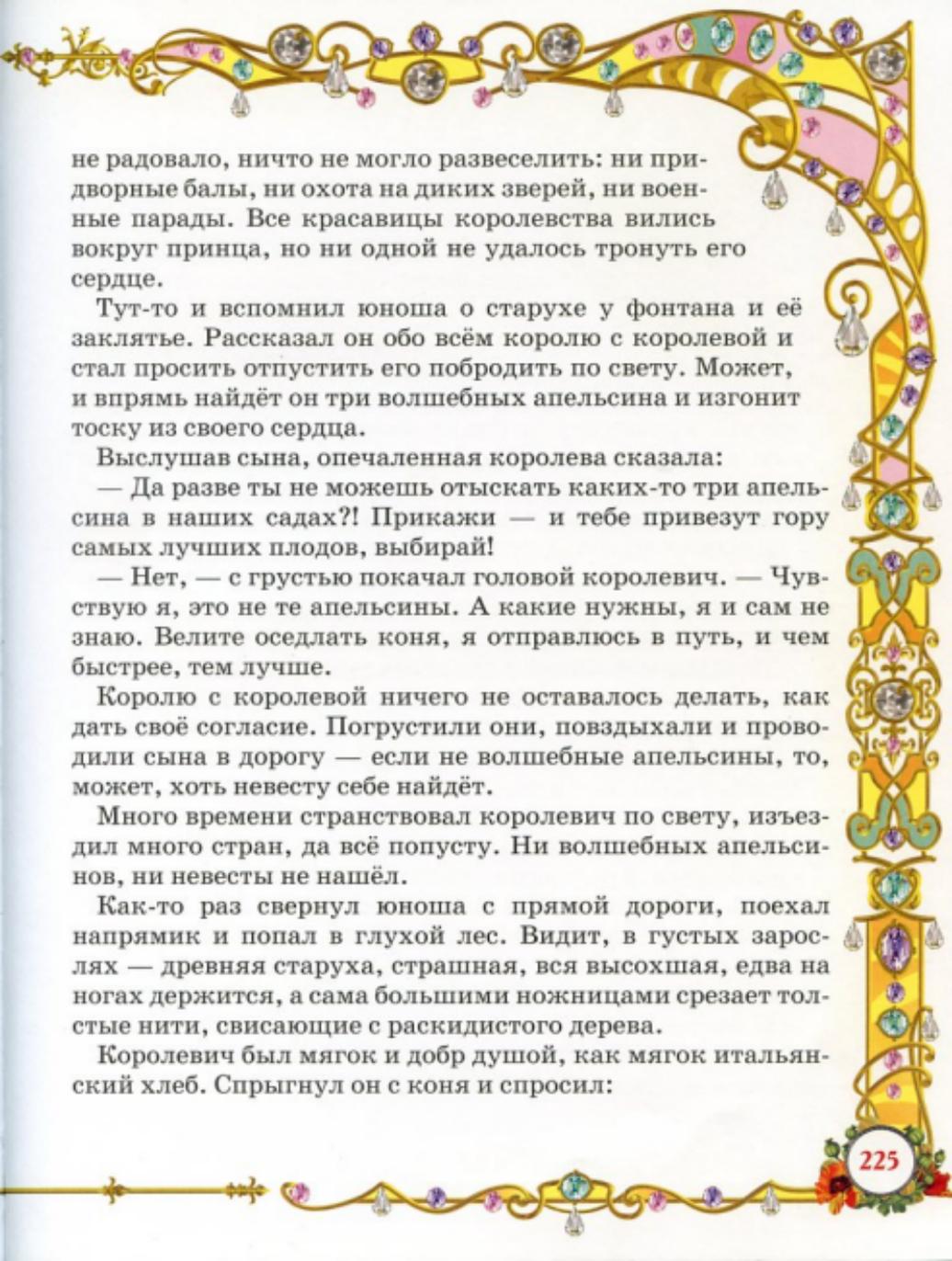
Тут старуха выпрямилась, погрозила костлявым пальцем и сказала скрипучим голосом:

— Зря радуешься! За то, что разбил мой кувшин, да ещё насмехаешься, я накажу тебя: наложу заклятье. Когда исполнится тебе трижды по семь лет, нападёт на тебя смертельная тоска. И не будет тебе от неё избавления до тех пор, пока не отправишься ты странствовать по белу свету и не найдёшь три волшебных апельсина. А что из этого потом выйдет, никто не ведает.

Старуха злорадно засмеялась, повернулась и медленно заковыляла прочь.

Королевский сын отмахнулся от неё, как от назойливой мухи, и снова продолжил игру. Впрочем, скоро он забыл и о старухе, и о её заклятье.

Прошло время, и вот королевичу исполнился двадцать один год, трижды по семь лет. По этому случаю во дворце было устроено пышное торжество. Все веселились на королевском балу, лишь юный принц был печален. Ничто его

не радовало, ничто не могло развеселить: ни придворные балы, ни охота на диких зверей, ни военные парады. Все красавицы королевства вились вокруг принца, но ни одной не удалось тронуть его сердце.

Тут-то и вспомнил юноша о старухе у фонтана и её заклятье. Рассказал он обо всём королю с королевой и стал просить отпустить его побродить по свету. Может, и впрямь найдёт он три волшебных апельсина и изгонит тоску из своего сердца.

Выслушав сына, опечаленная королева сказала:

— Да разве ты не можешь отыскать каких-то три апельсина в наших садах?! Прикажи — и тебе привезут гору самых лучших плодов, выбирай!

— Нет, — с грустью покачал головой королевич. — Чувствую я, это не те апельсины. А какие нужны, я и сам не знаю. Велите оседлать коня, я отправлюсь в путь, и чем быстрее, тем лучше.

Королю с королевой ничего не оставалось делать, как дать своё согласие. Погрустили они, повздыхали и проводили сына в дорогу — если не волшебные апельсины, то, может, хоть невесту себе найдёт.

Много времени странствовал королевич по свету, изъездил много стран, да всё попусту. Ни волшебных апельсинов, ни невесты не нашёл.

Как-то раз свернул юноша с прямой дороги, поехал напрямик и попал в глухой лес. Видит, в густых зарослях — древняя старуха, страшная, вся высохшая, едва на ногах держится, а сама большими ножницами срезает толстые нити, свисающие с раскидистого дерева.

Королевич был мягок и добр душой, как мягок итальянский хлеб. Спрыгнул он с коня и спросил:

— Не холодно ли тебе, бабушка, в таком сыром лесу? — И протянул ей свой красивый, расшитый золотом плащ.

— Спасибо, вижу, ты добрый человек, — прохрипела в ответ старуха, а глаза её так и полыхнули огнём. — Знаю, что ты ищешь, но я тебе помочь не могу. Я не та, кто тебе нужен. Знай, я не просто нити срезаю, а человеческие жизни укорачиваю. Но за доброту твою я тоже добром отплачу. Езжай напрямик через этот лес, выедешь на опушку и там найдёшь того, кто тебе нужен.

Долго ехать королевичу не пришлось: густые заросли будто сами собой расступались перед ним, и вскоре оказался он на опушке, где стоял маленький опрятный домик. В окне сидела добрая с виду женщина и прядла пряжу.

Поздоровался с ней королевич и вошёл в дом.

— Что тебя привело ко мне? — спросила женщина, а сама, не открывая глаз, продолжала тянуть нити.

Рассказал юноша, что дорогу к ней указала ему повстречавшаяся в лесу старуха, а ищет он три волшебных апельсина.

— Знай же, что старуха эта — сама смерть. Не ко всем она бывает так благосклонна, как к тебе. Я бы тоже рада помочь тебе, но видишь, я слепа. Я лишь поддерживаю человеческие жизни и не в силах ничего менять в их судьбах. Но не печалься, я укажу тебе дорогу к тому, кто тебе нужен.

И снова королевич отправился в путь, разыскивая ту, что могла бы помочь ему отыскать волшебные апельсины и снять заклятье.

Долго ли ехал королевич, не знаем. Только проехал он через лес, переехал через гору и оказался в зелёной долине. Тут юноша спешился, привязал коня к дереву, осмотрелся и увидел едва заметную тропинку, заросшую травой. Видно, в этих краях давно никто не бывал. Пошёл он по ней и пришёл в чудесный сад, где цвели и благоухали апельсиновые деревья, порхали райские птицы и гуляли олени. В саду королевич увидел юную красавицу: она любовалась цветами, разговаривала с птицами и животными, как будто понимала их язык.

— Здравствуй, принц! — приветливо встретила красавица юношу. — Знаю, знаю, зачем ты пожаловал. Ведь это была сама судьба, которая послала тебя сюда.

— А кто же ты? — удивлённо спросил королевич.

— Я та, кто дарует жизнь, — усмехнувшись, ответила девушка. — Как видишь, у меня много апельсинов, и все они волшебные.

С этими словами она протянула руку и сорвала с дерева три апельсина. Но какие! Большие, ароматные, золотистые, словно всё щедрое солнце Италии досталось им.

— Возьми эти апельсины, в них — твоё счастье. Теперь-то ты уж верно избавишься от тоски. Но помни: очищать их от кожуры надо вблизи ручья.

Поблагодарил её королевич и поскакал на своём добром коне домой, увозя три волшебных апельсина.

Вот переехал он через гору, едет долиной, день знойный, на небе ни облачка, солнце палит нещадно. Жажда

замучила королевича. Стал он искать поблизости какой-нибудь ручеёк, но нигде не нашёл. Пить хочется так, что юноша ни о чём другом и думать не может.

«Да ведь у меня целых три апельсина! — обрадовался он. — Съем один и утолю жажду».

Королевич вынул апельсин и только надрезал кожуру, как случилось чудо: апельсин распался на две половинки, и из него вышла красивая девушка.

— Дай мне пить! — жалобно попросила она.

Королевич не знал, что делать, он и сам страдал от жажды.

— Пить, дай мне пить! — простонала девушка, упала на землю, испустила дух и... исчезла. А на этом месте, откуда ни возьми, выросли апельсиновые деревья.

Опечалился юноша, да ничего не поделаешь. Двинулся он дальше. Вскоре добрался королевич до ущелья, на дне которого журчал ручей.

Бросился он к нему, утолил жажду, напоил коня и сел передохнуть в тени раскидистого дерева.

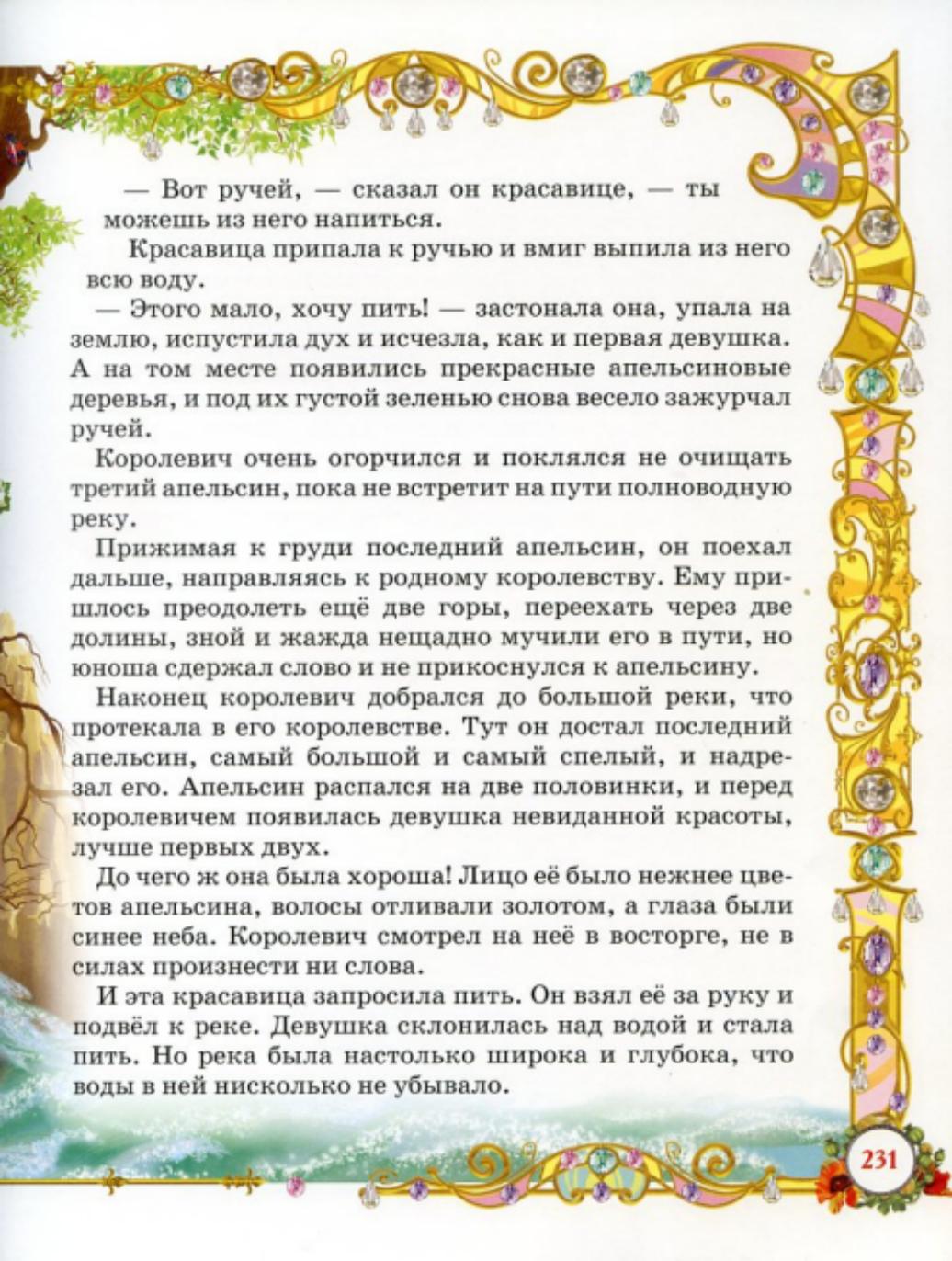

Достал он второй апельсин, долго-долго смотрел на него и думал: что же в этом апельсине? Искушение было столь велико, что корольевич взял да и надрезал золотистую кожуру.

И на этот раз апельсин распался на две половинки и из него вышла девушка, красивее первой и тоже попросила пить. Корольевич обрадовался, что выполнил наказ и разломил апельсин возле ручья.

— Вот ручей, — сказал он красавице, — ты можешь из него напиться.

Красавица припала к ручью и вмиг выпила из него всю воду.

— Этого мало, хочу пить! — застонала она, упала на землю, испустила дух и исчезла, как и первая девушка. А на том месте появились прекрасные апельсиновые деревья, и под их густой зеленью снова весело зажурчал ручей.

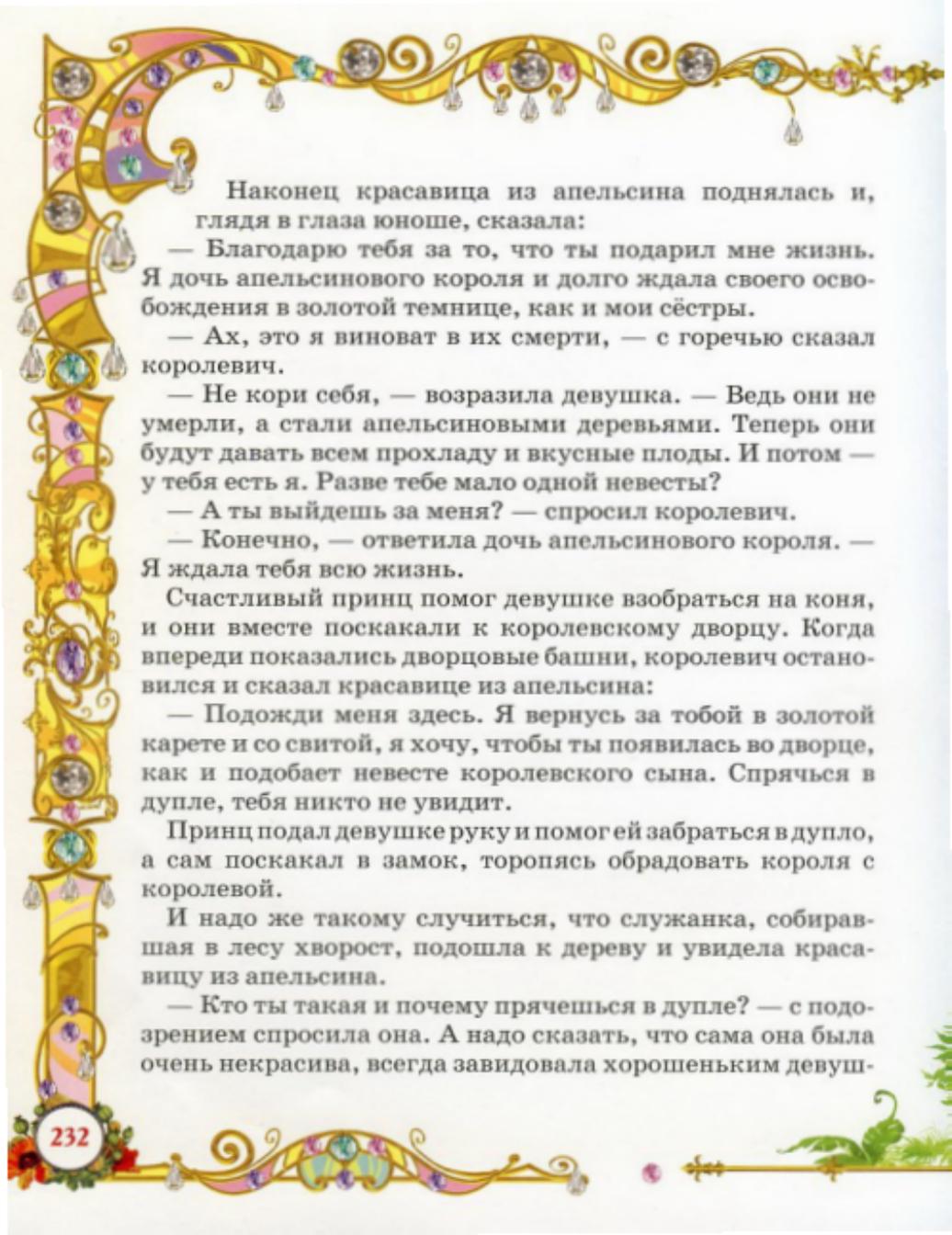
Королевич очень огорчился и поклялся не очищать третий апельсин, пока не встретит на пути полноводную реку.

Прижимая к груди последний апельсин, он поехал дальше, направляясь к родному королевству. Ему пришлось преодолеть ещё две горы, переехать через две долины, зной и жажда нещадно мучили его в пути, но юноша сдержал слово и не прикоснулся к апельсину.

Наконец королевич добрался до большой реки, что протекала в его королевстве. Тут он достал последний апельсин, самый большой и самый спелый, и надрезал его. Апельсин распался на две половинки, и перед королевичем появилась девушка невиданной красоты, лучше первых двух.

До чего ж она была хороша! Лицо её было нежнее цветов апельсина, волосы отливали золотом, а глаза были синее неба. Королевич смотрел на неё в восторге, не в силах произнести ни слова.

И эта красавица запросила пить. Он взял её за руку и подвёл к реке. Девушка склонилась над водой и стала пить. Но река была настолько широка и глубока, что воды в ней нисколько не убывало.

Наконец красавица из апельсина поднялась и, глядя в глаза юноше, сказала:

— Благодарю тебя за то, что ты подарил мне жизнь. Я дочь апельсинового короля и долго ждала своего освобождения в золотой темнице, как и мои сёстры.

— Ах, это я виноват в их смерти, — с горечью сказал королевич.

— Не кори себя, — возразила девушка. — Ведь они не умерли, а стали апельсиновыми деревьями. Теперь они будут давать всем прохладу и вкусные плоды. И потом — у тебя есть я. Разве тебе мало одной невесты?

— А ты выйдешь за меня? — спросил королевич.

— Конечно, — ответила дочь апельсинового короля. — Я ждала тебя всю жизнь.

Счастливый принц помог девушке взобраться на коня, и они вместе поскакали к королевскому дворцу. Когда впереди показались дворцовые башни, королевич остановился и сказал красавице из апельсина:

— Подожди меня здесь. Я вернусь за тобой в золотой карете и со свитой, я хочу, чтобы ты появилась во дворце, как и подобает невесте королевского сына. Спрячься в дупле, тебя никто не увидит.

Принц подал девушке руку и помог ей забраться в дупло, а сам поскакал в замок, торопясь обрадовать короля с королевой.

И надо же такому случиться, что служанка, собиравшая в лесу хворост, подошла к дереву и увидела красавицу из апельсина.

— Кто ты такая и почему прячешься в дупле? — с подозрением спросила она. А надо сказать, что сама она была очень некрасива, всегда завидовала хорошеньким девуш-

кам и, уж конечно,
не питала к ним добрых
чувств.

— Я дочь апельсина-
нового короля, невеста
сына короля этой страны.
Он скоро приедет за мной в
золочёной карете и со свитой, —
доверчиво рассказала ей краса-
вица.

— О прекрасная госпожа! — льстиво
заговорила служанка. — Я бедная
девушка, сирота. Возьмите меня к себе
горничной, ведь вы никого во дворце не
знаете, а я буду стараться во всём услу-
жить вам.

— Ну что ж, — согласи-
лась принцесса. У неё было
доброе сердце, и ей всегда
хотелось сделать людям
что-то хорошее.

— Скоро приедет принц, а ваши волосы рас­трепались. Давайте я причешу вас, — предло­жила служанка. Сама же задумала недоброе.

Ничего не подозревая, принцесса спустилась на землю, но, едва она приблизилась к про­столюдинке, как та ударила её ножом в грудь. Красавица вскрикнула, упала бездыханная на землю, но — о чудо! — превратилась в горлицу, взвилась в воздух и улетела.

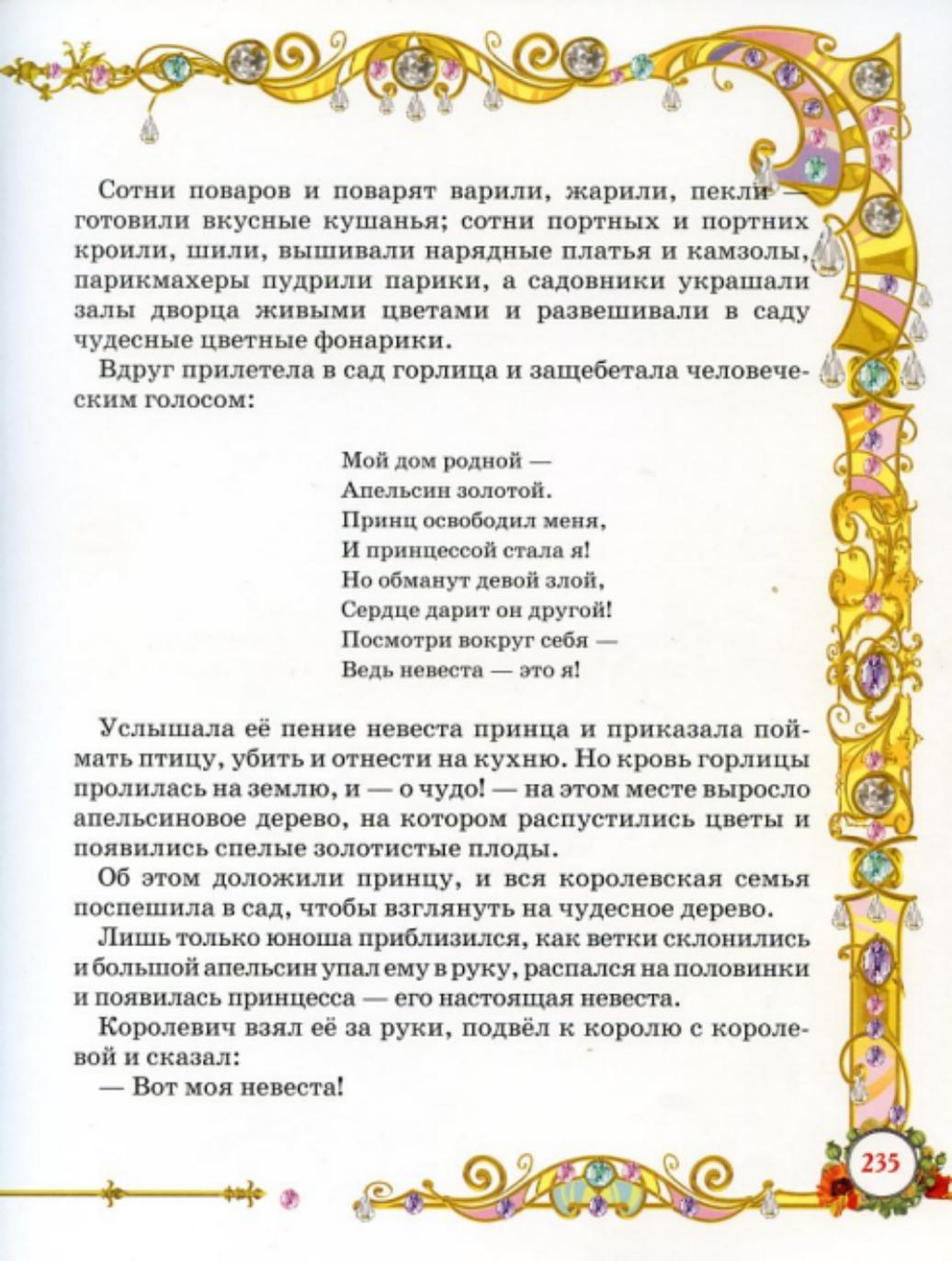
А коварная служанка забралась в дупло и стала поджидать принца.

Вскоре в золочёной карете в сопровождении придворных подъехал принц и был очень удив­лён, увидев вместо красавицы из апельсина дурнушку. Но девушка сказала, что мимо про­езжали разбойники и она нарочно преврати­лась в простолюдинку, чтобы не привлекать к себе внимания. А после свадьбы она снова при­мет свой прежний облик.

Ничего другого не оставалось королевичу, как везти её во дворец.

Увидев невесту сына, король с королевой очень огорчились — ведь он уверял их, что нашёл себе красавицу, какой свет не видывал. Но раз слово дано, надо его выполнять. И во дворце стали готовиться к свадьбе.

Было приглашено множество гостей со всего королевства, а также из соседних земель — всем хотелось взглянуть на красавицу принцессу, ради которой королевич объехал полсвета.

Сотни поваров и поварят варили, жарили, пекли — готовили вкусные кушанья; сотни портных и портних кроили, шили, вышивали нарядные платья и камзолы, парикмахеры пудрили парики, а садовники украшали залы дворца живыми цветами и развешивали в саду чудесные цветные фонарики.

Вдруг прилетела в сад горлица и защebetала человеческим голосом:

Мой дом родной —
Апельсин золотой.
Принц освободил меня,
И принцессой стала я!
Но обманут девой злой,
Сердце дарит он другой!
Посмотри вокруг себя —
Ведь невеста — это я!

Услышала её пение невеста принца и приказала поймать птицу, убить и отнести на кухню. Но кровь горлицы пролилась на землю, и — о чудо! — на этом месте выросло апельсиновое дерево, на котором распустились цветы и появились спелые золотистые плоды.

Об этом доложили принцу, и вся королевская семья поспешила в сад, чтобы взглянуть на чудесное дерево.

Лишь только юноша приблизился, как ветки склонились и большой апельсин упал ему в руку, распался на половинки и появилась принцесса — его настоящая невеста.

Королевич взял её за руки, подвёл к королю с королевой и сказал:

— Вот моя невеста!

Красавица рассказала им, что с ней приключилось. Разгневанный принц велел бросить коварную служанку в темницу и казнить её. Но добрая принцесса из апельсина упростила его пощадить её: ведь та росла сиротой и с детства не видела доброго отношения к себе.

Принц был рад исполнить любое желание своей невесты и приказал лишь прогнать обманщицу из королевства.

В тот же вечер во дворце было устроено пышное празднество. Гостей съехалось видимо-невидимо, все ели, пили, веселились до упаду. Счастливый принц не сводил глаз со своей чудо-невесты и ни на шаг не отходил от неё. И потом жили они долго и счастливо. Когда король ушёл на покой, его сын мудро и справедливо правил королевством, а его жена — принцесса из апельсина — родила ему прекрасных деток и по всей стране разводила апельсиновые сады.

СОДЕРЖАНИЕ

Шарль Перро
**ЗОЛУШКА, ИЛИ ХРУСТАЛЬНАЯ
ТУФЕЛЬКА**

(Пересказ Т. Габбе)

5

Шарль Перро
СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

(Пересказ Т. Габбе)

23

Шарль Перро
ОСЛИНАЯ ШКУРА

(Перевод И. Тургенева)

41

Шарль Перро
РИКЕ С ХОХОЛКОМ

(Перевод А. Федорова)

63

Братья Гримм
БЕЛОСНЕЖКА

(Перевод Г. Петникова)

81

Братья Гримм
КОРОЛЬ ДРОЗДОБОРОД

(Перевод Т. Габбе)

103

Братья Гримм
СТОПТАННЫЕ ТУФЕЛЬКИ

(Перевод Г. Петникова)

121

Х.-К. Андерсен

ОГНИВО

(Перевод А. Ганзен)

133

Х.-К. Андерсен

СВИНОПАС

(Перевод А. Ганзен)

149

Х.-К. Андерсен

**ПРИНЦЕССА
НА ГОРОШИНЕ**

(Перевод А. Ганзен)

163

Чешская сказка

ЗЛАТОВЛАСКА

(Перевод К. Паустовского)

169

Английская сказка

ЧАЙЛД РОЛАНД

(Перевод Н. Шерешевской)

189

Х.-К. Андерсен

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

(Перевод А. Ганзен)

203

Итальянская сказка

ТРИ ВОЛШЕБНЫХ АПЕЛЬСИНА

(Перевод В. Рыбченко)

221

Литературно-художественное издание
Для чтения взрослыми детям

СКАЗКИ О ПРИНЦЕССАХ

Художник Ю. ЩЕТИНКИНА

Дизайн обложки Т. А. АБРАМОВСКИХ

Ответственный редактор В. С. РЯБЧЕНКО

Художественный редактор М. В. ПАНКОВА

Технический редактор А. Т. ДОБРЫНИНА

Корректор Е. Н. ПЕТРОВА

Подписано к печати 20.06.08.

Формат 84×108^{1/16}. Бумага мелованная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76. Тираж 7 000 экз.

ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС».

Почтовый адрес: 125124, Москва, а/я 62. Тел.: (495) 933-71-30.

Юридический адрес: 129301, Москва, ул. Бориса Галушкина, д. 23, стр. 1.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru*

ОТДЕЛ ОПТОВЫХ ПРОДАЖ:

все города России, СНГ: (495) 933-70-73;

Москва и Московская область: (495) 933-70-75.

Отпечатано в Китае.

C42 **Сказки о принцессах**/Ил. Ю. Щетинкиной. – М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2008. – 240 с.: ил.

В этой замечательной книге собраны самые чудесные сказки о принцессах и есть всё: любовь и коварство, дружба и предательство, злые колдуньи и добрые волшебницы. И, конечно, все сказки заканчиваются свадьбой принцессы с прекрасным принцем.

ISBN 978-5-353-03718-7

УДК 82-1-93

ББК 84.4 (0)

© К. Паустовский, наследники, перевод, 2008

© Г. Петников, наследники, перевод, 2008

© А. Фёдоров, наследники, перевод, 2008

© Н. Шерешевская, перевод, 2008

© ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2008

ISBN 978-5-353-03718-7

9 785353 037187